DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/vilgelmii01arre

Arren, J.

ЖЮЛЬ АРРЕНЪ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

ЧТО ОНЪ ГОВОРИТЪ, ЧТО ОНЪ ДУМАЕТЪ.

ЖЮЛЬ АРРЕНЪ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

ЧТО ОНЪ ГОВОРИТЪ, ЧТО ОНЪ ДУМАЕТЪ.

Предисловіе ПОЛЬ АДАМА.

Переводъ съ французскаго
М. М. ТВЕРСКОГО,
Officier d'Académie.

МОСКВА.
1915.

Рисунокъ обложки воспроизводитъ статую Вильгельма II на новомъ порталѣ Мецкаго собора, даръ самого императора.

поставщикъ двора его величества
т-во скоропечатни А. А. Левенсонъ москва
трехпрудн. пер. собствен. домъ

923.143
W 617 BAR

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая русскимъ читателямъ настоящую книгу, я имѣю въ виду ту огромную, быть можетъ исчерпывающую роль, которую играетъ въ событіяхъ послѣдняго времени Вильгельмъ II. Кто онъ и что онъ?—На этотъ вопросъ въ большой степени отвѣчаетъ предлагаемая книга, бросая совершенно особый свѣтъ на физіономію Вильгельма, какъ императора Германіи.

Какъ замѣчаетъ авторъ книги, Jules Arren, въ ея первой части, о личности кайзера было высказано огромное количество мнѣній, при чемъ кадильный дымъ фанатическихъ обожателей смѣнялся безпощаднымъ глумленіемъ ненавистниковъ.

Желая избѣжать лишнихъ наслоеній на репутаціи, и безъ того изобилующей всякаго рода украшеніями и анекдотами, Жюль Арренъ оставляетъ въ сторонѣ всѣхъ разнорѣчивыхъ комментаторовъ Вильгельма и кладетъ въ основу своей книги одну лишь дословную передачу его офиціальныхъ рѣчей, главнымъ образомъ тѣхъ, которыя рѣзко очерчиваютъ физіономію кайзера въ ея историческомъ рельефѣ.

Для того, чтобы притти къ какому-нибудь опредѣленному выводу, требовался совершенно особый трудъ, который и взялъ на себя авторъ настоящей книги. Добросовѣстность, съ которою разобраны эти рѣчи,

и художественная тонкость комментаріевъ отмѣчены извѣстнымъ писателемъ *Поль Адамомъ* въ его предисловіи къ книгѣ, которое дѣлаетъ еще болѣе цѣннымъ этотъ трудъ, задуманный французомъ и для французовъ.

Мы не будемъ вдаваться въ подробный разборъ содержанія предлагаемой книги, желая оставить читателю нетронутымъ впечатлѣніе, порой ошеломляющее, которое его ждетъ. Скажемъ только, что личность Вильгельма вырисовывается здѣсь прежде всего преисполненной безконечныхъ мистическихъ фантазій, приправленныхъ преклоненіемъ передъ Вотаномъ, воинствующимъ патрономъ германцевъ. Онъ убѣжденъ въ своей божественной миссіи и сумѣлъ вселить вѣру въ это свое назначеніе, какъ высшаго орудія Провидѣнія, и въ душу своихъ фанатически настроенныхъ солдатъ.

Искренность и глубину этого мистическаго убѣжденія Ж. Арренъ больше всего и старается подчеркнуть въ кайзерѣ, усматривая въ нихъ залогъ огромной силы, которой нужно и должно остерегаться.

Настоящая война и есть бурный, издавна назрѣвшій взрывъ этого фанатизма и самовлюбленности, которая не признаетъ никакихъ правъ и законовъ, кромѣ права меча и кулака, которая узакониваетъ всякую жестокость, хищничество и безправіе въ глазахъ ослѣпленныхъ, воинствующихъ ордъ, для которыхъ преступленіе, грубость и святотатство возведены въ систему.

Своими мистическими бреднями Вильгельмъ сумѣлъ загипнотизировать весь свой народъ отъ мала до велика, отъ Гауптмана и до послѣдняго метельщика; онъ увлекъ его въ цѣлый рядъ политическихъ авантюръ, создавшихъ нерасплетимую сѣть лжи, тупости и неразборчивости въ средствахъ, опозорившихъ нынѣ самое слово «нѣмецъ». «Германія, предметъ всеобщаго уваженія и восхищенія, Германія Лейбница—умерла», говоритъ извѣстный фран-

цузскій философъ *Бутру* въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи о нѣмецкомъ народѣ.

И онъ приходитъ къ грустному выводу, что «нѣмецкая культура есть просто ученое варварство».

Предлагаемая книга даетъ ясное представленіе о сущности этого «ученаго варварства», о полномъ смѣшеніи добра и зла, миролюбія и воинственности, искренности и лицемѣрія, отражая въ то же время основной характеръ Гогенцоллерновъ, какъ типичныхъ потомковъ готовъ.

Личность Вильгельма воскрешаетъ въ нашемъ представленіи образъ Геца фонъ Берлихингенъ, этого тевтонскаго Сида, воспѣтаго Гете; но здѣсь этотъ образъ не только утратилъ свое средневѣковое обаяніе, но и просто выродился въ самовлюбленное властолюбіе, помѣшанное на всемірномъ завоеваніи. Какъ міровой лозунгъ, какъ величайшую идею бытія оно выставляетъ теперь чудовищную пушку, крушеніе которой уничтожитъ, наконецъ, и сотретъ съ лица земли легенду, и безъ того слишкомъ долго угрожавшую миру и культурѣ.

М. Тверской.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ справедливо отмѣчено Ж. Арреномъ въ его введеніи къ настоящей книгѣ, императоръ Вильгельмъ II уже показалъ намъ въ два пріема, сколь велико могущество германскихъ націй, которыми онъ правитъ. Французы, русскіе, англичане,—всѣ мы должны признать реальное значеніе этой силы, которая дала себя почувствовать въ дни событій въ Марокко и еще болѣе въ Босніи, какъ намъ уже пришлось ее признать въ дни торжествъ въ Килѣ.

Этому государю въ данный моментъ повинуемся мы всѣ,—соціалисты, радикалы и консерваторы, интернаціоналисты и патріоты всѣхъ странъ. Вильгельмъ II вершитъ судьбы уже не одной только Германіи. Въ большей или меньшей мѣрѣ онъ царствуетъ нынѣ надъ всѣмъ старымъ міромъ, скандинавскимъ, латинскимъ и славянскимъ. Лондонъ, Петроградъ, Парижъ играютъ теперь роль какъ бы провинціальныхъ столицъ. Останутся ли они навсегда въ этой зависимости? Это мало вѣроятно. Но въ настоящемъ, 1911 году—это фактъ неоспоримый.

Гдѣ могъ этотъ Гогенцоллернъ почерпнуть ту интеллектуальную энергію, которая была необходима, чтобы такъ покорить, не сражаясь, всю Европу? вѣрнѣе, подчинить ее? Этотъ вопросъ заслуживаетъ вниманія, и можно

только порадоваться тому, что человѣкъ, еще молодой, но хорошо освѣдомленный, надѣленный яснымъ умомъ и вѣрнымъ сужденіемъ, попытался установить причины этого господства, опираясь на неопровержимые документы.

Приведенныя здѣсь рѣчи монарха, собранныя, распредѣленныя и сопоставленныя по принципамъ строжайшей критики, обнаруживаютъ тайну этого нѣмецкаго характера, который ставитъ свою націю впереди всѣхъ другихъ націй.

5 марта 1890 года, обращаясь къ бранденбуржцамъ, онъ заявилъ: «Въ странѣ и въ народѣ, который мнѣ ввѣренъ, я вижу талантъ, данный мнѣ Богомъ; долгъ мой повелѣваетъ мнѣ его умножить, какъ сказано въ библіи, и когда-нибудь мнѣ придется дать за него отвѣтъ. Я думаю, что пока онъ со мною, я сумѣю его вести такимъ путемъ, чтобъ онъ возросъ, и возросъ немало... Тѣхъ же, кто захочетъ мнѣ помѣшать въ этой работѣ, я раздавлю».

Въ этихъ немногихъ словахъ вылилась вся доктрина. Сынъ Гогенцоллерновъ признаетъ за собой божественную миссію. Чего онъ хочетъ, хочетъ Богъ, или во всякомъ случаѣ то сочетаніе невѣдомыхъ силъ, которое такъ именуютъ народныя массы и богословы. Вильгельмъ II считаетъ себя равнодѣйствующей этихъ силъ, непосредственной и конечной, себя, идеи и честолюбіе тѣхъ, въ комъ онъ видитъ своихъ, будущее германскихъ государствъ, связанныхъ съ Пруссіей, и даже будущее республикъ и другихъ государствъ и имперій, которыя онъ собирается затянуть своей системой пангерманизма.

Смотритъ ли онъ на это Божество, какъ на нѣчто Непостижимое, какъ его представляютъ себѣ мудрецы, или же какъ на существо антропоморфное?

Во всякомъ случаѣ, можно думать, что онъ ждетъ страшнаго суда того благороднаго старца, облеченнаго въ плоть, который изображенъ возсѣдающимъ на облакахъ на

заголовкѣ библіи. Между этимъ объективнымъ существомъ и Вильгельмомъ II существуетъ какая-то связь, соглашеніе, общность. Первый вдохновляетъ, второй дѣйствуетъ. Вильгельмъ на другой день послѣ того, какъ преставится, дастъ отчетъ Творцу міра,—Творцу, каковымъ онъ представляется благочестивымъ адептамъ христіанства, каковымъ его изображаютъ на молитвенникахъ, на стеклахъ церковныхъ оконъ, на полотнахъ великихъ мастеровъ живописи.

Та наука, основными понятіями которой Вильгельмъ II несомнѣнно владѣетъ, создала въ немъ опредѣленное убѣжденіе, то самое, какое она вселила въ нашего великаго математика Анри Пуэнкаре. Жалкое число вещей намъ извѣстныхъ передъ безграничнымъ множествомъ вещей неизвѣстныхъ, но вѣроятныхъ. внушаетъ мыслителю идею полнѣйшаго смиренія. Онъ считаетъ себя просто орудіемъ или, вѣрнѣе, минутнымъ проявленіемъ этихъ законовъ, которые недоступны для нашего ума и которые опредѣляются словомъ «божественный», Такимъ образомъ императоръ Германіи возводитъ себя въ фактъ, недопускающій отрицанія, существующій какъ таковой безъ видимой причины и не поддающійся анализу. Онъ рисуется самъ себѣ, какъ проявленіе силы таинственной и роковой. Онъ это знаетъ. Онъ въ это вѣритъ. Онъ это говоритъ. Онъ это проповѣдуетъ.

Современныя понятія, вѣра въ науку и въ логическую послѣдовательность, значитъ и въ нѣкоторыя философскія системы, обосновывающія право народовъ, право индивидуума, а затѣмъ и всякія общественныя учрежденія, парламенты, свободу слова и мышленія, свободу союзовъ, собраній и манифестацій—все это если и кажется ему заслуживающимъ интереса и отношенія милостиваго или отрицательнаго, то лишь какъ группа идей второразрядныхъ, едва терпимыхъ и не имѣющихъ никакого отно-

шенія къ единственной истинѣ, которая есть: тайна причинъ, или Божество.

Этотъ образъ мыслей привлекаетъ наше вниманіе тѣмъ болѣе, что онъ находитъ почву для своего развитія совсѣмъ не въ какихъ-нибудь посредственныхъ умахъ. Когда знакомишься съ приближенными императора, то чувствуешь себя невольно очарованнымъ ихъ рѣдкимъ развитіемъ, ихъ умомъ и совершенными познаніями. Даже и въ спеціальныхъ отрасляхъ, среди банкировъ, землевладѣльцевъ, агрономовъ, офицеровъ морской службы Вильгельмъ отличаетъ и даритъ особою милостью тѣхъ, кто выдѣляется умомъ своимъ, трудами или же опытомъ. Можемъ ли мы по совѣсти сказать то же самое о людяхъ, которые окружаютъ президентовъ нашей республики?—Самъ Вильгельмъ пробовалъ свои силы во всѣхъ искусствахъ. Его высмѣивали, но не всегда справедливо. Можетъ быть въ немъ и нѣтъ истинно творческаго генія, но и совершенно отказать ему во всякомъ художественномъ дарованіи тоже нельзя. Въ этой весьма цѣнной книгѣ мы можемъ это видѣть въ его «словѣ» произнесенномъ на борту «Гогенцоллерна» 29 іюля 1900 года. Эта страница не лишена и поэзіи, и краснорѣчія. Болѣе чѣмъ не лишена. Наконецъ, многіе выдающіеся люди, которымъ случалось бывать при его дворѣ и бесѣдовать съ нимъ, почти всѣ возвращаются отъ него съ очень хорошимъ впечатлѣніемъ того общаго умственнаго подъема, которое оставляетъ его личность. Императоръ любитъ показать своимъ посѣтителямъ, что и онъ не чуждъ ихъ спеціальностей, будь то въ области біологіи, эстетики, математики или исторіи. Та способность доходить до всѣхъ мелочей, которую онъ проявляетъ при постройкѣ большихъ военныхъ судовъ, гдѣ примѣняется вкупѣ все, что есть новѣйшаго въ области физики, химіи, астрономіи и металлургіи, говоритъ опять-таки о разносторонности его интеллектуаль-

ныхъ вкусовъ. И все-таки Вильгельмъ II остается глубокимъ и убѣжденнымъ теистомъ.

Форма, которую онъ избралъ для проявленія своей вѣры, съ перваго взгляда довольно наивная, т.-е. форма ораторскихъ выступленій, вызывала сомнѣнія въ искренности этой вѣры. Публицисты и дипломаты утверждали, что онъ говорилъ такимъ образомъ ради массъ, чтобы держать ихъ въ религіозныхъ оковахъ, но что въ глубинѣ своей души онъ думаетъ совершенно иначе. Солдатамъ онъ до безконечности повторяетъ разныя благочестивыя изреченія. Въ своемъ увлеченіи тѣмъ мужествомъ, которое вселяла въ древнихъ мусульманъ ихъ вѣра въ райское блаженство, уготованное для храбрецовъ, убитыхъ на полѣ сраженія, Вильгельмъ желалъ бы, чтобы и его рекруты черпали въ аналогичной увѣренности отвагу своихъ германскихъ предковъ, тѣхъ, которые твердо вѣрили въ роскошное пиршество съ Одиномъ и Валькиріями, ожидавшее ихъ послѣ кончины въ бою.

Такого рода соображенія могли бы, разумѣется, привести Вильгельма къ его библейскимъ проповѣдямъ. Въ вопросахъ соціологіи онъ держится взглядовъ, что семья, узаконенное размноженіе, упражненіе въ добродѣтели и честности при взаимной поддержкѣ родства—все еще составляютъ основные элементы современнаго общества. Столь благопріятствующая развитію семейнаго начала религіозная мораль высоко цѣнится кайзеромъ, отцомъ народа. По первому впечатлѣнію можетъ, пожалуй, показаться, что наивность нѣкоторыхъ изъ его воззваній происходила именно отъ желанія сохранить неприкосновенными мощь и значенія семьи въ самомъ лонѣ націи. Это и не казалось бы невѣроятнымъ, если бы императоръ обращался со своей проповѣдью къ лишенному особой инициативы крестьянству. Но вотъ то-то и любопытно, что онъ въ такой же степени и въ тѣхъ же са-

мыхъ простѣйшихъ выраженіяхъ восхваляетъ свои принципы израильскаго патріарха и передъ парламентскими дѣятелями, передъ офицерами, дипломатами, профессорами и всякими должностными лицами, надѣленными неизбѣжной долей скептицизма, или, по меньшей мѣрѣ, критической складкой ума.

Что могутъ въ глубинѣ души думать всѣ эти благосклонные слушатели? Какъ хватаетъ у нихъ выдержки и снисхожденія, чтобы скрыть улыбку, не передъ идеей, по существу вполнѣ вѣрной и всегда достойной защиты, но передъ ничтожной цѣнностью представляемыхъ аргументовъ? По правдѣ говоря, журналисты-то не такъ уже сдержаны и не лишаютъ себя удовольствія подивиться и даже посмѣяться по этому поводу.

Впрочемъ, люди освѣдомленные не выражаютъ одобренія этимъ поверхностнымъ сужденіямъ. Они понимаютъ, что здѣсь не шутки, что императоръ въ своей глубокой приверженности традиціи желаетъ какъ бы олицетворять ее своей личностью, своими рѣчами, въ той внѣшней формѣ, которая благопріятствуетъ торжеству старой вѣры.

Вильгельмъ желаетъ изображать собою возрожденіе старинныхъ идей. Это роль, которую онъ себѣ присваиваетъ и которую любитъ. Въ нашъ вѣкъ, въ вѣкъ величайшихъ преобразованій въ сферѣ и умственной и общественной, императоръ считаетъ нужнымъ итти вспять, дѣйствуя больше всего такими средствами, которыя поразили бы простое воображеніе толпы. На ряду съ свободомысліемъ, съ правомъ народа и съ правомъ личности, ставшими нынѣ господствующими въ лицѣ людей избранныхъ и имѣющихъ вліяніе, Вильгельмъ II подымается, какъ фантомъ Божіей милостью властнаго монарха.

Онъ любитъ появляться, какъ привидѣніе командора, на пирахъ всѣхъ Донъ-Жуановъ. Онъ разсчитываетъ сму-

тить такимъ образомъ души свободомыслящія и людей себѣ на умѣ, а затѣмъ, своимъ собственнымъ примѣромъ государя, артиста, человѣка съ интеллектуальнымъ стремленіемъ—побудить учащихся и буржуа подумать прежде всего о томъ, сколь малое число вещей намъ извѣстно и сколь великое неизвѣстно, а затѣмъ заняться распространеніемъ здоровыхъ и почтенныхъ традицій тевтонскаго ордена. Вильгельмъ II приписываетъ себѣ, повидимому, роль необходимаго фантома прошедшихъ временъ, легкомысленно позабытаго въ нынѣшнее время несмотря на всѣ высокія свойства этого фантома.

Нельзя не признать, что внимательное изученіе натуры монарха, сумѣвшаго покорить всю Европу, болѣе чѣмъ кто-либо и когда-либо, сумѣвшаго выбрать людей для закрѣпленія этого господства и дать толчокъ поразительному промышленному и торговому развитію въ германскихъ расахъ,—тѣхъ самыхъ, которыя пятьдесятъ лѣтъ назадъ вели довольно жалкую торговлю,—представляетъ безусловный интересъ и значеніе. Само собою разумѣется, что онъ не самъ, въ одиночку, совершилъ всѣ эти чудеса. Только глупцы могутъ еще думать, что это Наполеонъ выигрывалъ сраженія, возстановилъ сводъ гражданскихъ законовъ, основалъ великолѣпную централизаціонную администрацію. Храбрость и энтузіазмъ солдатъ, голодныхъ, цѣлые годы возбуждаемыхъ революціонными дебатами въ клубахъ, были болѣе реальной причиной побѣдъ, чѣмъ безспорный,—никто этого не отрицаетъ—талантъ стратега. Мы знаемъ, что сводъ гражданскихъ законовъ подготовлялся въ ложахъ въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка и что Камбасересъ облекался въ орденскіе знаки сановника, избраннаго франкъ-масонствомъ.

Все это ничуть не умаляетъ изумительнаго Наполеона 1796—1808 гг. и его поразительную даровитость, умѣвшую находить преобразовательныя идеи для Франціи и инди-

видуальныя свойства въ людяхъ, способныя эти идеи осуществлять. Надо полагать, что Вильгельмъ II обладаетъ даромъ провидѣнія того же порядка, если и не той же силы. Соединить сотню милліоновъ людей въ тройственномъ союзѣ, сдѣлать изъ него пугало и диктовать свои законы передъ Франціей, растерянной, неловкой, запутавшейся въ своихъ религіозныхъ спорахъ, передъ Россіей, идущей вразбродъ, то самобытной и живой, то осѣвшей и пріунывшей, передъ Англіей, упитанной, отяжелѣвшей и старой, вотъ актъ поистинѣ изумительный, который будетъ по достоинству оцѣненъ исторіей.

Такъ что, выпуская этотъ сборникъ рѣчей, толково проанализированныхъ и комментированныхъ чрезвычайно тонко, Ж. Арренъ выполнилъ, мнѣ кажется, задачу, достойную серьезнѣйшаго вниманія. Французы, которые все еще убаюкиваютъ себя мечтой о всемірномъ братствѣ, такъ грубо разбитой нѣмецкими дипломатами на второй конференціи въ Гаагѣ и въ Алжезирасѣ, прочтутъ съ большой для себя пользой рѣчь, произнесенную кайзеромъ 4 іюля 1900 года въ Вильгельмсгафенѣ. Я не раздѣляю вѣры г. Аррена въ миръ. Какъ и онъ, я думаю только, что кайзеръ и его сподвижники предпочтутъ обрѣтать всѣ выгоды великихъ побѣдъ одной лишь шумихой, тѣмъ, что они называютъ «блёфъ», не извлекая меча изъ ноженъ, шумихой предварительныхъ угрозъ; но я боюсь, что придетъ день, когда эффектъ этихъ дипломатическихъ угрозъ притупится, а ихъ высокомѣріе станетъ черезчуръ невыносимымъ для чести и достоинства нашей республики. Въ этотъ день ни онъ, ни воинственная аристократія Пруссіи не задумаются провозгласить судъ Божій на полѣ сраженія.

Это можетъ случиться завтра.

Это, можетъ быть, и не случится никогда.

Весь вопросъ въ томъ, думаемъ ли мы остаться пассивны,

смиренны и безоружны, какъ этого желали пангерманисты г. Жореса, слѣдуетъ ли намъ уступить лучшее нашей страны экономическому хищничеству и имперіализму нѣмецкаго орла, или же мы будемъ продолжать отвоевывать себѣ право на ту гордость, чувство которой уже заставляетъ блѣднѣть наши лица, теперь, когда дипломаты кайзера преграждаютъ нашимъ генераламъ доступъ къ Фецу, къ освобожденію тѣхъ, кто въ немъ заключенъ и кто стремится противопоставить благородство нашихъ культивирующихъ идей абсурдности и жестокости варварства.

Полъ Адамъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

ЧТО ОНЪ ГОВОРИТЪ, ЧТО ОНЪ ДУМАЕТЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Все, что можно было сказать о Вильгельмѣ II, уже сказано. И не найдется другого человѣка на свѣтѣ, о которомъ было бы высказано столько противорѣчивыхъ мнѣній. По словамъ однихъ—это сумасшедшій, довольно вульгарнаго типа, дегенератъ. Его вульгарной внѣшностью отмѣченъ и его духъ. Его «артистическіе» вкусы,—это экстравагантность Нерона. У него душа комедіанта, жаждущаго популярности; это человѣкъ импульса, неспособный ни на какую выдержку, и его приближенные безуспѣшно стараются останавливать или исправлять послѣдствія тѣхъ глупостей, которыя были бы постыдны и для какого-нибудь канцелярскаго чиновника. У него болѣзненная потребность вмѣшиваться рѣшительно во все, при чемъ повсюду обнаруживается его полнѣйшее ничтожество. Его манеры хвастуна, закрученные усы, привычка хвататься за шпагу, все это дополняетъ эту странную фигуру петрушки.

Другіе же сравниваютъ его съ Лоэнгриномъ. Это мечтатель не нашего вѣка. Онъ воображаетъ, что живетъ

во времена рыцарства и крестовыхъ походовъ. Онъ не можетъ произнести ни одной рѣчи, чтобы не упомянуть о Богѣ и чтобы не дать понять, что онъ посвященъ въ Его тайны. У него создалась цѣлая мистическая философія, религія, особое представленіе о мірѣ. Онъ находитъ удовольствіе связывать себя съ прошлымъ,—романтическимъ и фантастичнымъ.

Ничего подобнаго, говорятъ другіе. Все это одна лишь комедія: Вильгельмъ II, самый современный изъ государей, это король коммивояжеръ. Когда онъ отправляется парадировать на Востокъ, то это только ради желѣзнодорожныхъ концессій и для продажи Крупповскихъ пушекъ. Во всѣхъ своихъ путешествіяхъ онъ озабоченъ главнымъ образомъ сборомъ свѣдѣній, полезныхъ для нѣмецкой торговли и промышленности, пользуясь при этомъ своимъ королевскимъ престижемъ, чтобъ открывать для нихъ новые рынки. Онъ вовлекъ своихъ друзей, важныхъ нѣмецкихъ вельможъ, въ свои финансовыя и промышленныя предпріятія, а его личное общество составляютъ представители важнѣйшихъ, навигаціонныхъ и банковыхъ компаній, при чемъ онъ не брезгаетъ и евреями, что создаетъ немалый соблазнъ при прусскомъ дворѣ. У него страсть ко всему американскому и онъ съ большимъ почетомъ принимаетъ такихъ людей какъ Рузвельтъ и Пьерпонтъ Морганъ.

По мнѣнію другихъ,—это прусскій юнкеръ, кавалерійскій офицеръ со всѣми предразсудками и недостатками этой военной дворянской касты еще довольно крупныхъ, какъ говорятъ, землевладѣльцевъ. Онъ спитъ и видитъ кавалерійскую атаку и войну. Въ этомъ величайшая опасность для европейскаго міра и, можетъ быть, единственная.

Онъ боится войны, разсказываютъ въ Германіи. Онъ упустилъ не одинъ благопріятный случай напасть на

Францію, возбуждая неудовольствіе всѣхъ своихъ совѣтниковъ. Онъ боится необходимости браться за мечъ.

Наконецъ, въ огромномъ большинствѣ нѣмецкаго народа, его универсальность, его дѣятельность, его самобытный характеръ и рьяность въ трудѣ—въ высшей степени популярны, и о «нашемъ императорѣ» говорится съ восторженнымъ уваженіемъ, какъ объ одномъ изъ семи чудесъ міра.

Что думать обо всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ однако «зерно истины»?

На этотъ вопросъ отвѣтъ не замедлилъ послѣдовать: сотни статей въ обозрѣніяхъ и газетахъ, даже цѣлыя книги, были написаны о «настоящемъ Вильгельмѣ II». Авторъ или самъ приходилъ въ личное соприкосновеніе съ императоромъ и передаетъ его бесѣды или же онъ получалъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ. Большею частью авторъ анонименъ: кто-нибудь изъ тѣхъ, кто жилъ при дворѣ, или какое-нибудь высокопоставленное лицо, или лакей, иногда посланникъ, а то и какая-нибудь дама. Европа была бы поражена; если бы обнаружилось, кто раскрывалъ эти секреты, но авторъ всегда оставался въ тѣни.

Чтеніе этихъ «произведеній» совершенно сбиваетъ съ толку. Ихъ недостатокъ, и далеко не единственный—въ ихъ полномъ несогласіи другъ съ другомъ и съ установленными историческими фактами. Они только способствовали тому, что личность Вильгельма превратилась въ какой-то непостижимый сфинксъ. Несмотря на интересныя свѣдѣнія, которыя заключаютъ въ себѣ нѣкоторые изъ этихъ мемуаровъ, тотъ, кто ищетъ опредѣленности и исторической точности, долженъ отказаться отъ нихъ совершенно.

* * *

Авторъ настоящей книги преслѣдуетъ иную цѣль, основываясь исключительно на фактическихъ данныхъ, и, можетъ быть, поэтому книга его и окажется болѣе практически полезной.

Вотъ уже скоро двадцать-три года, какъ Вильгельмъ II вступилъ на престолъ. Grande mortalis oevi spatium. Дѣйствительно, еще слишкомъ рано писать исторію его царствованія: нѣтъ еще необходимаго для безпристрастія разстоянія; далеко не всѣ документы заслуживаютъ довѣрія; мотивы большинства его поступковъ еще ускользаютъ. Тѣмъ не менѣе, двадцать-три года достаточный срокъ, чтобы характеръ государя могъ вполнѣ опредѣлиться. Къ тому же имѣются серьезныя и достовѣрныя данныя, которыя даютъ возможность произнести о немъ вполнѣ обоснованное сужденіе.

Съ другой стороны, самая натура Вильгельма имѣетъ въ себѣ именно это свойство изливаться, высказываться по всѣмъ вопросамъ и при всякомъ случаѣ. Его манія разговаривать уже достаточно высмѣяна. И такіе характеры, непосредственные, открытые, дѣйствующіе подъ первымъ впечатлѣніемъ, чувствующіе потребность быть понятыми всѣми, могутъ оставаться загадкой только для тѣхъ, кто не дастъ себѣ труда ими заняться.

Двадцать-три года Вильгельмъ дѣйствуетъ и говоритъ. Оставимъ въ сторонѣ всѣ секретныя пружины его поступковъ, всякія гаремныя интриги и тайны алькова; отбросимъ всѣ сомнительныя предположенія, всѣ его разговоры офиціально недостовѣрные; освободимъ себя отъ тѣхъ перетолкованій, комментаріевъ и оцѣнокъ, которые извратили, или представили въ какомъ-нибудь опредѣленномъ свѣтѣ, его слова и поступки.

Будемъ держаться только того, что безусловно достовѣрно, доказано, исторично. Возьмемъ его рѣчи, опубликованныя въ офиціальномъ нѣмецкомъ органѣ Norddeut

sche Zeitung. Воспользуемся тѣми его депешами, рескриптами и письмами, которые воспроизведены въ этой газетѣ. Будемъ считаться только съ тѣми фактами и движеніями, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія въ своей подлинности.

Отдѣливъ такимъ образомъ пшеницу отъ плевелъ, разсмотримъ нашу жатву: она окажется изумительно богата и обильна. Шагъ за шагомъ передъ нами вырисовывается личность Вильгельма II таковою, какою мы ее еще не знали. Здѣсь оказываются налицо всѣ тѣ разнообразныя видимости, о которыхъ мы упоминали, здѣсь становятся понятны противорѣчивыя сужденія, высказанныя о немъ какъ о человѣкѣ и государѣ; потому что истинное и реальное существо выявляется черезъ связь и причинность именно различныхъ проявленій сущности человѣка. Съ перваго взгляда становится яснымъ, что здѣсь существенно, а что имѣетъ второстепенное значеніе. Хотя и въ различномъ освѣщеніи, но сущность идей и чувствъ остается та же. Словомъ, Вильгельмъ II становится понятенъ.

Но, разобравшись въ его личности, судить о немъ можно различно. Настоящее изслѣдованіе отнюдь не имѣетъ цѣлью навязать опредѣленное мнѣніе о кайзерѣ. Оно поставило своей задачей лишь дать въ руки французскаго читателя матеріалъ для сужденія, имѣющій подъ собою прочное основаніе.

* * *

Во всякомъ случаѣ моментъ насталъ, когда необходимость ознакомиться съ личностью кайзера отвѣчаетъ всеобщей тревогѣ и настроенію.

Можно сказать, что послѣ Эдуарда VII не было еще

человѣка, который обладалъ бы такою властью. Онъ поистинѣ господинъ момента.

Это стало яснымъ со времени европейскаго кризиса, вызваннаго послѣ аннексіи Австріей Босніи и Герцеговины, въ 1908 году.

Этотъ дерзостный актъ австро-венгерской политики вызвалъ сначала изумленіе, а потомъ сталъ откровеніемъ для всей Европы. Прежде всего было замѣчено, что Австрія, вмѣсто того, чтобы становиться все болѣе парализованной своими раздѣленіями и борьбой своихъ національностей, собирается и даже можетъ играть дѣятельную и значительную роль. А затѣмъ стали прикидывать и оцѣнивать ту силу, которой располагаетъ австро-нѣмецкій блокъ.

Франція, Россія, Англія отказались признать аннексію; но категорическая угроза Берлина въ одинъ прекрасный день заставила Россію склониться, а остальныя державы вынуждены были послѣдовать ея примѣру.

Одно слово Вильгельма, нѣмецкая шпага, брошенная на чашу вѣсовъ, и вопросъ былъ рѣшенъ. Въ этотъ день всѣмъ стало ясно, что въ австро-нѣмецкомъ блокѣ преобладающимъ элементомъ является кайзеръ. Это онъ имѣетъ силу двинуть въ томъ или другомъ смыслѣ всю эту чудовищную массу германцевъ центральной Европы, насчитывающую до 100 милліоновъ человѣкъ.

До смерти Эдуарда VII чувствовалось, что въ Европѣ существуетъ другая сила, способная противодѣйствовать этой, сила совершенно иного характера, болѣе духовная и менѣе, можно сказать, матеріальная. Могущество Вильгельма II опиралось на штыки, а сила англійскаго короля—на дипломатію. Онъ опуталъ нѣмецкаго орла какъ бы сѣтью всякихъ договоровъ и соглашеній, которая держала его, казалось, въ плѣну и безпомощнымъ. Это была знаменитая политика «окруженія» (encerclement). Былъ

моментъ, когда можно было подумать, что торжество ея близко. Потомъ стало ясно, что всѣ расчеты на дипломатическія вліянія и воздѣйствія исчезаютъ въ одинъ прекрасный день передъ подсчетомъ реальныхъ военныхъ силъ, готовыхъ къ выступленію.

Этотъ балансъ былъ подведенъ дважды: въ апрѣлѣ 1905 года, въ критическій моментъ марокскаго дѣла и въ 1909 г., когда Сербія задумала напасть на Австро-Венгрію. Оба раза Европа склонилась передъ нѣмецкой силой.

Со времени этой послѣдней неудачи англійской системы звѣзда Эдуарда VII начинаетъ меркнуть. Стало очевиднымъ, что Германія будетъ продолжать въ мирѣ свое развитіе, что, во всякомъ случаѣ, нѣкоторое время—никто не покусится ей мѣшать. Когда англійскій король умеръ, вмѣстѣ съ нимъ похоронили и политику его encerclement, какъ онъ ее понималъ.

* * *

Однѣхъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ было бы достаточно, чтобы стало яснымъ, сколь необходимо серьезное ознакомленіе съ психологіей главы государства, обладающаго такою властью.

Но Вильгельмъ II интересенъ не только какъ императоръ Германіи. Его личность заслуживаетъ вниманія и независимо отъ власти, которою облеченъ государь.

Не забудемъ, что флотъ, развитіе котораго вызвало въ Англіи сначала безпокойство, а потомъ почти позорную панику, есть личное созданіе Вильгельма II. Это онъ заронилъ и развилъ во всей имперіи вкусъ и интересъ къ морскому дѣлу, а впослѣдствіи и убѣжденіе, что могучій военный флотъ необходимъ.

Нельзя назвать такое явленіе заурядным, когда этотъ Гогенцоллернъ, солдатъ и сынъ солдата, глава самой могущественной арміи центральной Европы, провозглашаетъ себя защитникомъ мира и посвящаетъ себя заботамъ о развитіи торговли и промышленности, портовъ, каналовъ и объ улучшеніи жизненныхъ условій рабочихъ. Надъ этимъ необходимо серьезно призадуматься.

Онъ не можетъ быть ординарнымъ человѣкомъ, этотъ государь, который считаетъ, что, руководя дѣлами государства, онъ совершаетъ работу художника, скульптора, архитектора, поэта, который принимаетъ дѣятельное участіе въ работѣ нѣмецкихъ артистовъ, не переставая въ то же время вести жизнь солдата, моряка, народнаго пастыря, и который могъ бы взять своимъ девизомъ: «Ничто человѣческое мнѣ не чуждо».

Любопытно прослѣдить за проявленіями этой своеобразной индивидуальности во всевозможныхъ областяхъ: что бы онъ въ нихъ ни сдѣлалъ, каковы бы ни были его промахи, или проблески его дарованія, ни одно изъ этихъ проявленій не оставило міръ равнодушнымъ. Всѣ они были зарегистрованы, разнесены по телеграфу во всѣ углы міра, комментированы, хвалимы, хулимы, всѣ они извращались, подвергались страстнымъ нападкамъ; но никогда ни одно изъ этихъ проявленій не было сочтено не стоющимъ вниманія. Вотъ величайшая дань интереса, какую только можетъ воздать наша нынѣшняя эпоха.

* * *

Настоящая книга не представляетъ собою ни полнаго собранія рѣчей императора Германіи, ни исторіи его царствованія. Но здѣсь приведены важнѣйшіе моменты, отраженные въ его рѣчахъ, подлинныя письма, рескрипты,

депеши. Очень рѣдко документъ приводится цѣликомъ; но приведенные отрывки переведены буквально и ни разу не оборваны въ ущербъ смыслу: цитата лишь тогда останавливается, когда ораторъ переходитъ къ другой идеѣ.

Для удобства при чтеніи, эти тексты сгруппированы и связаны постоянными комментаріями. Это анализъ, насколько возможно объективный, идей и чувствъ Вильгельма. Выводы, которые изъ него вытекаютъ, собраны въ одну главу въ концѣ книги.

Въ крайнемъ случаѣ, книга эта можетъ быть использована какъ сборникъ текстовъ, составленный сообразно съ требованіями исторической критики, для справокъ по приведеннымъ здѣсь документамъ. Всѣ они взяты изъ официальныхъ источниковъ, заслуживающихъ довѣрія; если ихъ достовѣрность возбуждаетъ хоть малѣйшее сомнѣніе, я объ этомъ всегда упоминаю.

Хронологическая таблица, въ концѣ книги, поможетъ пользоваться ею какъ справочникомъ.

Я надѣюсь, что всякій найдетъ въ этой книгѣ прежде всего отвѣтъ на тѣ вопросы, которые больше всего интересуютъ французовъ:

Можно ли считать Вильгельма II «пасифистомъ»?

Мечтаетъ ли онъ о расширеніи нѣмецкой имперіи?

Что онъ думаетъ относительно Эльзасъ-Лотарингіи?

I.

Королевская власть Божiей милостью.

Конституцiонный монархъ.

Первое, что подымается при попыткѣ разобраться въ характерѣ Вильгельма II—это необходимость знать, какое представленiе онъ имѣетъ о своей «профессiи короля». И чтобы составить себѣ объ этомъ точное понятiе, необходимо изучить его, какъ короля Пруссiи.

Прусскiй король—государь конституцiонный. Вильгельмъ II всегда выказывалъ уваженiе къ конституцiи. Онъ вступилъ на престолъ 16 iюня 1888 года. 27-го числа того же мѣсяца былъ созванъ прусскiй рейхстагъ и передъ обѣими палатами въ сборѣ Вильгельмъ II приноситъ свою конституцiонную присягу. Вотъ она:

«Я клянусь твердо и неослабно поддерживать конституцiю королевства и съ помощью Бога править согласно съ нею и съ законами».

Молодой король добавляетъ:

«Какъ и Вильгельмъ I, я буду, вѣрный своей присягѣ, уважать и охранять законы и права народныхъ предста-

вителей и оказывать имъ покровительство. Точно такъ же буду поддерживать и проявлять тѣ права, какія конституція предоставляетъ коронѣ, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность спокойно передать ее моему преемнику на тронѣ. Я болѣе, чѣмъ далекъ отъ мысли расширять прерогативы короны и тѣмъ колебать довѣріе народа къ устойчивости нашего правового порядка. Моихъ наличныхъ, утвержденныхъ законами правъ, поскольку они внѣ сомнѣнія, вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить государству ту сумму монархическаго вліянія, какая необходима Пруссіи по ходу ея историческаго развитія, по нынѣшнему ея составу, ея положенію въ отношеніи къ имперіи, по чувствамъ и обычаямъ народа. *Я держусь того мнѣнія, что наша конституція устанавливаетъ справедливое и полезное раздѣленіе въ участіи различныхъ общественныхъ силъ въ жизни государства*, и вотъ отчего еще, а не только въ силу моей присяги, я буду съ ней считаться и защищать ее».

Оставался ли Вильгельмъ II всегда вѣренъ обѣщаніямъ, заключеннымъ въ этой рѣчи? Въ Германіи часто утверждали противное; и споры по этому поводу были особенно пылки въ концѣ 1908 года, въ моментъ кризиса, вызваннаго интервью императора, опубликованнымъ въ *Daily Telegraph*.

Были ли обоснованы всѣ яростныя нападки на кайзера? Это пунктъ, къ которому намъ еще придется вернуться. Теперь же, прежде чѣмъ ставить этотъ вопросъ, намъ необходимо глубже ознакомиться съ областью чувствъ и идей Вильгельма II и разобраться въ томъ, каково его собственное представленіе, личное, внутреннее, о своей власти, о своихъ правахъ и о своей миссіи.

Въ томъ-то и дѣло, что, оказывая формальное уваженіе конституціи и присягая ей въ вѣрности, онъ живетъ,

въ то же время, въ такомъ своеобразномъ представленіи о королевской власти, которое не имѣетъ ничего общаго ни съ какими юридическими и законодательными установленіями. Познакомиться съ этими его представленіями въ высшей степени важно.

Божественная миссія Гогенцоллерновъ.

Прежде всего, Вильгельмъ II никогда не отдѣляетъ себя отъ своихъ предковъ, когда говоритъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, какъ главы государства. Онъ — Гогенцоллернъ: его миссія это миссія его дома. Его честолюбіе въ томъ, чтобы сохранять традиціи своихъ предковъ.

Такъ, сила Гогенцоллерновъ дается имъ отъ Бога, ихъ земныя полномочія идутъ отъ Всевышняго. Мы увидимъ, что въ своихъ рѣчахъ Вильгельмъ постоянно возвращается къ этой мысли.

Послушайте, что онъ говоритъ 24 февраля 1894 года на одномъ изъ банкетовъ бранденбургскаго ландтага.

«Одного взгляда на исторію нашихъ бранденбургскихъ странъ достаточно, чтобы увидѣть, что Гогенцоллерны и Бранденбургъ всегда были связаны и что, въ силу историческихъ событій и ихъ развитія, они составляютъ одно цѣлое... Если мои предки и въ особенности тотъ, о которомъ мы больше всего любимъ вспоминать, какъ о величайшемъ бранденбуржцѣ, Великій Курфюрстъ, были способны выполнить такъ много важнаго на благо своей страны, то это было возможно отчасти благодаря взаимному довѣрію государя и его народа, но больше всего благодаря тому, что *домъ Гогенцоллерновъ обладаетъ чувствомъ долга, чувствомъ, исходящимъ изъ сознанія, что Богъ поставилъ ихъ на тотъ постъ, который они занимаютъ, и что одному только Богу, да еще своей совѣсти, они обязаны отчетомъ въ томъ, что дѣлаютъ для блага страны*».

Или, вотъ еще одна рѣчь, произнесенная въ Бременѣ при закладкѣ памятника Вильгельму I:

«Вы вспомнили все то, что сдѣлалъ мой домъ для объединенія Германіи. Я могу отвѣтить вамъ слѣдующее: *если мы и могли прійти къ той цѣли, которая нынѣ достигнута, то объясняется это прежде всего той традиціей нашего дома, которая заставляетъ насъ смотрѣть на себя, какъ на призванныхъ Богомъ къ управленію народами, надъ которыми намъ дано царствовать и вести ихъ къ ихъ благу* по пути развитія ихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ».

Отвѣтственность передъ Богомъ.

Назначенные Богомъ къ управленію своимъ народомъ, Гогенцоллерны передъ Богомъ и отвѣтственны за то, какъ они выполнили свою миссію; что Вильгельмъ II и разъясняетъ 5 марта 1890 года на банкетѣ бранденбургскаго ландтага.

«Мой дѣдъ смотрѣлъ на свое назначеніе короля, какъ на миссію, указанную ему Богомъ, которой онъ и посвятилъ всѣ свои силы до своей послѣдней минуты. *То, что онъ думалъ, думаю и я; и я вижу въ странѣ и въ народѣ, который мнѣ ввѣренъ, талантъ, данный мнѣ Богомъ; долгъ мой повелѣваетъ мнѣ его умножить, какъ сказано въ Библіи, и когда-нибудь мнѣ придется дать за него отвѣтъ.* Я думаю, что пока онъ со мной, я сумѣю его вести такимъ путемъ, чтобы онъ возросъ, и возросъ немало... Тѣхъ, кто захочетъ мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ, я привѣтствую отъ всего сердца; тѣхъ же, кто захочетъ мнѣ помѣшать въ моей работѣ,—я раздавлю».

Ясно, какая пропасть отдѣляетъ юридическія и конституціонныя концепціи монархіи отъ этого представленія о ней Вильгельма II.

Необходимо твердо усвоить себѣ это его глубоко религіозное сознаніе своей миссіи: въ ней ключъ ко всѣмъ его мыслямъ и дѣйствіямъ.

Какимъ ничтожнымъ ему представляется парламентскій контроль, фикція министерской отвѣтственности на ряду съ тѣмъ страшнымъ отвѣтомъ, который ему предстоитъ дать однажды Высшему Судіи, отвѣтъ въ томъ, какъ онъ использовалъ свою власть! Здѣсь въ основѣ лежитъ идея о роли государя вообще—дѣйствительно великая и благородная.

Эту идею Вильгельмъ развиваетъ 31 августа 1897 года въ своей рѣчи въ Кобленцѣ на освященіи памятника Вильгельму I:

«Онъ прибылъ изъ Кобленца, когда вступилъ на престолъ; онъ былъ орудіемъ, избраннымъ Богомъ, и онъ это зналъ. Для всѣхъ насъ, и больше всего для насъ, государей, онъ взростилъ и довелъ до ослѣпительно блестящаго состоянія ту драгоцѣнность, которую мы должны почитать и считать священной: это—*королевская властъ Божьей милостью*, власть со всѣми ея тягостными обязанностями, съ ея трудами, которые не имѣютъ конца, съ ея страшной отвѣтственностью передъ однимъ лишь Творцомъ, отъ которой ничто не можетъ его освободить, ни одинъ человѣкъ, никакое министерство, никакой рейхстагъ, никакой народъ. Въ сознаніи этой отвѣтственности, чувствуя себя орудіемъ въ рукахъ Господа, этотъ великій императоръ въ полномъ смиреніи прошелъ свой путь».

Вильгельмъ I и королевская власть Божіей милостью.

Истиннымъ воплощеніемъ этого понятія о королевской власти, которое онъ установилъ и заставилъ всѣхъ принять, былъ, по словамъ Вильгельма II, его дѣдъ. И здѣсь мы видимъ первое проявленіе настоящаго культа, ко-

торымъ кайзеръ окружалъ память того, кого онъ всѣми силами старался провозгласить «Великимъ».

Вильгельмъ II слѣдуетъ только по его стопамъ, продолжаетъ его дѣла. Вильгельмъ Великій въ одинъ торжественный моментъ объявилъ себя королемъ Божьей милостью. Его внукъ празднуетъ память этого событія 10 мая 1896 года, и говоритъ въ рѣчи, произнесенной на освященіи памятника, воздвигнутаго старому императору во Франкфуртѣ:

«У всѣхъ насъ живъ еще въ памяти тотъ моментъ, когда въ Кенигсбергѣ, *говоря о томъ, что онъ получилъ свое королевское достоинство только Божіей милостью со скипетромъ въ одной рукѣ, съ мечомъ имперіи въ другой,— воздавая хвалу одному лишь Богу, онъ черезъ одну лишь вѣру свою — получилъ отъ Него свою власть.* Вотъ какъ онъ сталъ *орудіемъ Господа;* этого мало, онъ сталъ образцомъ для насъ, для всѣхъ монарховъ, которые только тогда и могутъ что-нибудь сдѣлать для своего народа и черезъ свой народъ, если твердо вѣрятъ, что власть ихъ дана имъ небомъ и что настанетъ день, когда имъ придется дать отчетъ въ томъ, какъ они ее употребили».

Орудіе въ рукахъ Божьихъ.

Такимъ образомъ, король—это лишь орудіе Господа Бога: эта идея полна неизмѣримой гордости, но, въ то же время, въ ней есть доля смиренія, которой тоже необходимо удѣлить вниманіе. Эта роль возноситъ монарха высоко надъ обыкновенной человѣческой средою, но и низводитъ его до степени простого орудія въ рукахъ Творца. Во всякомъ случаѣ, она дѣлаетъ его изъятымъ изъ всякаго контроля человѣческой мудрости: если король хочетъ подумать о томъ, что ему предписываетъ его долгъ, если ему нужно принять то или иное рѣшеніе, онъ уединяется

и слушаетъ голосъ Бога. Онъ стоитъ передъ судомъ своей совѣсти и спрашиваетъ, удовлетворилъ ли онъ требованіямъ своей Божественной миссіи. Вотъ путь, который дастъ ему лучшія сужденія и лучшіе совѣты.

И нѣтъ лучшаго мѣста для такого испытанія своей совѣсти, чѣмъ море. Вотъ откуда любовь Вильгельма къ путешествіямъ на «Гогенцоллернѣ». Онъ объ этомъ и говоритъ 5 марта 1890 года на банкетѣ бранденбургскаго ландтага:

«Въ моихъ путешествіяхъ я имѣлъ цѣлью не только изучать чужія страны и учрежденія и завязывать дружественныя сношенія съ монархами сосѣднихъ государствъ; эти путешествія, которыя дали столько пищи для ложныхъ толковъ, имѣли для меня то огромное значеніе, что позволяли мнѣ спокойно и на разстояніи вдумываться въ дѣла нашей страны, внѣ ежедневной борьбы. *Тотъ, кто знаетъ, что значитъ погрузиться въ самого себя, находясь въ открытомъ морѣ, стоя на палубѣ корабля и не имѣя надъ своей головой ничего, кромѣ звѣзднаго Господня неба, тотъ не будетъ отрицать пользу и значеніе такихъ путешествій.* Я посовѣтывалъ бы многимъ изъ моихъ соотечественниковъ постараться пережить такого рода минуты, когда человѣкъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, на что онъ дерзнулъ и что выполнилъ. *Это поможетъ излѣчиться отъ всякаго тщеславія*, въ чемъ мы нуждаемся всѣ».

Непоколебимая воля.

Если король, послѣ такого размышленія почувствуетъ, что Богъ желаетъ отъ него выполненія того или иного акта, понятно, что никакое человѣческое вмѣшательство не можетъ его отвратить отъ этого выполненія его божественной миссіи. Это необходимое слѣдствіе такого представленія о власти: и Вильгельмъ не пропускаетъ ни одного случая, гдѣ только возможно вывести такое слѣдствіе.

Вильгельмъ II на большихъ маневрахъ.

Присутствуя на освященіи статуи Великаго Курфюрста въ Билефельдѣ 6 марта 1890 года, онъ говоритъ:

«Изъ государства, которое онъ основалъ, создалось королевство Пруссія, а Пруссія выковала нѣмецкое единство. Великій императоръ, великій преемникъ этого великаго предка выполнилъ то, что первый замыслилъ. Какъ стало возможнымъ, чтобы, обращаясь къ исторіи нашей страны и нашего дома, мы могли отмѣтить за столь короткій срокъ такіе поразительные успѣхи?

«Дѣло въ томъ, что *каждый государь изъ дома Гогенцоллерновъ глубоко сознаетъ*, *что онъ всего лишь уполномоченный здѣсь на землѣ*, *что онъ обязанъ датъ отчетъ въ своей работѣ Высшему Царю и Господину* и обязанъ съ неизмѣнной вѣрностью выполнять дѣло, которое ему назначено свыше. Вотъ откуда являлось это убѣжденіе твердое какъ скала, которое имѣли всѣ мои предки, убѣжденіе въ подлинномъ существованіи ихъ миссіи. *Вотъ откуда та непоколебимая воля*, *съ которой они проводятъ то*, *что ими однажды предпринято*.

«Да будетъ мнѣ дано на благо не только германской имперіи, но также и этой маленькой прекрасной страны итти по слѣдамъ моего великаго предка! Можетъ быть я сумѣю выполнить часть его мечты, поневолѣ заброшенной въ тѣ дни сраженій, которые намъ пришлось послѣ того выдержать: прогрессъ на морѣ. То, что Великимъ Курфюрстомъ было только намѣчено и начато, мы можемъ продолжить въ большомъ масштабѣ, теперь, когда большая часть Германіи объединена».

Вовсе не изъ тщеславія, не изъ упрямства и даже не вслѣдствіе высокомѣрія и властолюбія въ характерѣ императоръ такъ упорно держится того, что онъ рѣшилъ однажды. Онъ считаетъ это долгомъ, который ему про-

диктованъ традиціями его дома и необходимо вытекаетъ изъ божественной миссіи Гогенцоллерновъ.

Постоянно останавливаясь на этомъ, онъ только слѣдуетъ примѣру другихъ государей своего дома, которые свершили памятныя дѣла и дали счастье своему народу: прежде всего—Великаго Курфюрста и императора Вильгельма I.

11 іюля 1899 года императоръ пишетъ своему старому наставнику, доктору Гинцпетеру, что онъ хочетъ дать городу Билефельду бронзовую репродукцію статуи Великаго Курфюрста, той самой, которая воздвигнута въ Аллеѣ побѣдъ:

«Это будетъ знакомъ благодарности за тотъ пріемъ, который мнѣ оказалъ этотъ городъ, и въ то же время, предупрежденіемъ, *что я, такъ же какъ и мой предокъ, обладаю непоколебимой волей и что, несмотря на всѣ противодѣйствія, я буду неизмѣнно итти по тому пути, который будетъ сочтенъ мною за лучшій*».

II.

Патріархальный режимъ.

Король—отецъ своихъ подданныхъ.

Мы видимъ теперь, какъ велика пропасть между тѣмъ представленіемъ, которое составилъ себѣ Вильгельмъ о своей отвѣтственности, какъ государя, и понятіями на этотъ счетъ нашей эпохи. Само собою разумѣется, что и идеалъ отношеній между королемъ и его народомъ, создавшійся въ его воображеніи, не менѣе далекъ отъ того, что можетъ быть выражено законами и всякими юридическими и парламентскими постановленіями.

Въ его представленіи государь—отецъ своихъ подданныхъ. Онъ долженъ быть примѣрнымъ отцомъ: добрымъ, но твердымъ, справедливымъ и безпристрастнымъ, отдавать день и ночь интересамъ своихъ дѣтей и работать для нихъ. Онъ долженъ обладать для нихъ авторитетомъ отца: онъ долженъ имѣть возможность, если нужно, дѣлать имъ добро даже вопреки ихъ волѣ; онъ долженъ имѣть власть подавлять возмущенія, всегда, по мнѣнію Вильгельма, чудовищныя и почти святотатственныя. Существуетъ одинъ только предѣлъ власти отца: тотъ, который устанавливаетъ нравственность или, говоря точнѣе — Богъ. Богъ сдѣлалъ короля отцомъ своихъ подданныхъ; король, которому Господь далъ эту неимовѣрную власть, долженъ ее употреблять только во благо

своего народа, иначе онъ преступникъ и дастъ Богу отвѣтъ за свое преступленіе.

Вотъ основная идея, къ которой приходится неизмѣнно возвращаться; и мы увидимъ самое разнообразное практическое примѣненіе этой идеи.

Императоръ провозглашаетъ этотъ патріархальный взглядъ на свою власть въ самый день своего восшествія на престолъ. Въ своемъ обращеніи къ народу, опубликованномъ 18 іюня 1888 года, онъ говоритъ:

«Призванный на тронъ моихъ отцовъ, я принимаю бразды правленія, обращая взоръ свой на Царя царей я далъ Богу обѣтъ быть, по примѣру моихъ предковъ, мягкимъ и справедливымъ государемъ для моего народа, быть благочестивымъ и богобоязненнымъ, поддерживать миръ, содѣйствовать благосостоянію страны, помогать бѣднымъ и угнетеннымъ, стоять на стражѣ того, чтобы законъ соблюдался строго».

Богъ и король.

Идея королевскихъ обязанностей неразлучна съ религіей. Когда Вильгельмъ думаетъ о той работѣ, которую онъ хочетъ осуществить какъ государь, его взоръ всегда обращается къ небу. Возвратясь изъ своего паломничества въ Святую Землю, онъ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ своимъ вѣрнымъ бранденбуржцамъ. Въ рѣчи, произнесенной 3 февраля 1899 года, онъ имъ говоритъ:

«Изъ всѣхъ моихъ впечатлѣній—самымъ возвышеннымъ и самымъ захватывающимъ было то, которое я испыталъ, когда очутился на Масличной горѣ и увидѣлъ то мѣсто, гдѣ происходила величайшая борьба изъ всѣхъ, какія когда-либо видѣла земля,—борьба за искупленіе рода человѣческаго Спасителемъ.

«Эта мысль побудила меня въ этотъ день *еще разъ при-*

нести присягу въ вѣрности моему небесному Сюзерену: я далъ себѣ клятву не пренебрегать ничѣмъ необходимымъ для осуществленія единства нашего народа и для устраненія всего того, что можетъ его раздѣлить».

Король и партіи.

Здѣсь выступаетъ одна изъ самыхъ главныхъ идей Вильгельма II. По существу онъ не допускаетъ существованія палитическихъ партій. И это вполнѣ понятно: народъ—это семья, отецъ которой король. Можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе грустное, чѣмъ разладъ между дѣтьми одной и той же семьи? Всѣ должны сплоченно работать для общаго дѣла.

Во всякомъ случаѣ, разъ этотъ разладъ создался, отецъ не долженъ съ ними считаться; онъ долженъ стараться сгладить его и никогда не брать сторону однихъ противъ другихъ. Это точно такъ же долгъ государя.

Огромная заслуга Гогенцоллерновъ, по мнѣнію Вильгельма, состоитъ въ томъ, что они всегда такъ именно и понимали роль монарха. Они стоятъ выше партій. Это Вильгельмъ разъясняетъ депутатамъ бранденбургскаго ландтага 20 февраля 1891 года.

«*Заслуга моихъ прѣдковъ велика именно тѣмъ, что они никогда не принадлежали ни къ какой партіи, что они всегда стояли выше всѣхъ и что имъ удавалось направить всѣ отдѣльныя части на благо цѣлаго.*

«Вы знаете, что я смотрю на свою власть и на свое дѣло, какъ на данныя мнѣ отъ Бога, какъ на миссію врученную мнѣ Господомъ, которому я и долженъ буду когда-нибудь дать отчетъ. Могу васъ увѣрить, что я не пропускаю ни одного утра и ни одного вечера, чтобы не помолиться за мой народъ и въ особенности за Бранденбургскую Марку».

Подданные должны довѣриться безпристрастью и справедливости государя. Они должны ждать отъ него всякой помощи, а не разсчитывать на политическихъ дѣятелей. 15 мая 1890 года, въ Кенигсбергѣ, Вильгельмъ разъясняетъ это:

«Я отлично знаю, что возможны моменты, когда провинція, подобная именно этой, населеніе которой состоитъ главнымъ образомъ изъ земледѣльцевъ, должна чувствовать безпокойство за свое будущее. Не тревожьтесь, господа! Если иногда вамъ и можетъ почудиться недостатокъ симпатіи и сочувствія къ интересамъ земледѣлія, то будьте увѣрены въ одномъ: *король Пруссіи стоитъ неизмѣримо выше всякихъ партій, выше всякихъ политическихъ ухищреній и страстей; онъ одинаково, не давая себя ничѣмъ смутить, относится къ каждому изъ своихъ подданныхъ; онъ трудится на благо каждаго изъ нихъ и каждой провинціи*. Я отлично знаю, чего вамъ не достаетъ и я направляю свои дѣйствія, сообразуясь съ этимъ».

Король и дворянство.

Между всѣми подданными имперіи есть такіе, которые ближе стоятъ къ особѣ короля: это дворяне. Они и должны главнымъ образомъ раздѣлять его взглядъ на патріархальный порядокъ и должны воздерживаться отъ всякой современной «оппозиціи». Ихъ непослушаніе было бы почти нечестиво.

Вильгельмъ обращается къ нимъ по этому поводу съ предупрежденіями весьма серьезными и опредѣленными въ замѣчательной рѣчи, произнесенной 6 сентября 1894 года.

«За послѣднихъ четыре года сельскіе хозяева имѣли много серьезныхъ безпокойствъ и, мнѣ кажется, что, подъ вліяніемъ этихъ безпокойствъ, у нихъ явилось сомнѣніе въ томъ, держу ли я свои обѣщанія.

«Да, и мнѣ пришлось съ глубокою грустью замѣтить, что даже въ кругахъ дворянства, мнѣ близкихъ, мои лучшія намѣренія были невѣрно истолкованы, нѣкоторыя же изъ нихъ оспаривались; я слышалъ даже слово оппозиція.

«Господа! *оппозиція прусскихъ дворянъ, если она противъ ихъ короля—это нѣчто чудовищное*; она возможна только въ томъ случаѣ, если во главѣ ея стоитъ самъ король; объ этомъ и говоритъ исторія нашего дома.

«Сколько разъ предки мои должны были, ради общаго блага, становиться противъ заблудшихъ въ средѣ отдѣльныхъ соціальныхъ классовъ. Преемникъ того, кто собственными силами сталъ суверреннымъ властителемъ Пруссіи, пойдетъ по тому пути, который ему начертанъ его великимъ предкомъ. Былъ день, когда первый король сказалъ: Ex me nata mea corona; его сынъ укрѣпилъ свою власть какъ бронзовую скалу; точно такъ же и *я теперь являю въ лицѣ своемъ королевское достоинство милостью Божіей.*

«Господа! То, отъ чего вы страдаете, отражается и на мнѣ, потому что я первый землевладѣлецъ въ государствѣ, и мнѣ лучше, чѣмъ кому-либо извѣстно, что мы переживаемъ трудную минуту. Я постоянно думаю о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы вамъ помочь. Но нужно, чтобы вы сами оказали мнѣ въ этомъ поддержку; и не шумомъ, не пріемами оппозиціонныхъ партій, которые вы сами такъ часто и съ полнымъ основаніемъ оспаривали, а объяснившись съ вашимъ государемъ, имѣя къ нему довѣріе.

«*Моя дверь всегда открыта для моихъ подданныхъ* и я ихъ выслушиваю охотно. Пусть такъ отнынѣ и будетъ; тогда *я предамъ забвенію все, что произошло.*

«Господа! Будемъ смотрѣть на тѣ тягости и на тотъ кризисъ, который намъ приходится переживать, *съ точки*

зрѣнія христіанства, въ лонѣ котораго мы родились и воспитались, какъ на испытаніе, которое намъ послано Богомъ. Будемъ молчать, выдержимъ его съ христіанскимъ терпѣніемъ, надѣясь на лучшія времена, какъ этого требуетъ нашъ девизъ: Noblesse oblige.

«Какъ плющъ обвиваетъ дупло стараго дуба, украшая его своею листвою и прикрывая, когда буря потрясаетъ его верхушку, такъ и прусское дворянство связано съ моимъ дѣломъ; пусть оно, пусть нѣмецкое дворянство станетъ славнымъ примѣромъ для всѣхъ слоевъ нашего народа, еще колеблющихся. Впередъ, всѣ вмѣстѣ! Съ нами Богъ, *и стыдъ тому, кто покинетъ своего короля!*»

Послѣ этой рѣчи—не можетъ быть двухъ мнѣній: Вильгельмъ считаетъ измѣной иной образъ мыслей, чѣмъ тотъ, котораго держится онъ самъ, какъ и всякую попытку поддержать и провести мнѣніе, несогласное съ его мнѣніемъ. Эта измѣна особенно отвратительна въ дворянствѣ, но она его возмущаетъ и огорчаетъ и въ средѣ всѣхъ остальныхъ его подданныхъ.

III.

Пессимисты и соціалисты.

Сердце Вильгельма II.

Мы уже достаточно знаемъ теперь Вильгельма II, чтобы понять какъ велико было страданіе, причиняемое ему тѣми нападками, которымъ онъ постоянно подвергался, и тѣмъ противодѣйствіямъ, на которыя онъ часто натыкается въ общественной средѣ, ближе всего къ нему стоящей.

Онъ смотритъ на своихъ подданныхъ, какъ на дѣтей, кромѣ ихъ выгоды онъ никакой другой и не знаетъ, онъ работаетъ на нихъ день и почь, онъ дѣлаетъ то, что передъ совѣстью и честью и передъ Богомъ—считаетъ за лучшее: и вдругъ на него яростно нападаютъ!

Что бы кто ни думалъ объ архаическихъ идеяхъ кайзера, о его религіозномъ и мистическомъ настроеніи, чувства его во всякомъ случаѣ искренни. Такого рода человѣкъ долженъ себя неизбѣжно чувствовать жертвой жестокой несправедливости, если онъ видитъ къ себѣ такое отношеніе, какое приходилось часто испытывать Вильгельму II. И что дѣлаетъ особенно сильнымъ непріятное ощущеніе и особенно чувствительною обиду, такъ это именно впечатлѣніе, которое онъ выносилъ, что всякая оппозиція направлена *лично* противъ него. По-

этому ему слѣдуетъ вѣрить и не считать, что онъ преувеличиваетъ, когда онъ говоритъ, напримѣръ, 18 февраля 1896 года, при пріемѣ комитета лиги земледѣльцевъ:

«Въ своемъ стремленіи къ самопомощи и въ желаніи освѣдомить всѣ классы населенія о той тяжести, которая ложится на плечи земледѣлія, члены вашей лиги дали себя увлечь *письменной и словесной агитаціи, которая переходитъ всякія границы допустимаго и которая нанесла глубокую рану моему сердцу отца народа.* Но, сегодня вы, какъ и мои западные пруссаки, загладили свою ошибку».

Характерны самыя слова, которыми императоръ опредѣляетъ оппозицію; онъ ее называетъ «духомъ неповиновенія», онъ говоритъ о своихъ подданныхъ, какъ о дѣтяхъ, которыя не повинуются своему отцу. Эти неблагодарные не вѣрятъ, что имъ избранъ лучшій путь на благо всѣмъ. Они не отдаются слѣпо тому, кому ниспослана отъ Бога миссія вести народъ; они его глубоко задѣваютъ, они заставляютъ его страдать, поступая такъ. Какъ далеки всѣ эти ощущенія отъ нашего современнаго представленія объ оппозиціи и о значеніи общественнаго мнѣнія въ конституціонной монархіи!

Послѣ ухода Бисмарка духъ безпокойства и оппозиціи сталъ особенно замѣтенъ въ Германіи. Вильгельмъ жалуется на это своимъ вѣрнымъ бранденбуржцамъ 20 февраля 1891 года:

«Я замѣчаю періодъ какъ будто какого-то колебанія, неувѣренности и даже нѣкоторой боязни. Мнѣ кажется, что нѣкоторыя лица не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ путь, по которому я иду и который я избралъ, чтобы вести

васъ, а также и весь мой народъ, къ моей цѣли и къ всеобщему благополучію...

«Я очень хорошо знаю, что въ данное время кое-кто пытается напугать общественное мнѣніе. *Духъ неповиновенія* заползъ въ страну: скрытый подъ блестящимъ и обманчивымъ покровомъ, онъ старается ввести въ заблужденіе мой народъ и людей мнѣ преданныхъ. Онъ пускаетъ въ ходъ цѣлое море чернилъ, бумаги и печати, чтобы затемнить тѣ пути, которые совершенно ясны и открыты для всѣхъ, кто знаетъ меня и кто знаетъ мои убѣжденія.

«Я не даю этимъ себя смутить. *Мнѣ можетъ причинить страданіе, когда я вижу, какъ невѣрно толкуютъ ту цѣль, которую я себѣ поставилъ*, но я твердо надѣюсь, что всѣ тѣ, которые остаются монархистами и кто мнѣ вѣренъ, и, прежде всего, мои бранденбуржцы, никогда ни минуты не колебались и никогда не сомнѣвались въ томъ, что я дѣлаю».

«Намъ нужно итти впередъ, работать и бороться самимъ съ собою. Если все государство, въ цѣломъ, должно процвѣтать, приходится приносить въ жертву частные интересы то здѣсь, то тамъ. Наши нынѣшнія партіи имѣютъ въ основѣ собственную выгоду и часто слишкомъ рьяно защищаютъ ее, при чемъ каждый борется только для себя».

Газетная травля.

Нужно замѣтить, что не многіе государи подвергались такимъ жестокимъ критическимъ нападкамъ, какъ Вильгельмъ II. Съ первыхъ дней его царствованія, и даже еще до его вступленія на престолъ, его домашнія дѣла и болѣзнь отца Фридриха III перетолковывались прессой съ удивительнымъ недоброжелательствомъ.

Такъ что, съ перваго же года царствованія императора, мы уже слышимъ его жалобы на критику. Онъ вступаетъ на престолъ 15 іюня 1888 года. 14 іюля 1888 года—

отправляется въ Россію съ визитомъ къ царю. Онъ остается въ Петроградѣ съ 19 по 24 іюля. 26-го онъ въ Стокгольмѣ; 31-го—въ Копенгагенѣ. Возвращается въ Германію и 3 октября снова уѣзжаетъ, на этотъ разъ въ Вѣну, гдѣ посѣщаетъ императора Франца-Іосифа. 12-го онъ уже въ Римѣ, гость короля Италіи.

При возвращеніи Вильгельма въ Берлинъ его привѣтствуетъ депутація муниципальнаго совѣта и проситъ у него разрѣшенія украсить фонтаномъ площадь передъ дворцомъ. Императоръ отвѣчаетъ:

«Я не могу не упомянуть здѣсь о томъ очень тяжеломъ впечатлѣніи, которое я вынесъ послѣ моего путешествія. Въ то время какъ я не жалѣлъ ни моихъ силъ, ни здоровья, чтобы упрочить для имперіи и ея столицы миръ и процвѣтаніе, стараясь завязать дружескія отношенія съ иностранными государями, газеты моей столицы и моей резиденціи не переставали трепать и перетолковывать факты домашней жизни моего семейства, да еще въ такой формѣ, которой не потерпѣло бы ни одно частное лицо. Это мнѣ причинило не только *болѣзненное огорченіе*, но и вызвало мое *неудовольствіе*.

«Прежде всего я требую, чтобы прекратилось, наконецъ, это постоянное сопоставленіе меня съ моимъ отцомъ. Это меня глубоко задѣваетъ какъ сына и потомъ это, вообще, до неприличія непозволительно. Я надѣюсь, что, если я изберу своей резиденціей Берлинъ,—къ чему я, какъ берлинецъ, очень склоняюсь,—то мои семейныя, интимныя дѣла будутъ, наконецъ, оставлены въ покоѣ и перестанутъ служить предметомъ газетныхъ споровъ.

«*Монархи и народъ связаны однимъ общимъ долгомъ—работать для величія и процвѣтанія отечества*. Думаю, что это налагаетъ достаточное количество разнообразныхъ и многочисленныхъ обязанностей, чтобы посвятить имъ

весь свой пылъ и оставить въ покоѣ все то, о чемъ я только что говорилъ».

Затѣмъ пришла отставка Бисмарка, моментъ, когда противъ молодого императора велась жесточайшая и коварнѣйшая кампанія друзьями бывшаго канцлера; сюда же присоединилась борьба съ соціализмомъ; наконецъ, импульсивность въ характерѣ Вильгельма II, множество вещей, за которыя онъ берется и о которыхъ любитъ высказывать свое мнѣніе,—все это не переставало вызывать новые взрывы насмѣшекъ, нападокъ, а часто и клеветы.

Вѣчно недовольные.

Такимъ образомъ монархъ, который мечтаетъ собрать всѣхъ своихъ подданныхъ вокругъ себя, объединенныхъ въ дѣтской покорности и сердечной преданности, дѣлаетъ открытіе, что въ націи есть партія неисправимо недовольныхъ.

Вотъ одно изъ главныхъ разногласій между Вильгельмомъ II и его народомъ.

Онъ не можетъ признать законности оппозиціи, не можетъ допустить, чтобы на него хотѣли вліять проявленіемъ общественнаго мнѣнія.

Увѣренный въ своей правотѣ, онъ не вѣритъ чистосердечію критиковъ. Къ тому же, постоянная манифестаціи народа убѣждаютъ его въ лойяльности его подданныхъ и въ томъ, что таковыхъ большинство. И вотъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что то—лишь небольшая клика вѣчно недовольныхъ хулителей, которые яростно бунтуютъ противъ него и дѣлаютъ своей профессіей—возбужденіе противъ него толпы и извращеніе его дѣйствій. Таковъ уже нѣмецкій характеръ, думаетъ онъ, настроенный слишкомъ снисходительно ко всѣмъ этимъ преступнымъ пріемамъ.

Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе во многихъ

рѣчахъ императора. Оно имѣетъ важное значеніе потому, что еще ярче подчеркиваетъ то разногласіе, которое уже и безъ того существуетъ между его религіозной мистической и патріархальной концепціей власти—и среднимъ теченіемъ нашихъ современныхъ идей, гдѣ право свободно мыслить, судить и писать, гдѣ контролированіе власти парламентомъ, гдѣ отвѣтственность министровъ занимаютъ все болѣе значительное мѣсто.

Приведемъ нѣкоторыя изъ жалобъ Вильгельма на этихъ «вѣчно недовольныхъ». Онъ говоритъ 24 февраля 1892 года на банкетѣ бранденбургскаго ландтага:

«Стало, увы! уже обычаемъ критиковать все, что бы ни дѣлало правительство. Подъ самыми вздорными предлогами смущаютъ покой людей, портятъ удовольствіе самой наличности жизни, созерцанія того, какъ процвѣтаетъ наша великая германская имперія. Эти постоянныя неудовольствія, эти нападки создаютъ, въ концѣ концовъ, у многихъ впечатлѣніе, что въ мірѣ нѣтъ страны болѣе дурно управляемой и что жить въ ней—одно несчастіе. Разумѣется, мы всѣ прекрасно знаемъ, что это не такъ. *Но не лучше ли было бы все-таки, если бы всѣ эти ворчуны и недовольные отрясли прахъ отъ ногъ и удалились по возможности скорѣе изъ нашей страны, состояніе которой такъ убого и такъ плачевно?* Было бы и для нихъ лучше, и намъ бы они доставили огромное удовольствіе».

Это—излюбленная мысль императора: недовольные пусть себѣ уходятъ и дадутъ возможность спокойно работать «настоящему народу». Къ сожалѣнію, мысль эта не вполнѣ совпадаетъ съ реальною сущностью вещей.

Соціалисты. Разумѣется, недовольство это олицетворяется опредѣленной партіей, а именно соціалистической. Для Вильгельма—соціалистъ приблизительно то же самое, чѣмъ

былъ для Отцовъ Церкви—антихристъ. Это—предметъ ужаса и отвращенія. Слишкомъ очевидно, впрочемъ, что нельзя себѣ и вообразить болѣе разительной противоположности, чѣмъ контрастъ, между феодальнымъ, мистическимъ, патріархальнымъ міровоззрѣніемъ кайзера и образомъ мыслей какого-нибудь Бебеля, Либкнехта или иного соціалъ-демократа.

Кайзеръ не находитъ выраженій достаточно яростныхъ, чтобы громить соціализмъ; онъ постоянно призываетъ всѣ здоровые элементы населенія къ единенію противъ революціонной партіи. 26 февраля 1897 года онъ говоритъ депутатамъ отъ Бранденбурга:

«Намъ предстоитъ великая задача, всякому изъ насъ, кто бы онъ ни былъ. Насъ побуждаетъ къ этому память императора Вильгельма Великаго; и чтобы привести ее къ концу, мы должны соединиться вокругъ него такъ же, какъ нѣкогда испанцы собирались вокругъ своего Сида. Эта задача, къ которой мы призваны всѣ, которую мы взяли на себя предъ его лицомъ, это—*борьба съ революціей* всѣми средствами, какія только имѣются въ нашемъ распоряженіи.

«*Эта партія, которая осмѣливается посягать на самыя основы государства, которая возстаетъ противъ религіи и не останавливается даже передъ Всемогущимъ, должна быть обезсилена.* Я съ радостью пожму всякую руку, кому бы она ни принадлежала, монарху или рабочему, лишь бы онъ хотѣлъ помочь мнѣ въ этой борьбѣ.

«Но мы побѣдимъ только въ томъ случаѣ, если не будемъ забывать о томъ, кто далъ намъ наше отечество, нашу германскую имперію, кто, волею Бога, былъ окруженъ столькими замѣчательными, даровитыми сановниками, которые имѣли счастье исполнять его замыслы, которые были орудіемъ его верховной воли, преисполненные

высокаго духа этого несравненнаго императора. Тогда мы сумѣемъ дѣйствительно бороться и не покинемъ поля битвы, *пока не избавимъ страну отъ этой болѣзни*, которая не только подтачиваетъ нашъ народъ, но и грозитъ пошатнуть семью и прежде всего самую святую вещь, какою обладаетъ Германія,—положеніе женщины».

Нужно избавить страну отъ соціализма, какъ и отъ недовольныхъ: та же постоянная мысль. Въ день двадцать-пятой годовщины Седана, Вильгельмъ, въ тостѣ, произнесенномъ имъ за обѣдомъ во дворцѣ, отвѣчаетъ на нападки соціалистовъ на его дѣда.

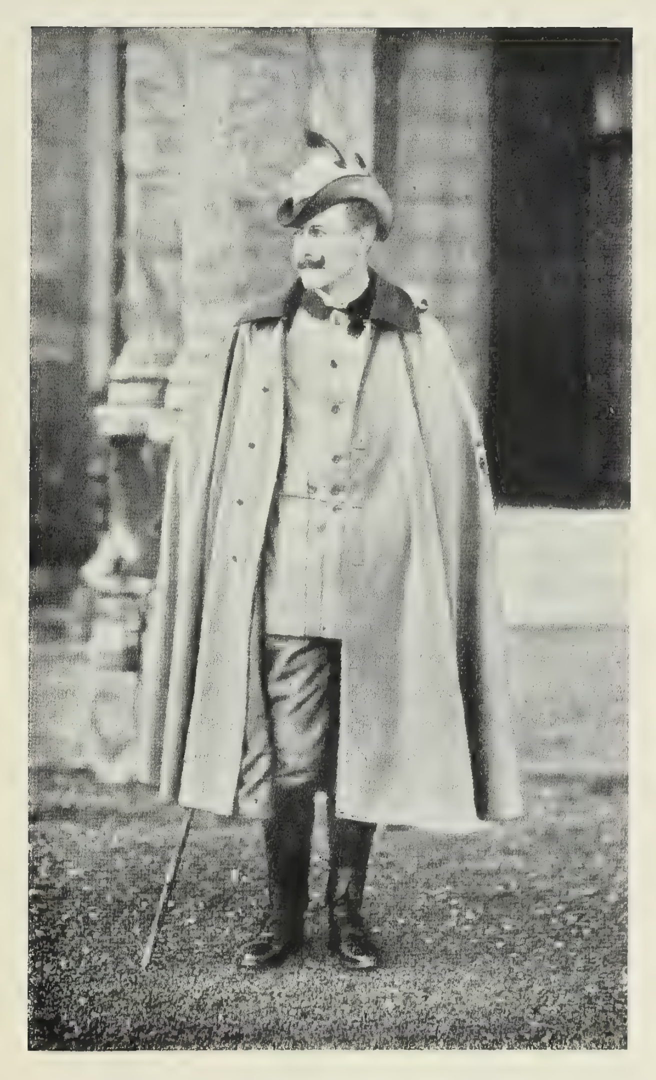
«Къ великой и высокой радости этого праздника примѣшивается одна фальшивая нота: горсть людей, недостойныхъ называться нѣмцами, осмѣливается оскорблять нѣмецкій народъ, осмѣливается влачить по землѣ память священной особы покойнаго императора, почитаемаго всѣми. Пусть народъ черпаетъ въ этой памяти силу, чтобы отбить эти неслыханныя нападки! Но если онъ этого не сдѣлаетъ, то я призываю васъ къ борьбѣ съ этой бандой измѣнниковъ, чтобъ намъ избавиться отъ подобныхъ элементовъ».

Вильгельмъ II, держась такого взгляда на соціализмъ, не можетъ думать, чтобы болѣзнь эта могла быть продолжительной. 19 октября 1895 года онъ заявляетъ:

«Я смотрю на соціализмъ, какъ на явленіе временное: достаточно нашумѣвъ, онъ исчезнетъ».

Радость совмѣстной заботы.

Раздѣленію партій, политическимъ страстямъ, критикѣ недовольныхъ, нападкамъ соціалистовъ Вильгельмъ неустанно противопоставляетъ свой идеалъ: сплоченное

Вильгельмъ II въ костюмѣ охотника.

единеніе всего народа вокругъ своего государя. Тѣ, кто постоянно копается и судитъ—это пессимисты; онъ ихъ назвалъ какъ-то, этихъ видящихъ все въ черномъ свѣтѣ: Schwarzseher.

Въ противоположность этому, народъ, сліянный со своимъ королемъ, будетъ радостно трудиться для величія нѣмецкой отчизны. Въ этомъ совмѣстномъ дѣяніи онъ обрѣтетъ радость и удовольствіе, которыя преобразятъ жизнь и превратятъ ее въ нѣчто благородное, чистое и веселое.

Вильгельмъ II—оптимистъ и въ немъ есть то могучее чувство, которое можно назвать «радостью дѣятельности». И онъ безъ устали старается увлечь за собой и свой народъ на этотъ же путь.

Память прошлаго, традиція не должны вызывать сожалѣній и критики, но быть возбудителями. Вотъ что говоритъ кайзеръ 1 марта 1893 года:

«Въ наше время охотно и часто вспоминаютъ прошлое и сравниваютъ его съ нынѣ существующимъ, обыкновенно умаляя настоящее. Если есть возможность созерцать прошлое, столь славное, благодаря Бога, какъ наше, то этимъ прошлымъ безусловно слѣдуетъ вдохновляться. Это и называется въ монархическомъ государствѣ традиціей. Но она не должна служить предметомъ безполезныхъ жалобъ на людей и вещи, которыхъ больше нѣтъ: *мы должны напротивъ того, освѣжаться въ воспоминаніяхъ, какъ въ источникѣ и, выйдя изъ него полными новой силы, радостно отдаваться дѣятельности и творческой работѣ*».

Великая будущность Германіи.

Этотъ порывъ къ дѣятельности сопровождается живой вѣрой въ будущность Германіи. Недовольные тѣмъ болѣе виновны, парализуя народный полетъ, что великая будущность ожидаетъ нѣмецкій фатерландъ, если его дѣти

покончать со своими раздорами и радостно послѣдуютъ за своимъ императоромъ. Послушайте, что онъ говоритъ бранденбуржцамъ 24 февраля 1892 года:

«Твердое сознаніе, что ваша симпатія сопровождаетъ мою работу, даетъ мнѣ новую силу, чтобы настойчиво продвигаться впередъ по тому пути, который указанъ мнѣ Богомъ.

«Къ этому присоединяется чувство отвѣтственности передъ нашимъ Господомъ и твердое, какъ скала, убѣжденіе, что нашъ Союзникъ при Россбахѣ и Денневицѣ не оставитъ насъ въ затрудненіи. Онъ столько проявилъ участія къ нашей старой Маркѣ и къ нашему Дому, что нельзя допустить, чтобы это могло быть безцѣльно. Нѣтъ, бранденбуржцы, наоборотъ! *Намъ предстоитъ великая будущность и я веду васъ ко днямъ славы.* Не давайте же никакому ропоту и никакимъ рѣчамъ недовольной партіи омрачать *вашу вѣру въ будущее и вашу радость совмѣстной работы.* Съ формулами далеко не уйдете, и я отвѣчаю съ полной увѣренностью и спокойствіемъ на постоянные намеки и киванія въ сторону новыхъ людей и новыхъ направленій: *дорога, по которой я слѣдую, хороша и управленіе страной будетъ продолжаться въ томъ же смыслѣ».*

Долгъ молодежи—имѣть вѣру въ будущность Германіи. Вильгельмъ старается побудить ее къ тому въ рѣчи, произнесенной имъ въ Бременѣ 22 марта 1905 года:

«Въ чемъ состоятъ обязанности молодежи? Работать, избѣгать ссоръ, раздоровъ, зависти, ненавистничества: *радоваться на наше отечество, какъ оно есть*, не мечтать о невозможномъ; жить въ твердомъ убѣжденіи, что Богъ не вложилъ бы столь многое въ наше отечество и въ нашъ

народъ, если бъ Онъ не готовилъ для насъ великой будущности».

«*Мы соль земли, но мы должны стараться быть достойными нашей судьбы.* Поэтому наша молодежь должна научиться отказывать себѣ, лишать себя того, что для нея неполезно, остерегаться того, что заимствовано у другихъ народовъ и культивировать добрые нравы, дисциплину, порядокъ, почтеніе къ старшимъ и религію».

Несокрушимо вѣруя въ это будущее, Вильгельмъ не знаетъ колебаній въ слѣдованіи по тому пути, который онъ избралъ. Онъ надѣется, что всѣ народныя колебанія происходятъ только отъ того, что германская имперія еще слишкомъ молода: что онъ и высказываетъ въ своей рѣчи, въ февралѣ 1892 года къ бранденбуржцамъ, которую я уже частью приводилъ: Переходное время.

«*Мы живемъ въ переходное время. Германія только что вышла изъ дѣтскаго состоянія, чтобы перейти къ юношеству.* Однако, пора бы уже намъ избавиться отъ нашихъ дѣтскихъ болѣзней. Мы переживаемъ бурныя времена, когда сужденію огромнаго большинства еще слишкомъ недостаетъ объективности. Потомъ настанетъ болѣе спокойное время, когда нашъ народъ сосредоточится, углубится въ самого себя и, не давая чужимъ голосамъ смущать себя, отдастся, съ надеждой на Бога, честному труду и попеченію своего наслѣдственнаго монарха».

Увѣренный въ своей божественной миссіи, въ твердомъ сознаніи, что онъ работаетъ на благо своего народа, Вильгельмъ будетъ итти неуклонно по тому пути, который избралъ: его поддерживаетъ вѣра.

Соціализмъ исчезнетъ, нодовольные умолкнутъ или

уйдутъ и нѣмецкій народъ выполнитъ тѣ великія дѣла, для которыхъ онъ рожденъ.

Вотъ выводъ, который напрашивается, послѣ того, какъ удалось проникнуть въ основныя идеи Вильгельма II; онъ и самъ не медлитъ и формулируетъ этотъ выводъ 1 марта 1893 года слѣдующимъ образомъ:

«Въ чемъ причина успѣховъ, достигнутыхъ императоромъ Вильгельмомъ? *Въ томъ, что дѣдъ мой имѣлъ несокрушимую вѣру въ свою божественную миссію*, въ связи съ неутомимымъ сознаніемъ... Въ этихъ традиціяхъ, господа, я выросъ и былъ имъ воспитанъ. *У меня такая же вѣра, какъ у него.* Для меня нѣтъ большаго счастія, какъ работать день и ночь для моего народа и для его блага. *Я и не скрываю отъ самого себя, что мнѣ никогда не удастся сдѣлать всѣхъ одинаково счастливыми и довольными. Но я надѣюсь, что мнѣ удастся создать такой порядокъ вещей, который бы могъ удовлетворить всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ быть удовлетвореннымъ*».

Народныя добродѣтели.

На ряду съ осужденіемъ дурныхъ гражданъ не лишнее, быть можетъ, высказать нѣсколько похвалъ гражданамъ добрымъ.

15 сентября 1889 года, произнося рѣчь на обѣдѣ, который былъ данъ ганноверскимъ ландтагомъ, императоръ пользуется случаемъ, чтобы подчеркнуть свое одобреніе этой провинціи:

«Вы намекнули, что сегодня я впервые появляюсь среди васъ въ формѣ моего перваго полка ганноверскихъ уланъ. Я считаю, что этотъ прекрасный полкъ воплощаетъ въ себѣ *главныя добродѣтели*, присущія ганноверской провинціи: *несокрушимую вѣрность королю*, *благородство чувствъ*, *возвышенность мысли*, *самоотверженность* и *патріотизмъ*,

готовый на все и никогда не отступающій отъ того, что предпринято».

Вотъ каковы должны быть всѣ нѣмцы, съ точки зрѣнія ихъ императора.

Теперь, послѣ того, какъ мы основательно ознакомились съ тѣмъ представленіемъ о власти, какое создалъ себѣ Вильгельмъ, мы считаемъ небезынтереснымъ привести нѣкоторые изъ его афоризмовъ, надѣлавшихъ въ свое время много шуму. Sic volo, sic jubeo.

Предшествующія объясненія даютъ возможность понять ихъ истинный смыслъ.

Въ декабрѣ 1890 года онъ посылаетъ свой портретъ министру вѣроисповѣданій, Госслеру съ надписью: Sic volo, sic jubeo.

8 сентября 1891 года, онъ пишетъ въ книгѣ посѣтителей города Мюнхена: Suprema lex regis voluntas.

27 января 1893 года онъ посылаетъ свой портретъ бывшему министру юстиціи Фридбергу съ надписью: Nemo me impune lacessit.

Прибавимъ еще слѣдующія характерныя слова, произнесенныя имъ въ рѣчи въ Бремергафенѣ 1 апрѣля 1891 г.:

«Я хотѣлъ сказать вамъ слѣдующее: Если бы что-нибудь въ газетахъ или общественной жизни показалось вамъ неяснымъ или какъ бы дурнымъ предзнаменованіемъ, если мои рѣчи и мои слова будутъ перетолковываться, какъ это, къ сожалѣнію, часто бываетъ, на всѣ лады и въ нихъ найдутъ такой смыслъ, какого они никогда и не имѣли, помните то, что я вамъ говорилъ, и не забывайте правила стараго императора: *не слѣдуетъ ни истолковывать, ни искажать словъ императора*».

Эти слова приписываютъ Рудольфу Габсбургу.

IV.

Религія и народъ.

Религія—сила націи.

Изъ всего сказаннаго уже ясно слѣдуетъ, что религія занимаетъ большое мѣсто въ мысляхъ Вильгельма. Мы не могли бы говорить о томъ, какъ онъ понимаетъ свою королевскую власть, не выяснивъ этой глубокой и дѣятельной вѣры въ Бога, орудіемъ котораго онъ себя считаетъ. Посмотримъ теперь, каковы его религіозныя концепціи сами по себѣ.

Религія представляется ему, прежде всего, какъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ народной жизни. Нація тѣмъ и сильна, что она вѣритъ въ Бога. Религія создаетъ въ нравахъ дисциплину, порядокъ, мораль и самоотверженность, т.-е. всѣ добродѣтели, необходимыя для величія націи. Германія сыграетъ огромную роль, потому что она глубоко религіозна, и нужно развивать въ нѣмецкомъ народѣ именно религіозное чувство, чтобъ сдѣлать его сильнымъ и способнымъ на великія дѣла.

И здѣсь личный элементъ играетъ немаловажную роль. Вильгельмъ, орудіе Господа на этой землѣ, долженъ привести къ Богу нѣмецкій народъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, онъ какъ бы посвящаетъ Богу своихъ подданныхъ.

Эта концепція, вполнѣ мистическая, переноситъ насъ

въ другія времена; Вильгельмъ ее и развиваетъ на банкетѣ городской думы въ Аахенѣ 19 іюня 1902 года:

«Кто будетъ въ состояніи на почвѣ столь исторической, какъ Аахенъ, остаться равнодушнымъ къ этому вѣянію и шороху прошедшаго и настоящаго!.. Можно ли не подумать о Провидѣніи, когда бросаешь взоры въ исторію вѣковъ, пережитыхъ нашимъ отечествомъ, и на ту роль, которую тамъ игралъ Аахенъ! Аахенъ—колыбель германской имперіи. Здѣсь Карлъ Великій воздвигъ свой тронъ, и городъ сохранилъ какъ бы отблескъ его величія.

«Этотъ германскій монархъ былъ личностью настолько могучей и великой, что Римъ приравнивалъ его къ древнимъ римскимъ цезарямъ и что онъ былъ избранъ преемникомъ наслѣдія *Imperii romani:* это былъ моментъ великолѣпнаго признанія величія нашей германской расы, которая вступала какъ разъ въ это время въ исторію.

«Скипетръ римскихъ цезарей перешелъ въ руки ихъ преемниковъ, зданіе имперіи разоренное и подгнившее пошатнулось; только *появленіе германцевъ съ ихъ чистымъ сердцемъ и съ радостью побѣды могло дать исторіи міра новое теченіе, которое она сохранила и до нашихъ дней.* Вполнѣ естественно, что могущественный Карлъ, великій король франковъ, привлекъ тогда на себя взоры Рима, который видѣлъ въ немъ опору и поддержку; но соединить достоинство римскаго императора съ тяжестью германской царственности—было дѣломъ слишкомъ труднымъ. То, что было возможно для Карла Великаго съ его могучей натурой, оказалось не подъ силу его преемникамъ, и послѣдующія династіи императоровъ, въ своемъ стремленіи сохранить господство надъ міромъ, упустили изъ виду нѣмецкій народъ и его страну. Они перешли на югъ, чтобы удержать имперію, и позабыли о Германіи. Такимъ образомъ,

нашъ народъ и наша страна приходили мало-по-малу въ упадокъ. Когда цвѣтетъ алоэ, вся сила растенія уходитъ на это цвѣтеніе и взоръ останавливается, очарованный красотою цвѣтовъ, въ то время какъ само растеніе гибнетъ и корни его сохнутъ: то же самое было и съ римской имперіей, поддержанной нѣмецкой націей.

«Теперь народилась вторая имперія, германскій народъ снова имѣетъ императора, котораго онъ избралъ себѣ самъ. Корона была завоевана на полѣ битвы, со шпагой въ рукѣ и штандартъ имперіи высоко развѣвается въ воздухѣ. Новая имперія вызвала въ германскомъ народѣ то же воодушевленіе и ту же любовь, что и раньше, но задача ся теперь иная: намъ не нужно больше переходить границы нашей страны, но необходимо углубиться внутрь, чтобы выполнить миссію, которая возложена на нашъ народъ и съ которой ему не удалось справиться въ средніе вѣка.

«Мы видимъ, какъ край нашъ годъ отъ году крѣпнетъ, несмотря на то, что онъ такъ еще молодъ, и мы видимъ то довѣріе, которое растетъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Могучая германская армія гарантируетъ Европѣ миръ. Мы не стремимся, что весьма характерно для германцевъ, къ расширенію границъ, а хотимъ до безконечности развиваться внутренно. Нашъ языкъ отвоевываетъ все большія области далеко за предѣлами моря. Наша наука и наши открытія устремляютъ свой полетъ въ безграничную даль; нѣтъ ничего въ области современной науки, что не было бы написано на нашемъ языкѣ, и нѣтъ такой мысли, которая не была бы сначала высказана нами, чтобъ быть потомъ уже перенятой другими націями. Вотъ какова та міровая имперія, къ которой стремится германскій духъ.

«Будемъ постоянно помнить, что скала, на которую опирается германская имперія, имѣетъ въ составѣ своемъ простоту, благочестіе, нравственность нашихъ предковъ. Когда

Богъ посылалъ намъ испытаніе въ началѣ нынѣшняго вѣка, когда онъ тяжело налагалъ десницу свою на нашъ край, Провидѣніе ковало желѣзо и закаляло его въ огнѣ нашего несчастья, пока не было готово наше оружіе.

«*Я жду отъ васъ, отъ свѣтскихъ лицъ и отъ духовныхъ, чтобъ вы помогли мнѣ поддержать въ народѣ религію*; мы должны вмѣстѣ работать на сохраненіе въ германской расѣ ея здоровой силы, ея нравственныхъ основъ.

«Возможно же это только черезъ религію, разумѣя въ равной степени оба исповѣданія:

«Оттого-то я болѣе чѣмъ счастливъ, что могу сообщить представителямъ Церкви, здѣсь присутствующимъ, я гордъ, что могу имъ объявить слѣдующее: вотъ генералъ Лоэ, вѣрный слуга своихъ государей. Онъ былъ посланъ мною въ Римъ, на юбилей святого отца; онъ передалъ ему мои привѣтствія, мой подарокъ и въ частной бесѣдѣ посвятилъ его въ положеніе дѣлъ въ Германіи. Святой отецъ отвѣтилъ ему, что онъ всегда высоко цѣнилъ благочестіе нѣмцевъ и особенно нѣмецкой арміи. Онъ прибавилъ, уполномачивая его передать эти слова императору, что если въ Европѣ есть страна, гдѣ еще господствуетъ порядокъ, дисциплина, подчиненіе и почетъ начальствующимъ и Церкви, гдѣ католики могутъ спокойно и безъ помѣхи исповѣдывать свою религію, такъ это только въ германской имперіи и этимъ они обязаны императору.

«Эти слова, господа, даютъ мнѣ право сказать, что наши оба вѣроисповѣданія, уживаясь рядомъ, не должны терять изъ виду ихъ общую великую цѣль: поддерживать и укрѣплять страхъ Божій и уваженіе къ религіи. Пусть мы остаемся современными людьми, пусть дѣятельность наша протекаетъ въ той или иной области, это не мѣняетъ сути. Тотъ, кто не кладетъ религіи въ основу своей жизни—погибнетъ.

«Поэтому и я хочу, съ своей стороны, какъ подобаетъ

въ такой день и въ такомъ мѣстѣ, не только говорить, но и обѣщать. Вотъ мой обѣтъ:

«*Всю имперію, весь народъ, всю мою армію, символически представленную здѣсь моимъ жезломъ, себя самого, свою семью я повергаю къ подножію Креста, подъ покровительство Того, о Комъ апостолъ Петръ сказалъ: «Нѣсть ни въ комъ иномъ спасенія: ибо нѣсть иного имени даннаго человѣкамъ, имъ же надлежало бы намъ спастись», и Кто сказалъ о себѣ самъ: «Небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ*».

Воздвигайте храмы Божіи.

Кто-то сказалъ: «народу нужна религія». Это, въ то же время, мысль Вильгельма II. Но у него она не имѣетъ того оттѣнка утилитарнаго скептицизма: у него—это искреннее убѣжденіе глубоко вѣрующаго, который не представляетъ себѣ ничего истинно великаго и длительнаго безъ помощи Бога. Вотъ въ какомъ смыслѣ нужно понимать его настойчивыя попытки развивать религіозное чувство въ народѣ.

27 іюня 1888 года, принимая депутацію муниципальныхъ властей въ Берлинѣ, онъ говоритъ:

«Старайтесь, чтобы въ Берлинѣ воздвигались церкви».

27 октября 1888 года, вернувшись изъ путешествія, онъ говоритъ депутаціи, явившейся его привѣтствовать:

«Я только-что присутствовалъ на прекрасномъ празднествѣ: на освященіи церкви, которой очень интересовался мой отецъ и въ сооруженіи которой принялъ участіе городъ Берлинъ. *Я надѣюсь и очень желаю, чтобы такого рода празднества повторялись въ Берлинѣ почаще*».

Вильгельмъ не задумывается надъ теологическими тонкостями и догматическими разногласіями. Человѣкъ дѣятельности, онъ и въ религіи видитъ прежде всего жизненную силу. Для него это—чувство, сердечный порывъ и нравственный принципъ. Религія *единитъ* людей въ ихъ стремленіи къ высшему идеалу и къ лучшей жизни. Два вѣроисповѣданія его имперіи, протестантизмъ и католицизмъ, не должны *раздѣлять* его подданныхъ. Не все ли равно, по существу, кѣмъ быть, католикомъ или протестантомъ, важно быть добрымъ христіаниномъ. Христіанство—это тотъ высшій элементъ, который долженъ сближать людей.

«Есть просто двѣ часовни во дворцѣ германской имперіи,—говоритъ императоръ 12 сентября 1905 года,—одна для протестантовъ, другая для католиковъ, чтобы каждое изъ исповѣданій могло отправлять свои службы въ добромъ согласіи съ другимъ».

Центръ и культуркампфъ.

При такомъ взглядѣ на вещи, Вильгельмъ II,—который былъ въ то время принцемъ Вильгельмомъ, взиралъ, разумѣется, со скорбью на тогдашній Kulturkampf. Но всю отвѣтственность за эту религіозную усобицу онъ взваливалъ на центръ, котораго не любилъ, прежде всего, потому, что это была «партія», а потомъ еще и за то, что центръ смѣшивалъ политику съ религіей и проявлялъ, по его мнѣнію, свою нетерпимость.

Въ высшей степени характерны для его манеры мыслить два письма къ кардиналу князю Гогенлое. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 12 января 1887 года, принцъ пишетъ, что ему пришлось встрѣтиться съ нѣсколькими представителями высшаго католическаго духовенства и познакомиться съ ними. Онъ прибавляетъ:

«Прежде всего, Коппъ! Что за натура простая, умственно развитая, наивная, нѣмецкая! Отъ всего сердца я желалъ бы, чтобы этотъ человѣкъ надолго остался съ нами и имѣлъ бы побольше послѣдователей. То же самое я могу сказать о докторѣ Тилѣ, изъ восточной Пруссіи и объ епископѣ Меца, который сказалъ, хотя и по французски: «Je suis et resterai un évêque allemand» *). Былъ еще пріоръ Шейфгенъ изъ Трира, молодой человѣкъ дѣятельный и энергичный. Онъ говорилъ со мной безъ всякихъ предосторожностей, откровенно, и мы великолѣпно поняли другъ друга. Вотъ люди, понимающіе свое время и обладающіе широкими взглядами. Хорошо бы, если бы ихъ вліяніе поглубже отразилось на вѣрныхъ. Но центръ! центръ! Если папа не сброситъ свою сутану и не засучитъ рукава, чтобы прибрать центръ къ рукамъ, тогда»...

Въ другомъ письмѣ, отъ 1 апрѣля 1887 года, принцъ Вильгельмъ пишетъ:

«Я болѣе счастливъ, чѣмъ могу выразить, что этотъ несчастный Kulturkampf конченъ. Въ послѣднее время многіе изъ видныхъ католиковъ неоднократно посѣщали меня и удостаивали полнымъ довѣріемъ, очень меня порадовавшимъ.

«Часто я имѣлъ счастье передавать кому слѣдуетъ ихъ желанія и оказывать имъ услуги. Такимъ образомъ, моимъ слабымъ силамъ посчастливилось посодѣйствовать этому дѣлу умиротворенія. Это мнѣ доставило огромную радость и я очень счастливъ. Кланяйся Галимберти и повергни къ стопамъ папы мои привѣтствія.

Твой преданный тебѣ племянникъ

Вильгельмъ Прусскій».

---

*) «Я нѣмецкій епископъ и останусь имъ».

Протестантскій государь, верховный глава реформатской церкви, Вильгельмъ всегда старался подчеркнуть свое уваженіе къ католицизму, воздавая особое почтеніе папскому престолу. Въ октябрѣ 1888 года, въ бытность свою въ Римѣ, онъ ѣздилъ въ Ватиканъ, чтобы свидѣться съ папой Львомъ XIII и окончательно установить условія религіознаго мира, смѣнившаго закончившійся въ Германіи Kulturkampf. Послѣ завтрака въ прусскомъ посольствѣ, состоящемъ при папскомъ престолѣ, на которомъ присутствовали кардиналы Рампола и Гогенлое, Вильгельмъ съ большой торжественностью отправился въ Ватиканъ и тамъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ Львомъ XIII. Императоръ и Ватиканъ.

Когда Вильгельмъ рѣшилъ созвать въ Берлинѣ конференцію по вопросу объ улучшеніи быта рабочихъ, онъ отправилъ, 8 марта 1890 года, слѣдующее письмо папѣ:

«Ваше Святѣйшество!

«Тѣ благородные акты, посредствомъ которыхъ Ваше Святѣйшество всегда оказывало свое вліяніе на пользу бѣдныхъ и обездоленныхъ человѣческаго общества, даютъ мнѣ надежду, что международная конференція, которая соберется въ Берлинѣ по моему приглашенію 15-го текущаго мѣсяца, заинтересуетъ Ваше Святѣйшество и побудитъ его слѣдить съ благорасположеніемъ за ходомъ совѣщаній этого собранія, цѣль котораго — улучшить условія жизни рабочихъ классовъ.

«Поэтому я считаю своимъ долгомъ препроводить Вашему Святѣйшеству программу, которая должна руководить работами конференціи. Ея успѣхъ былъ бы несравненно болѣе предрѣшенъ, если бы вы, Ваше Святѣйшество, благоволили не отказать въ своей благотворной поддержкѣ тому дѣлу человѣколюбія, которое я замыслилъ. Я пригласилъ епископа бреславльскаго (его высокопреосвященство

Коппа), который, какъ мнѣ извѣстно, проникнутъ идеями Вашего Святѣйшества, — на конференцію въ качествѣ делегата. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы принести Вашему Святѣйшеству увѣренія въ моемъ уваженіи и личной преданности».

13 февраля 1893 года папа праздновалъ пятидесятилѣтіе своего возведенія въ епископскій санъ. Императоръ отправилъ къ нему католическаго генерала фонъ-деръ-Лоэ, которому было поручено отвезти папѣ подарокъ,— богато разукрашенную митру, и передать пожеланія.

23-го апрѣля того же года, Вильгельмъ, на этотъ разъ, въ сопровожденіи императрицы, дѣлаетъ второй визитъ въ Ватиканъ. И съ этого времени при всякихъ обстоятельствахъ, кайзеръ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поддержать добрыя отношенія съ папскимъ престоломъ, неизмѣнно проявляя свое благоволеніе къ нѣмецкимъ католикамъ.

Ничто не даетъ болѣе яснаго представленія о томъ, что такое религія Вильгельма, какъ его путешествіе въ Палестину, въ 1898 году.

Естественное и искреннее желаніе вѣрующаго увидѣть святыя мѣста, любовь къ театральности, мистическая концепція своей божественной миссіи, желаніе распространить нѣмецкое вліяніе на Востокѣ, способы, къ которымъ онъ прибѣгалъ, чтобы показать себя и покровителемъ христіанства, и другомъ ислама, стараясь не возбуждать неудовольствія ни католиковъ, ни протестантовъ, ни мусульманъ,—все это смѣняетъ одно другое самымъ любопытнымъ образомъ.

26 октября Вильгельмъ телеграфируетъ папѣ:

«Я счастливъ сообщить Вашему Святѣйшеству, что благодаря благосклонному посредничеству Его Величе-

ства Султана, столь любезно не отказавшаго мнѣ въ этомъ доказательствѣ его личной дружбы, я имѣлъ возможность пріобрѣсти въ Іерусалимѣ землю, именуемую землею Успенія Богородицы. Я рѣшилъ отдать эту землю, освященную столь благочестивыми воспоминаніями, моимъ подданнымъ, католикамъ, и именно католической ассоціаціи Святой Земли. Мое сердце радуется этому случаю, который даетъ мнѣ возможность показать, *какъ мнѣ дороги интересы католиковъ, довѣренныхъ мнѣ Провидѣніемъ.* Прошу Ваше Святѣйшество принять мои увѣренія въ моей искренней преданности».

Вильгельмъ призываетъ одинаково католиковъ и протестантовъ на борьбу противъ современныхъ тяготѣній къ беззаконію, къ анархіи, противъ партій безпорядка, т.-е. противъ недовольныхъ и соціализма.

Противъ невѣрія и революціи.

13 февраля 1907 года, принимая орденскій знакъ евангелическихъ іоаннитовъ, большой мальтійскій крестъ, онъ говоритъ:

«Какъ протекторъ рыцарскаго ордена госпитальеровъ въ Іерусалимѣ, я тѣсно связанъ съ евангелическою вѣтвью вашего ордена; я очень счастливъ завязать болѣе близкія сношенія съ католическимъ рыцарствомъ.

«Съ теченіемъ времени дѣятельность и кругъ вліянія вашего достославнаго ордена сузились, но прежнія добродѣтели рыцарства не потеряли своего значенія, и всякій человѣкъ, преисполненный рыцарскаго духа, имѣетъ неизмѣримую цѣнность для общества. Ваши обѣты ручаются мнѣ за то, что вы покажете себя истинными рыцарями ордена въ борьбѣ противъ злосчастнаго духа революціи и беззаконія. Достойная подражанія жизнь христіанина, милосердная любовь къ ближнему и къ нашимъ больнымъ и страждущимъ братьямъ, страхъ Божій,

вѣрность государю и любовь къ родинѣ, вотъ добродѣтели, которыя могутъ насаждать, одна возлѣ другой, обѣ вѣтви ордена, и этому оружію Богъ даруетъ побѣду».

Считая эти добродѣтели неразрывно связанными съ религіей, Вильгельмъ и заявляетъ такъ часто, что нельзя быть хорошимъ солдатомъ, не будучи добрымъ христіаниномъ: къ этому мы вернемся, когда будемъ говорить объ арміи.

Германія и религія.

Вильгельмъ II мечтаетъ о такой Германіи, гдѣ бы всѣ люди, протестанты или католики, соединились въ жизненномъ христіанствѣ, свободномъ отъ догматическихъ формулъ и проявляющемъ себя, главнымъ образомъ, въ тѣхъ перечисленныхъ имъ добродѣтеляхъ, которыя мы упомянули: нравственная жизнь, порядокъ, дисциплина, храбрость, любовь къ отечеству, вѣрность королю, радостный подъемъ въ совмѣстной работѣ.

Эти добродѣтели, по его мнѣнію, свойственны спеціально германцамъ. Онъ въ этомъ и видитъ доказательство того, что Богъ съ нѣмцами, что они—избранный народъ и что ихъ ожидаютъ великія судьбы.

Мы уже видѣли, что Гогенцоллернамъ дана великая миссія вести по этому славному пути германскіе народы. Какова же конечная цѣль?

Здѣсь мы уже вступаемъ въ область мистическихъ видѣній, посѣщающихъ мозгъ Вильгельма. Онъ представляетъ себѣ религію и добродѣтели нѣмцевъ какимъ-то возвышенно чистымъ идеаломъ, стоящимъ выше обоихъ вѣроисповѣданій, католическаго и протестантскаго, и единящимъ ихъ. Нѣмецкій народъ, какимъ онъ рисуется его мечтамъ, становится чѣмъ-то въ родѣ искупленія для рода человѣческаго. Въ то время какъ всѣ націи развращаются и падаютъ все ниже, нѣмецкій народъ, избранникъ Божій, идетъ, видите-ли, къ побѣдѣ надъ землей и къ водво-

ренію на ней добродѣтели. Вотъ великая судьба, ожидающая его подданныхъ, если они захотятъ слѣдовать за своимъ императоромъ по тѣмъ путямъ, по которымъ онъ чувствуетъ себя призваннымъ отъ Господа вести ихъ. При такой вѣрѣ, вполнѣ понятенъ его гнѣвъ и огорченіе, когда онъ видитъ недовольныхъ, какъ они упорно стараются сбить его подданныхъ съ этихъ путей.

Понятія, которыя мы здѣсь приводимъ, были высказаны Вильгельмомъ много разъ и вполнѣ ясно. Вотъ его рѣчь, произнесенная въ Мюнстерѣ 2 сентября 1908 года, гдѣ онъ ихъ излагаетъ болѣе или менѣе полно.

«Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть раскинутою на все наше отечество ту прекрасную картину единенія и согласія, которую являетъ взору наблюдателя вестфальская провинція!

«*Мнѣ кажется, что для такого единенія всѣхъ нашихъ согражданъ, всѣхъ нашихъ государствъ, существуетъ одно только средство, и средство это — религія; разумѣется, не въ строго догматическомъ церковномъ смыслѣ, а въ болѣе широкомъ значеніи, практически примѣнимомъ къ жизни.*

«Мнѣ приходится припомнить здѣсь кое-что изъ моего личнаго опыта. За время моего долгаго царствованія — уже двадцатый годъ я нахожусь у власти — я приходилъ въ соприкосновеніе со многими людьми. Безсознательно, но иногда, увы! и преднамѣренно, они меня заставляли сильно страдать. И когда въ такія минуты мною овладѣвалъ гнѣвъ и во мнѣ зарождалась мысль о репрессіяхъ, я спрашивалъ себя: что можетъ лучше всего сдержать гнѣвъ и смягчить его? Единственное средство я находилъ въ томъ, что говорилъ самъ себѣ: *Все это такіе же люди, какъ и ты;* хотя они тебѣ и сдѣлали зло, но всѣ они имѣютъ души, пришедшія съ горнихъ чистыхъ высотъ, куда мы

всѣ стремимся снова вернуться; черезъ свои души всѣ они несутъ въ себѣ нѣчто отъ своего Творца.

«Тотъ, кто подумаетъ объ этомъ, всегда будетъ мягче судить своихъ согражданъ. Если бы эта мысль могла себѣ найти распространеніе среди нѣмецкаго народа, то, такимъ образомъ, создалось бы первое условіе для полнаго единенія. Но оно можетъ быть достигнуто только въ сердцевинѣ, въ лицѣ нашего Искупителя, въ лицѣ Того, Кто назвалъ насъ своими братьями и Кто жилъ, чтобы быть для насъ всѣхъ примѣромъ: Онъ, эта индивидуальность наиболѣе индивидуальная, и теперь еще среди насъ и мы всѣ ощущаемъ Его въ сердцахъ нашихъ.

«Обращая къ Нему свои взоры и долженъ сплотиться нашъ народъ; онъ долженъ найти себѣ твердую опору въ тѣхъ словахъ, о которыхъ Искупитель самъ сказалъ однажды: «небо и земля прейдутъ, но Мои слова не прейдутъ». *Если нашъ народъ исполнитъ это, онъ достигнетъ своего.*

«Вотъ какое сотрудничество я хотѣлъ бы призвать сегодня себѣ на помощь, обращаясь, главнымъ образомъ, къ людямъ Вестфаліи, потому что они сумѣли достигнуть прекраснаго примиренія контрастовъ въ своей провинціи. Они же будутъ, конечно, первыми, кто меня поймутъ и пойметъ лучше другихъ. Въ этомъ смыслѣ, все населеніе и старыхъ и новыхъ владѣній, буржуа, крестьяне и рабочіе, всѣ должны быть единодушны и работать заодно, соединенные общей вѣрой и общей любовью къ отечеству. Тогда-то *нашъ народъ станетъ той гранитной скалой, на которой Господу Богу угодно будетъ закончить свое дѣло просвѣщенія міра.* Тогда же исполнится слово поэта, который сказалъ, что *міръ излечится силою нѣмецкаго духа*».

Нѣмецъ, слѣдовательно, въ одно и то же время и искупленіе міра, и идеалъ творенія: по крайней мѣрѣ, если онъ слѣдуетъ за Гогенцоллернами.

V.

Credo Кайзера.

Мы только что видѣли, что Вильгельмъ II интересуется прежде всего практическимъ значеніемъ религіи и отбрасываетъ на второй планъ вопросы догмы. Онъ считаетъ, что буква убиваетъ и что духъ живитъ. Впрочемъ, онъ себѣ создалъ дѣйствительно какую-то особую, собственную религію, въ которой смѣшаны самые разнообразные элементы. Ужъ одинъ этотъ сплавъ протестантизма съ католицизмомъ, какъ идеалъ германца, чего-нибудь да стоитъ. Къ тому же и божественная миссія монарховъ играетъ въ религіи кайзера большую роль. Онъ смотритъ на исторію, какъ на дѣло рукъ цѣлаго ряда великихъ людей, орудій въ рукахъ Божіихъ, — въ первыхъ рядахъ которыхъ и въ первую голову, фигурируютъ, разумѣется, несравненные Гогенцоллерны. Духъ и мертвая буква.

Это представленіе о религіи мистическое, феодальное, германское, аристократическое, практическое и въ высшей степени субъективное, во всякомъ случаѣ не лишено интереса. Къ счастью, Вильгельмъ чувствовалъ потребность изложить на бумагѣ основы своей вѣры. Мы, разумѣется, приводимъ этотъ документъ: это его знаменитое письмо къ Гольману по поводу лекціи «Babel und Bibel» Делича.

«Я различаю два рода откровенія: одно откровеніе постоянное и какъ бы историческое и другое—чисто религіозное, подготовляющее будущее пришествіе Мессіи.

«Вотъ что можно сказать о первомъ: для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Богъ проявляетъ себя безостановочно въ родѣ человѣческомъ, который онъ создалъ. Онъ «вдохнулъ въ человѣка душу», т.-е. часть самого себя. Съ интересомъ, съ любовью отца онъ слѣдитъ за развитіемъ человѣческаго рода; чтобы его расшевелить, вызвать къ жизни, *онъ являетъ себя на землѣ то въ лицѣ великаго мудреца*, *то священнослужителя*, *то короля*, *все равно среди ли евреевъ*, *язычниковъ или христіанъ*. Гаммураби былъ также изъ ихъ числа, какъ и Моисей, Авраамъ, Гомеръ, Карлъ Великій, Лютеръ, Шекспиръ, Гете, Кантъ, *императоръ Вильгельмъ I:* всѣхъ ихъ онъ избралъ, счелъ ихъ достойными своей милости, чтобы они вели по его волѣ свой народъ какъ въ физической, такъ и въ моральной области, черезъ нихъ творилъ великія, безсмертныя дѣла. *Какъ много разъ дѣдъ мой говорилъ*, *что онъ только орудіе въ рукахъ Божіихъ*. Произведенія великихъ умовъ— это Божьи дары, ниспосланные людямъ для того, чтобы они могли совершенствоваться и могли бы, сквозь смуту земного, чувствовать то горнее, что отъ нихъ еще скрыто. Правда, Божественная сила проявляетъ себя различно разнымъ народамъ, сообразно съ ихъ состояніемъ и съ уровнемъ ихъ культуры, также и въ наши дни. Когда мы наблюдаемъ природу, то, пораженные ея величіемъ и великолѣпіемъ, восторгаемся всемогуществомъ Бога, который въ ней себя проявляетъ,—точно такъ же каждый разъ, когда мы видимъ что-либо истинно великое и благородное, исполненное человѣкомъ или народомъ, мы не колеблясь должны признать въ этомъ откровеніе Божіе и съ восторгомъ преклониться предъ нимъ.

«Второй родъ откровенія болѣе религіозный, это тотъ, что приводитъ къ явленію Христа. Оно началось съ Авраама медлительное, но пророческое. Мудрое и полное предвѣдѣнія, ибо безъ него родъ человѣческій погибъ бы.

«Тогда начинается таинство наиболѣе изумительное, откровеніе Божіе. Родъ Авраама и народъ, которому онъ далъ жизнь, держатся съ той поры съ желѣзной устойчивостью, какъ самаго священнаго сокровища,—вѣры въ единаго Бога. Разсѣянные во время египетской неволи, отдѣльные осколки народа вновь собраны воедино Моисеемъ, который всѣми силами старается удержать монотеизмъ. Здѣсь прямое вмѣшательство Божества, которое возвращаетъ этотъ народъ къ жизни. И это продолжалось цѣлые вѣка, пока, наконецъ, не явился Мессія, предреченный и возвѣщенный пророками и псалмопѣвцами. Вотъ величайшее проявленіе откровенія Божества въ мірѣ! Ибо здѣсь Онъ явилъ себя самъ въ своемъ Сынѣ: Христосъ есть Богъ, Богъ въ образѣ человѣческомъ. Онъ насъ спасъ, Онъ насъ воспламеняетъ, Онъ насъ влечетъ, мы чувствуемъ въ себѣ Его огонь, который въ насъ горитъ, Его состраданіе, которое насъ укрѣпляетъ, Его горесть, которая насъ уничтожаетъ, Его участіе въ насъ принимаемое, которое насъ спасаетъ. Увѣренные въ побѣдѣ, надѣясь только на Его слово, мы преодолѣваемъ трудъ, презрѣніе, горе, нужду, смерть, ибо въ немъ мы имѣемъ слово откровенія Божьяго, которое не лжетъ.

«Вотъ мое мнѣніе по этому вопросу. Слово Божіе, благодаря Лютеру, стало для насъ, протестантовъ—всѣмъ въ жизни, и такому хорошему богослову, какъ Деличъ, слѣдовало бы помнить, что Лютеръ училъ насъ пѣть и вѣрить: «не касайтесь слова Божія». Само собой разумѣется, что въ Ветхомъ Завѣтѣ есть много главъ чисто историческихъ, человѣческихъ, далекихъ отъ слова, реченнаго Богомъ. Это простыя историческія описанія всякаго рода событій,

представляющія отрывки изъ политической, религіозной или духовной жизни народа израильскаго. Я думаю, напримѣръ, что провозглашеніе закона на горѣ Синай можетъ разсматриваться какъ Божіе внушеніе—только въ символическомъ смыслѣ. Моисей долженъ былъ какъ бы освѣжить текстъ законовъ, извѣстныхъ уже издавна (происходящихъ, можетъ быть, отъ Гаммураби), чтобы сплотить и закрѣпить единство своего народа, который, въ разъединенности своей, утратилъ всякую устойчивость. Историкъ сумѣетъ здѣсь, быть можетъ, по смыслу и сообразно съ текстомъ—открыть связь съ законами Гаммураби, друга Авраама, связь логически правильную.

«Но это ничуть не колеблетъ того факта, что именно Богъ побудилъ Моисея такъ дѣйствовать и что, въ этомъ смыслѣ, онъ себя дѣйствительно показалъ израильскому народу.

«Я заключаю изъ всего предыдущаго, что отнынѣ нашъ дорогой профессоръ долженъ былъ бы избѣгать касаться религіи въ чистомъ смыслѣ, но онъ себѣ можетъ спокойно заниматься тѣмъ, что близко касается религіи, нравовъ, и т. д., исторіей Вавилона, и т. д., Ветхимъ Завѣтомъ. Изъ всего этого для меня вытекаетъ слѣдующее:

«a) Я вѣрю въ единаго Бога.

«b) Мы, люди, нуждаемся въ опредѣленной формѣ, для того, чтобы Онъ сталъ доступенъ особенно для нашихъ дѣтей.

«c) Этой формой былъ до сихъ поръ Ветхій Завѣтъ въ его традиціонномъ видѣ. Эта форма должна подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ, благодаря надписямъ, разысканнымъ въ раскопкахъ. Это ничего не значитъ. Если въ результатѣ народъ Божій будетъ лишенъ, черезъ эти открытія, части своего ореола—это тоже не имѣетъ никакого значенія.

«Зерно и основа остаются неизмѣнно тѣ же: Богъ и Его творческая сила.

«Никогда религія не бывала созданіемъ науки, *религія— это сердечное изліяніе человѣческаго чувства въ его отношеніи къ Богу*».

Одна изъ проповѣдей Вильгельма II.

Императоръ пользуется всякимъ случаемъ выразить свои религіозныя чувства, по словамъ его брата, Генриха, онъ «проповѣдуетъ свое евангеліе».

На борту «Гогенцоллерна» онъ самъ отправляетъ воскресную службу и говоритъ проповѣди. Одно такое его «слово» сохранилось. Оно относится къ тому моменту, когда экспедиціонный нѣмецкій корпусъ былъ отправленъ, въ 1900 году, въ Китай съ карательной цѣлью за убійство боксерами прусскаго посла.

Эта проповѣдь даетъ возможность великолѣпно проникнуть въ образъ мышленія кайзера: я привожу ее цѣликомъ. Она была произнесена на *Гогенцоллернѣ*, въ воскресенье, 29 іюля 1900 года:

Текстъ: II книга Моисеева, XVII, 11.

«*И когда Моисей поднималъ руки свои, одолѣвалъ Израилъ, а когда опускалъ руки свои, одолѣвалъ Амаликъ*».

«Библейскій текстъ сегодняшняго дня вызываетъ въ нашемъ представленіи захватывающую картину. Израиль переходитъ пустыню отъ Чермнаго моря къ горѣ Синай. Вдругъ передъ нимъ выростаетъ языческое племя амаликитянъ, хочетъ преградить ему путь и вотъ начинается битва. Іисусъ ведетъ войска молодыхъ израильтянъ въ бой, мечи звенятъ другъ о друга, кровавая, пламенная битва гремитъ въ долинѣ Рефидима.

«Но во время битвы благочестивые люди Божіи, Моисей, Ааронъ, Оръ поднимаются на гору и воздѣваютъ къ небу руки: они молятся. Внизу, въ долинѣ—бойцы; вверху

горесть тѣхъ, кто молится: такова картина сраженія, какъ ее намъ рисуетъ нашъ текстъ.

«Кто не пойметъ сегодня значенія этого текста? Вновь язычники амаликитяне поднялись на дальнемъ Востокѣ; силой и хитростью, убійствами, пожарами они хотятъ преградить доступъ торговлѣ и духу европейцевъ, они хотятъ помѣшать тріумфальному шествію христіанской вѣры и ея нравовъ. И вновь Богъ повелѣлъ: «Избери мужей сильныхъ, пойди и сразись съ амаликитянами». Горячая и кровавая борьба началась. Многіе изъ нашихъ братьевъ уже тамъ, въ горнилѣ, многіе двинулись къ вражескимъ берегамъ, и вы видѣли тысячи людей, которые при крикахъ: «Охотники, впередъ! Кто идетъ защищать отечество?» собрались, чтобы вступить въ борьбу, развернувъ знамена.

«Но мы, всѣ тѣ, кто долженъ остаться дома, кто связанъ другими священными обязанностями, развѣ мы не слышимъ голоса Божьяго, который вопіетъ: «Иди на гору! Воздѣнь къ небу руки! Молитва праведная многое можетъ, если она искренна».

«Итакъ: тамъ, далеко — войска сражающихся, здѣсь, на отчизнѣ—толпа тѣхъ, кто молится: вотъ картина сегодняшней битвы. Пусть этотъ тихій утренній часъ намъ напомнитъ нашъ долгъ молиться, пусть вызоветъ въ насъ воспоминаніе о святой силѣ молитвы».

Долгъ молиться.

«Конечно, это моментъ энтузіазма, когда корабль со своимъ молодымъ экипажемъ подымаетъ якорь. Видѣли вы, какъ блестѣли глаза этихъ воиновъ? Слышали вы ихъ «ура», въ которомъ звучали тысячи голосовъ? Но когда берегъ отчизны исчезнетъ, когда приходится

выдерживать ужасную жару Краснаго моря или океанскія бури, какъ быстро падаетъ тогда подъемъ и воодушевленіе!

«Конечно, это моментъ возстановляющій, когда послѣ долгаго переѣзда на горизонѣ появятся прямыя линіи нѣмецкихъ фортовъ, когда откроются трехцвѣтные флаги нѣмецкихъ колоній и когда братья по оружію соберутся на прибрежьи для торжественной встрѣчи. Но потомъ приходитъ очередь долгихъ переходовъ подъ палящимъ солнцемъ, длинныя ночи подъ дождемъ на бивакѣ: какъ скоро при этомъ теряется сила и доброе настроеніе!

«Конечно, это давно жданная минута, когда барабанъ бьетъ атаку, трубы зовутъ въ бой и отдана команда: «Впередъ, на врага!» Но когда, среди грома пушекъ, гранаты рвутся со всѣхъ сторонъ, когда товарищи падаютъ справа и слѣва и непріятельскія батареи не умолкаютъ, какъ легко можетъ дрогнуть самое отважное сердце!

«Христіане! для того, чтобы наши братья оставались веселы при самыхъ жестокихъ испытаніяхъ, вѣрны при исполненіи самыхъ тяжелыхъ обязанностей, неустрашимы въ величайшихъ опасностяхъ—имъ необходимо нѣчто иное, чѣмъ аммуниція и хорошо отточенное оружіе, больше даже, чѣмъ юное мужество и пламенный энтузіазмъ: имъ нужно благословеніе свыше. Безъ него они не смогутъ ни одержать, ни сохранить побѣды. Небеса же открываются только для молитвы. Молитва—это золотой ключъ отъ божественныхъ сокровищъ. Тотъ, кто имъ владѣетъ, имѣетъ надежду. «Просите и дастся вамъ».

«Неужели мы останемся безучастны, скрестивъ на груди руки? Горе намъ, если мы можемъ оставаться лѣнивы и беззаботны въ то время, какъ они выполняютъ тамъ свой тяжелый и кровавый долгъ! Горе намъ, если мы способны смотрѣть спокойно на это великое зрѣлище въ качествѣ просто любопытныхъ зрителей, въ то время какъ они

борются за нашу жизнь! Тогда бы мы уподобились Каину въ ту минуту, когда онъ произносилъ свои жестокія слова: «развѣ я сторожъ брату моему?» Это было бы измѣной по отношенію къ нашимъ храбрымъ братьямъ, рискующимъ жизнью своей.

«Никогда! Мы хотимъ поднять не только баталіоны воиновъ, но также и святую армію молящихся.

«Да, нужно о многомъ просить и молить за нашихъ братьевъ, идущихъ въ эту кампанію. Они должны быть сильной рукой, карающей убійство, они должны быть желѣзнымъ кулакомъ, прекращающимъ безпорядки, они должны защитить своимъ мечомъ самое для насъ священное.

«Пусть наши молитвы провожаютъ ихъ тамъ, въ бурномъ морѣ, въ походахъ, въ громѣ сраженій, въ тиши походныхъ госпиталей; мы будемъ молить Бога, чтобы Онъ далъ имъ силы и мужество, чтобы они безстрашно сражались, чтобы Господь послалъ счастливую кончину тѣмъ, кто падетъ въ бою и даровалъ бы имъ высшую награду за ихъ вѣрность; словомъ, чтобы превратилъ въ героевъ всѣхъ нашихъ воиновъ и далъ бы имъ побѣду, чтобы они вернулись въ страну своихъ отцовъ увѣнчанные лаврами и съ крестами на груди.

Святая сила молитвы.

«Можетъ быть мы не вѣримъ въ силу молитвы? Что говоритъ намъ текстъ? «Когда Моисей поднималъ руки свои, одолѣвалъ Израиль». Отъ пламенныхъ молитвъ Моисея притуплялось вражеское оружіе, молитвы какъ бы врѣзались въ ряды непріятеля, заставляя ихъ дрогнуть и отдавая побѣду знаменамъ Израиля. Если молитвы Моисея могли это сдѣлать, почему бы не достигнуть того же и нашимъ? Богъ не взялъ обратно ни одного слога своихъ

обѣщаній, горячія молитвы могутъ еще повергнуть въ прахъ знамена, на которыхъ изображены драконы, и водрузить на непріятельскихъ стѣнахъ наши штандарты и кресты.

«И молится не одинъ только Моисей. Вотъ на горѣ Содома Авраамъ молитъ Бога и по его молитвѣ Лотъ спасается отъ пожара, уничтожившаго городъ. Почему же наши молитвы не могли бы спасти нашихъ товарищей изъ огня битвы?

«Да, Богъ прежнихъ дней еще живъ. Великій Союзникъ еще всемогущъ, тотъ Богъ, который не можетъ допустить торжества грѣха и преступленія, но который защититъ свои священныя права противъ народа святотатцевъ; всемогущій Богъ, который можетъ протянуть свою десницу сквозь стѣны, точно сквозь паутину, который можетъ разсѣять самыя страшныя полчища, какъ кучи песку; Богъ вѣрный и милосердный, который чувствуетъ въ своемъ отеческомъ сердцѣ счастье и страданія своихъ дѣтей, который слышитъ всѣ вздохи, чувствуетъ всѣ скорби. Благочестивыя молитвы раскрываютъ Его отеческую руку, и она полна благословеній. Да, довѣрчивыя, неустанныя молитвы возносятся къ Богу и по нимъ Онъ нисходитъ съ неба и живетъ среди насъ. А если съ нами Богъ, кто можетъ быть противъ насъ?

«Слушайте! Тамъ, въ альпійскихъ Тауэрнахъ, на вершинахъ горъ, висятъ таинственные колокола. Рука человѣческая никогда не касается ихъ. Когда тихо и свѣтитъ солнце, они молчаливы и неподвижны. Но когда приходитъ буря, они начинаютъ шевелиться, звенѣть и звонъ этотъ несется далеко по долинѣ.

«Въ сердцѣ каждаго человѣка Богъ помѣстилъ такой колоколъ молитвы. Въ прекрасную погоду, въ часы счастья онъ часто молчаливъ и неподвиженъ. Но когда разражается гроза несчастья, онъ начинаетъ звонить. Сколько товарищей нашихъ, разучившихся молиться, вновь бого-

боязненно сложатъ руки тамъ, въ часъ смертельной битвы. Опасность научаетъ молиться. То же самое должно быть и дома. Пусть дни ужаса, которые наступаютъ, пусть вихрь войны, который доносится и до насъ, приведетъ въ движеніе колокола молитвы. Будемъ молиться за нашихъ братьевъ, которые бьются. И не только время отъ времени, въ особыхъ случаяхъ: нѣтъ, будемъ постоянно вѣрны нашей молитвѣ.

«Въ прежнее время, въ періоды войны, наши отцы звонили въ вечерніе колокола, и услышавъ ихъ, каждый обнажалъ голову и молился: «О, Господи Іисусе, не оставь насъ теперь, въ вечерній часъ!» Не будемъ же и мы забывать ежедневно молиться за нашихъ братьевъ. Руки Моисея были подняты до захожденія солнца: тогда Іисусъ побѣдилъ Амалика. Наша битва не можетъ кончиться въ одинъ день. Но пусть наши руки не ослабѣютъ и не опустятся до тѣхъ поръ, пока побѣда не будетъ за нами. Пусть наши молитвы будутъ огненной стѣной вокругъ лагеря нашихъ братьевъ.

«Какъ мысль объ этомъ укрѣпитъ ихъ! какъ воспламенитъ и воодушевитъ! Тысячи, нѣтъ милліоны тамъ, на отчизнѣ, поддерживаютъ насъ своей горячей молитвой. Царь царей зоветъ: «охотники впередъ! Кто хочетъ молиться за имперію?» Ахъ, если бы можно было сказать: царь сдѣлалъ кличъ и всѣ, всѣ пришли. Чтобы ни одинъ изъ насъ не отсутствовалъ. Вѣдь и онъ можетъ молиться.

«Всемірная исторія запишетъ когда-нибудь на своихъ скрижаляхъ нынѣшнія сраженія. Но человѣкъ видитъ только то, что у него передъ глазами: мудрость вождей, храбрость войска, раны, наносимыя шпагой. Вѣчность покажетъ намъ другое: она обнаружитъ ту силу, какую имѣла скрытая молитва вѣрующихъ во время битвы. И сбудется еще разъ давно реченное слово: «Воззоветъ Меня въ скорби и избавлю его».

«Вотъ отчего я говорю: молитесь. Аминь.

Молитва.

«Всемогущій Боже! Отецъ нашъ небесный, возлюбленный! Ты, Господи силъ и воинствъ, къ Тебѣ мы съ мольбою воздѣваемъ руки! Тебѣ мы вручаемъ жизнь тысячи нашихъ вооруженныхъ братьевъ, которыхъ Ты самъ призвалъ на поле битвы. Защити Твоимъ всемогущимъ покровомъ грудь нашихъ братьевъ. Приведи войска наши къ побѣдѣ! Мы отдаемъ Твоему благоволенію больныхъ и раненыхъ. Будь имъ силой и утѣшеніемъ, исцѣляй раны, нанесенныя имъ въ бояхъ ради царя и отечества. Мы отдаемъ Твоему благоволенію всѣхъ тѣхъ, кому Ты назначилъ смерть на полѣ брани. Поддержи ихъ въ послѣднюю минуту и дай имъ вѣчный покой. Мы отдаемъ и народъ свой Твоему благоволенію. Сохрани, освяти и умножь тотъ пламень, который насъ воодушевляетъ въ эту минуту. Господи, Боже нашъ! Мы ввѣрились Тебѣ! Приведи насъ къ побѣдѣ. Мы прославляемъ, Господи, помощь Твою. Мы носимъ святое имя Твое на нашихъ знаменахъ. Господи, неустанно молимъ Тебя, ниспошли на насъ благость Твою. Аминь».

Одинъ видный іерархъ официальной русской Церкви, имѣлъ, во время одного изъ объѣздовъ подвѣдомственныхъ ему приходовъ, продолжительную бесѣду съ Вильгельмомъ, во время которой ему довелось слышать слѣдующія признанія императора:

Библія—любимая книга кайзера.

«Я люблю Библію и часто ее читаю. Она всегда у моей кровати. Я не понимаю, какимъ образомъ существуетъ столько людей, такъ мало интересующихся Словомъ Божіимъ.

«Когда мнѣ нужно о чемъ-нибудь подумать и на что-нибудь рѣшиться, я спрашиваю себя: что говоритъ по

этому поводу Библія? Она для меня источникъ, гдѣ я черпаю силу и свѣтъ. Я не теряю надежды, что многіе, удалившіеся отъ Бога, снова вернутся къ Нему. Я себѣ не представляю внутренней жизни внѣ Бога».

VI.

Для рабочихъ.

Мы уже ознакомились съ главными принципами, руководящими соціальной политикой императора. Подъ кровомъ патріархальнаго режима, о которомъ мечтаетъ Вильгельмъ, государь работаетъ на благо всѣхъ своихъ подданныхъ, не оставляя безъ вниманія ни одного соціальнаго класса: значитъ онъ полонъ заботы и о рабочихъ. Но они должны относиться съ довѣріемъ къ его отцовскому сердцу, воздерживаться отъ всякихъ политическихъ агитацій и не стараться добиваться силой того, что имъ, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ: дѣйствуя же обратно, они только удалятъ отъ себя расположеніе своего государя. И больше всего они должны держаться въ сторонѣ отъ этой партіи измѣнниковъ и негодяевъ, которые называются соціалистами. Если рабочіе будутъ добрыми и лойяльными подданными, король и императоръ возьметъ ихъ подъ свое покровительство, сдѣлаетъ все для улучшенія ихъ положенія и защититъ ихъ, по мѣрѣ надобности, отъ ихъ хозяевъ.

Соціальная политика Вильгельма II.

Таковы опредѣленные принципы соціальной политики Вильгельма II. Однако же, по ходу событій, мѣры, которыя онъ принималъ для достиженія предполагаемой цѣли, часто казались противорѣчивы.

Въ началѣ своего царствованія, молодой, оптимистически настроенный идеалистъ, полный довѣрія, онъ думалъ легко уладить конфликтъ между рабочими и хозяевами и просто разрѣшить соціальный вопросъ. Онъ воображалъ, что довольно ему произнести «доброе слово», чтобы пролетаріатъ бросилъ своихъ соціалистическихъ лидеровъ и сгруппировался вокругъ него.

Вотъ тутъ-то, именно, на этомъ пунктѣ, у него и возникаетъ первый конфликтъ съ княземъ Бисмаркомъ. Канцлеръ, старый недовѣрчивый пессимистъ и реалистъ, считаетъ, что соціализмъ нужно побѣждать силой и жестокостью. Разногласіе между императоромъ и министромъ растетъ день ото дня и Бисмаркъ уходитъ.

Новое царствованіе открывается созывомъ международной конференціи, которая должна заняться изысканіемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣропріятій къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ. Вильгельмъ объявляетъ рабочимъ, что онъ берется за ихъ дѣло, и ставитъ его въ первую очередь.

Мало-по-малу императоръ самъ видитъ, что его политика и личное участіе не даютъ желанныхъ результатовъ. Его авансы плохо приняты: надъ его патріархальными идеями смѣются; соціализмъ крѣпнетъ день ото дня. Тогда тонъ кайзера становится угрожающимъ; анаѳема, которою онъ громитъ революціонныя партіи, повторяется все чаще. И онъ возвращается къ воинствующей политикѣ противъ соціализма, провозглашенной Бисмаркомъ.

Но чувства его не перемѣнились: онъ все также мечтаетъ о единеніи всѣхъ гражданъ вокругъ своего государя и онъ все съ той же симпатіей относится къ рабочему классу, который ему представляется религіознымъ, патріотичнымъ и лойяльнымъ. Идеалъ его все тотъ же, и приписывая неудачу своей политики проискамъ соціали-

Вильгельмъ II въ гостяхъ на яхтѣ Альберта, князя Монако.

стовъ, онъ только еще горячѣе принимается ненавидѣть партію недовольныхъ.

Не лишнее будетъ припомнить первыя соціальныя попытки кайзера. Въ рескриптѣ отъ 8 февраля 1890 года, на имя канцлера, попадается одно характерное выраженіе, несмотря на то, что этотъ документъ былъ изданъ, по приказу императора, самимъ Бисмаркомъ: Для рабочихъ.

«*Я рѣшилъ взяться за улучшеніе положенія нѣмецкихъ рабочихъ* въ томъ направленіи, котораго отъ меня требуетъ необходимость для нѣмецкой промышленности выдерживать иностранную конкуренцію на міровомъ рынкѣ и тѣмъ самымъ поддерживать существованіе и ея, и рабочихъ. Упадокъ промышленныхъ предпріятій, выраженный уменьшеніемъ вывоза, разорилъ бы не одпихъ только владѣльцевъ, но и рабочихъ.

«Трудность улучшенія положенія нашихъ рабочихъ, создаваемая международной конкуренціей, можетъ быть, если и не совершенно уничтожена, то хотя бы ослаблена, только соглашеніемъ державъ, оспаривающихъ одна у другой міровой рынокъ.

«Будучи убѣжденъ, что другія правительства воодушевлены такимъ же желаніемъ подвергнуть международной провѣркѣ тѣ реформы, которыя рабочіе всѣхъ странъ давно уже обсуждаютъ между собою, я поручилъ моимъ уполномоченнымъ во Франціи, Англіи, Бельгіи и Швейцаріи освѣдомиться предварительно у правительствъ этихъ странъ, поскольку они расположены вступить съ нами въ переговоры и поскольку международное соглашеніе по вопросу объ удовлетвореніи требованій рабочихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были заявлены въ движеніяхъ послѣднихъ лѣтъ, или же въ какой-либо иной формѣ— для нихъ желательно. Какъ только на мое предложеніе послѣдуетъ принципіальное согласіе, вы пригласите, по

моему полномочію, министровъ тѣхъ правительствъ, которые относятся съ такимъ же интересомъ къ рабочему вопросу, на конференцію, гдѣ всѣ эти вопросы и будутъ разсмотрѣны детально».

Стремленія рабочихъ.

Одна изъ забастовокъ въ началѣ царствованія, въ маѣ 1889 года, дала Вильгельму II случай показать, какую позицію онъ собирается занять по отношенію къ соціальному вопросу. Разыгрывая изъ себя Соломона, онъ старается держать равновѣсіе между рабочими и предпринимателями и принимаетъ тѣхъ и другихъ отдѣльно.

Вотъ та маленькая рѣчь, съ которой онъ обратился къ рабочимъ 14 мая 1889 года:

«Я отношусь къ рабочимъ съ живѣйшимъ интересомъ. Я убѣдительно рекомендую горнорабочимъ воздержаться отъ всякаго сближенія съ соціалистами: потому что какъ только я замѣчу, что ихъ движеніе тяготѣетъ къ соціализму, я приму строжайшія мѣры для подавленія этого движенія. Правительство располагаетъ значительными силами и зачинщики малѣйшаго возмущенія противъ властей будутъ разстрѣляны безпощадно».

«Если же горнорабочіе, напротивъ того, будутъ спокойны, они могутъ разсчитывать на мое покровительство».

Въ противоположность этому, вотъ что онъ заявляетъ 16-го мая предпринимателямъ:

«Я рѣшилъ дать вамъ аудіенцію, потому что естественный долгъ монарха—выслушать обѣ стороны, когда между его подданными возникаютъ разногласія и когда они, желая прійти къ соглашенію, съ довѣріемъ обращаются къ нему. Третьяго дня я выслушалъ рабочихъ, сегодня я радъ принять васъ.

«Вы знаете, что я сказалъ рабочимъ. Я имъ показалъ вполнѣ опредѣленно, на какую точку зрѣнія я становлюсь. Впрочемъ, рабочіе произвели на меня хорошее впечатлѣніе. Они уклоняются отъ всякой солидарности съ соціалъ-демократами. Телеграммы, которыя я получилъ, показываютъ, что мои слова нашли себѣ откликъ въ рабочей средѣ Вестфаліи, и я былъ очень радъ констатировать, что горнорабочіе энергично оттолкнули всѣ попытки вмѣшательства со стороны соціалъ-демократовъ.

«*Вполнѣ естественно и свойственно каждому человѣку искать возможно лучшихъ жизненныхъ условій.* Рабочіе читаютъ газеты. Они знаютъ, въ какомъ соотношеніи стоитъ ихъ заработная плата къ прибыли компаній. Понятно, что они желаютъ участвовать, въ той или иной мѣрѣ, въ этой прибыли. Вотъ почему я просилъ бы васъ, господа, посерьезнѣе отнестись къ положенію и стараться, на будущее время, по возможности, избѣгать такихъ осложненій. Я могу вамъ только пожелать отъ всего сердца поскорѣе закончить то, что предсѣдатель вашей ассоціаціи съ такимъ успѣхомъ началъ вчера.

«Я считаю своимъ монаршимъ долгомъ прійти на помощь, въ случаѣ разногласія, какъ хозяевамъ, такъ и рабочимъ, при условіи, что каждый, со своей стороны, будетъ заботиться объ общемъ интересѣ, поддерживая между собою согласіе и не допуская такихъ кризисовъ, какъ тотъ, который мы переживаемъ въ данное время».

Соціальное христіанство.

Религія, занимающая такое огромное мѣсто вообще въ психикѣ Вильгельма, играетъ такую же преобладающую роль и въ его соціальныхъ воззрѣніяхъ. По отношенію къ рабочимъ онъ хочетъ поступать какъ христіанинъ. Въ рескриптѣ къ министрамъ торговли и общественныхъ работъ, объявляющемъ о международной рабочей конференціи 1890 года, онъ пишетъ:

«Въ первые же дни моего царствованія я заявилъ о своемъ рѣшеніи поторопить наше законодательство въ направленіи, указанномъ моимъ дѣдомъ въ его стремленіи—*улучшить положеніе болѣе слабыхъ и менѣе обезпеченныхъ классовъ—въ духѣ христіанской морали*».

Въ основу своей соціальной политики кайзеръ кладетъ опять-таки христіанское чувство и долгъ—любить своего ближняго какъ самого себя. Онъ говоритъ объ этомъ при вступленіи на престолъ, въ своей рѣчи въ рейхстагѣ, 22 октября 1888 года:

«Я получилъ отъ моего дѣда, какъ драгоцѣнное, завѣщанное мнѣ наслѣдство—долгъ пополнить наше соціальное законодательство, начатое имъ. Я и не разсчитываю законами уничтожить бѣдность. Но я считаю долгомъ государства работать изо всѣхъ силъ для смягченія соціальныхъ страданій, проистекающихъ отъ современнаго экономическаго порядка, и считаю, что органическое законодательство поможетъ всѣмъ сознать *необходимость практическаго осуществленія на дѣлѣ—любви къ ближнему, завѣщанной намъ Христомъ*».

Ту же идею онъ развиваетъ на освященіи выставки принадлежностей и приспособленій для предупрежденія несчастныхъ случаевъ при работѣ, 30 апрѣля 1889 года:

«Съ большою радостью я привѣтствую это доказательство того, что нынѣ примѣняются дѣйствительныя мѣры къ огражденію рабочаго отъ опасностей, все возрастающихъ, связанныхъ съ его ремесломъ, что есть попытки *улучшить экономическое положеніе рабочаго класса* органическими мѣропріятіями и *провести въ наши учрежденія и въ наше соціальное право истинную любовь къ ближнему*».

Въ то же время Вильгельмъ рѣзко порываетъ съ тѣмъ, что называлось христіанскимъ соціализмомъ. Послѣ неудачи Штекера, знаменитаго придворнаго пастора, который вначалѣ пользовался милостью императора, онъ телеграфируетъ Гинцепетеру, своему бывшему наставнику, 28 февраля 1896 года:

«Штекеръ кончилъ тѣмъ, что я предсказывалъ много лѣтъ назадъ. Пасторъ, занимающійся политикой—это чудовище. Кто христіанинъ, тотъ въ то же время и соціаленъ». Соціальное христіанство—это нелѣпость, которая ведетъ къ тщеславію и нетерпимости: двѣ вещи, составляющія прямую противоположность христіанства. Пусть господа священники занимаются душами вѣрующихъ и примѣняютъ на дѣлѣ любовь къ ближнимъ, но пусть они оставятъ въ покоѣ политику, потому что это ихъ совершенно не касается».

Наслѣдіе Вильгельма I.

Вильгельмъ II любитъ при всякомъ удобномъ случаѣ объявлять себя преемникомъ дѣятельности Вильгельма I. Вначалѣ онъ считалъ, что соціальное законодательство, освященное старымъ императоромъ, должно было удовлетворять рабочій классъ и водворить миръ. Даже послѣ того какъ онъ увидѣлъ, что рабочіе законы не сумѣли обезоружить соціализмъ, онъ все-таки оставался вѣрнымъ поборникомъ этого законодательства и его дальнѣйшаго развитія. Извѣстно, что Германія имѣетъ въ настоящее время весьма законченную систему страхованія рабочихъ, убѣжищъ для нихъ, помощи на случай болѣзни и увѣчья. Статьи по этимъ вопросамъ, изъ которыхъ значительная часть дѣйствительно принадлежитъ Вильгельму I, его внукъ считаетъ наслѣдіемъ великаго императора. Въ Мюнстерѣ, 1 сентября 1908 года, онъ говоритъ:

«Въ нѣдрахъ вашихъ горъ скрыты сокровища, извлекаемыя оттуда трудами молодцовъ горнорабочихъ; эти сокровища даютъ возможность нашей промышленности гордиться своей націей, изумительной въ своемъ неудержимомъ полетѣ, возбуждающемъ зависть всего міра. Да продолжится это добываніе сокровищъ на процвѣтаніе нашей націи и да возрастетъ за предѣлами страны добрая слава о нашей солидарности и о добромъ качествѣ нѣмецкой работы. Я думаю также и о тѣхъ рабочихъ, которые своими руками выполняютъ первую работу въ гигантскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, у фабричныхъ горновъ и въ подземныхъ галлереяхъ. Я получилъ отъ своего дѣда, какъ бы въ драгоцѣнное наслѣдіе, заботу объ ихъ счастьѣ и благоденствіи, и въ томъ моя воля и мое желаніе, чтобы принципы, заложенные въ незабвенномъ завѣтѣ императора Вильгельма Великаго,—соблюдались неуклонно».

Такимъ образомъ, и въ этой области взгляды Вильгельма очень далеки отъ современныхъ представленій о соціальномъ вопросѣ; и постановка у него этого вопроса совершенно не похожа на то, что мы встрѣчаемъ въ ежедневной политической борьбѣ и дебатахъ.

Соціальный миръ, о которомъ онъ мечтаетъ, основывается на религіи, на патріархальной и абсолютной власти монарха. Соціалистамъ немудрено будетъ справиться съ такимъ представленіемъ.

VII.

Армія.

Точка опоры кайзера.

Вильгельмъ, болѣе или менѣе, знаетъ, что его представленіе о королевской власти, о религіи и соціализмѣ не совпадаетъ съ современными взглядами на эти вопросы, какъ вообще, такъ и среди его подданныхъ. Уже самъ тонъ его рѣчей говоритъ о желаніи убѣдить; это почти всегда проповѣди. Онъ заклинаетъ народъ вѣрить ему, итти за нимъ. Онъ рисуетъ ему счастливое будущее, обѣщаетъ ему великолѣпную награду. Въ общемъ—это цѣлое евангеліе, картина совершенно особаго, новаго общества, которую онъ и преподноситъ своимъ слушателямъ.

Императоръ, слѣдовательно, понимаетъ, что онъ еще не завоевалъ общественнаго мнѣнія и что его патріархальная власть, его божественная миссія, не восприняты. Не имѣя опоры въ поголовномъ сочувствіи своихъ подданныхъ, онъ долженъ же, однако, имѣть какую-нибудь поддержку здѣсь, на землѣ. Архимедъ просилъ только одну точку опоры, чтобы перевернуть землю. Какова же та точка, опираясь на которую, Вильгельмъ готовится перевернуть Германію, а можетъ быть и весь міръ?

Это армія.

Они созданы другъ для друга.

15 іюня 1888 года Фридрихъ III умеръ, Вильгельмъ II вступилъ на престолъ и обратился съ тремя воззваніями: къ арміи, флоту и къ народу. Уже тотъ порядокъ, въ которомъ эти приказы были изданы и объявлены, весьма интересенъ: первые два выпущены 15-го числа, т.-е. въ самый день смерти отца, третій собственно манифестъ,—18-го. Вотъ его воззваніе къ арміи:

«Въ дни печали и траура волею Бога я становлюсь во главѣ арміи. Съ сердцемъ полнымъ тоски я обращаюсь съ моимъ первымъ словомъ къ моей арміи.

«Но я принимаю этотъ постъ, назначенный мнѣ волей Бога, съ несокрушимымъ и твердымъ довѣріемъ, потому что мнѣ извѣстно, какъ великъ духъ чести, который мои славные предки сумѣли развить въ арміи и въ какой степени онъ всегда оставался въ ней сохраннымъ.

«Въ арміи абсолютная, непоколебимая вѣрность монарху передается наслѣдственно, отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ... Мы принадлежимъ другъ другу... Я и армія—мы рождены другъ для друга и останемся впредь неразрывно связаны, все равно, пошлетъ ли намъ Господь войну, или миръ».

Армія никогда въ немъ не сомнѣвалась.

Позднѣе онъ съ гордостью вспоминаетъ о томъ, что его первое обращеніе было къ арміи. Онъ имѣлъ къ ней довѣріе, она—къ нему. Среди всеобщихъ насмѣшекъ, критики и клеветничества одна только армія не потеряла вѣры въ своего молодого вождя, давая примѣръ лойяльности всей націи.

15 іюня 1898 года праздновалось десятилѣтіе вступленія Вильгельма II на престолъ. Онъ собралъ у себя въ саду, въ потсдамскомъ дворцѣ, гвардейскіе полки и обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью:

«Главное наслѣдство, оставленное мнѣ моимъ дѣдомъ и моимъ отцомъ, наслѣдство, принятое мною съ гордостью и радостью,—это армія. Къ вамъ я обратился съ моимъ первымъ воззваніемъ, когда вступилъ на престолъ, къ вамъ же я обращаюсь снова, вступая въ новый періодъ моего царствованія послѣ десяти минувшихъ лѣтъ. *Въ тяжелыхъ заботахъ и условіяхъ я принялъ корону: всюду во мнѣ сомнѣвались, всюду обо мнѣ судили дурно; въ одномъ только мѣстѣ въ меня вѣрили и имѣли ко мнѣ довѣріе: и это было въ арміи. Опираясь на нее, ввѣряясь нашему старому Богу я взялъ на себя бремя правленія, зная твердо, что въ арміи—главная сила моей страны, главный оплотъ прусскаго трона, на который я призванъ волею Божьей»*...

Вильгельмъ безбоязненно вызываетъ воспоминанія о смутномъ періодѣ прусской исторіи, о тѣхъ минутахъ, когда шумѣла революція, когда общественное мнѣніе поднималось противъ главы государства. На какую поддержку могъ въ то время разсчитывать король? Только на армію. То же самое и теперь. Въ 1893 году, въ моментъ когда нападки, вызванные отставкой Бисмарка не прекращались, состоялось освященіе знаменъ новыхъ полковъ, 18-го октября. Послѣ освященія Вильгельмъ произноситъ рѣчь: Оплотъ монархизма.

«Въ 1861 году, когда мой дѣдъ предпринялъ реорганизацію арміи, многіе не поняли его, мало того, нападали на него. Но послѣдующая эпоха блестяще оправдала этотъ трудъ. Какъ и теперь, рознь и недовѣріе и тогда царили въ народѣ; единственнымъ оплотомъ, на который опиралась въ то время королевская власть,—была армія. Такъ же дѣло обстоитъ и теперь».

Какъ видно, Вильгельмъ радъ порисоваться своею непопулярностью, приравнивая ее къ непопулярности великаго императора, создавшаго объединеніе имперіи; онъ радъ выставить общественное мнѣніе, которое принято считать непогрѣшимымъ, въ невыгодномъ свѣтѣ, возставшимъ противъ мѣры столь необходимой и давшей такіе блестящіе результаты.

Тѣ, на кого я полагаюсь.

Въ выраженіяхъ вполнѣ опредѣленныхъ Вильгельмъ противопоставляетъ вѣрность арміи—политической агитаціи, и заявляетъ, что ему безразлично частичное недовольство, пока ему вѣрны его офицеры.

Не мѣшаетъ отмѣтить двѣ его деклараціи по этому поводу, высказанныя съ рѣзкой и неосторожной откровенностью.

2 декабря 1895 года, гвардейскій полкъ кирасировъ праздновалъ годовщину Луаньи. За обѣдомъ императоръ произноситъ слѣдующій тостъ:

«*Чѣмъ больше выдвигаютъ партійные интересы, тѣмъ тверже и увѣреннѣе я разсчитываю на мою армію и тѣмъ опредѣленнѣе надѣюсь, что моя армія будетъ всегда слѣдовать моимъ указаніямъ и моимъ желаніямъ и во внѣ, и внутри.* Эту увѣренность даетъ мнѣ тотъ духъ, который живетъ также и въ вашемъ полку, и я повторяю слова, произнесенныя моимъ дѣдомъ въ Коблепцѣ, послѣ тяжелыхъ испытаній 1848 года, когда онъ увидѣлъ офицеровъ среди торжественно встрѣтившихъ его депутацій: *Вотъ тѣ, на кого я полагаюсь*».

Противъ революціи.

Естественно, что императоръ разсчитываетъ на своихъ солдатъ, чтобы раздавить, въ случаѣ надобности, недовольныхъ, чтобы уничтожить угрожающую общественному порядку революціонную партію. Объ этомъ кайзеръ заявляетъ такъ же открыто, не боясь ни возбужденія

общественнаго мнѣнія, ни расчлененія надвое всей націи.

Въ 1895 году шумно праздновалось двадцатипятилѣтіе побѣдъ 1870 года.

19-го августа, 14.000 членовъ обществъ ветерановъ собрались на Темпельгофскомъ полѣ. Императоръ обращается къ нимъ со слѣдующими словами:

«Пусть день этотъ будетъ началомъ вашихъ новыхъ мирныхъ работъ для вашего короля и отечества. *Вѣрные своей присягѣ вы должны стоять на стражѣ уваженія къ закону, къ религіи, любви къ королевскому дому, вы должны бороться съ движеніемъ, ведущимъ къ перевороту и, какъ настоящіе солдаты, сплотиться вокругъ вашего короля.* Таковъ долгъ, который я вамъ указываю и который вы должны внушить вашимъ дѣтямъ».

Жизнь за короля.

Въ тотъ разъ императоръ говорилъ старымъ воинамъ, ветеранамъ, только вернувшимся къ обывательской жизни. Но онъ, не задумываясь обращается съ подобными же словами и къ молодымъ новобранцамъ, которые вчера еще были частью той самой среды, гдѣ растетъ духъ недовольства. Вотъ, что онъ говоритъ 5 марта 1895 года при присягѣ флотскихъ рекрутовъ:

«Какъ я, въ качествѣ монарха и государя, отдаю свою жизнь и свои силы отечеству, такъ и *вы обязаны отдать за меня всю свою жизнь*».

Вотъ взглядъ уже совершенно архаическаго характера, теряющійся во временахъ не только феодализма, но и эпохи древнихъ германцевъ. Солдатъ принадлежитъ душою и тѣломъ тому, кому онъ присягалъ на вѣрность. Ежегодно, при каждой присягѣ гвардейскихъ рекрутовъ,

Вильгельмъ присутствуетъ неизмѣнно и, не упуская случая, возобновляетъ свои торжественныя заклинанія, нервирующія и возбуждающія общественное мнѣніе.

Гражданская война. Даже призракъ гражданской войны ему не страшенъ. 23 ноября 1891 года на рекрутской присягѣ въ Потсдамѣ, онъ требуетъ отъ своихъ молодыхъ солдатъ, чтобы въ случаѣ революціи, они были готовы стрѣлять въ своихъ родныхъ:

«Болѣе, чѣмъ когда-либо недовольство и недовѣріе поднимаютъ голову; можетъ случиться—отъ чего храни насъ Боже!—*что вамъ придется стрѣлять въ собственныхъ родныхъ, въ братьевъ. Проявите же тогда свою вѣрность, жертвуя родною кровью*».

Солдатъ долженъ быть добрымъ христіаниномъ. Такія слова произносить вообще чрезвычайно рискованно. Нѣтъ надобности и говорить о томъ, какое впечатлѣніе они произвели въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, это точнѣйшее отраженіе идей Вильгельма.

Въ наше время въ Германіи, такъ же какъ и во Франціи, введена всеобщая воинская повинность. Всякій беретъ на себя ея обязательства, не считая, что солдатъ чѣмъ-нибудь разнится отъ гражданина.

По представленію же кайзера, солдатъ долженъ отличаться такими добродѣтелями, которыя напоминаютъ скорѣе средневѣковаго рыцаря, чѣмъ рекрута нашихъ дней. Тотъ идеалъ нѣмца, христіанина, послушнаго, вѣрнаго патріота и храбреца, который Вильгельмъ безъ устали расписываетъ своимъ подданнымъ, долженъ найти свое осуществленіе въ арміи. Какому-нибудь часовому, стоящему на часахъ въ своей будкѣ на углу у дворца, или рядовому, отправляющемуся на плацъ на ученье, онъ старается внушить бранный духъ Крестовыхъ походовъ или героевъ изъ пѣсни о Нибелунгахъ. Нигдѣ идеалистическое

и мистическое воззрѣніе Вильгельма не проявляется съ такой полнотой, какъ здѣсь, гдѣ оно силится облечь плоскую дѣйствительность въ героическую поэзію.

И здѣсь онъ также далекъ отъ идей современной дѣйствительности и вызываетъ своими воззрѣніями или недовольство, или смѣхъ. Вотъ одинъ изъ его самыхъ знаменитыхъ афоризмовъ, который онъ изрекъ 16 ноября 1897 года при присягѣ новобранцевъ потсдамскаго гарнизона.

«*Тотъ, кто не можетъ назваться добрымъ христіаниномъ, не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, а значитъ, и прусскимъ солдатомъ. Онъ никоимъ образомъ не сможетъ выполнить того, что требуется отъ солдатъ прусской арміи.* Ваша задача не легка: она требуетъ отъ васъ самоотверженности и безкорыстія,—двухъ высшихъ христіанскихъ добродѣтелей и, кромѣ того, полной подчиненности и повиновенія приказаніямъ начальства».

На что ему не замедлили преподнести Фридриха II, который, будучи отчаяннымъ безбожникомъ, не могъ, значитъ, быть хорошимъ солдатомъ.

Впрочемъ, мысль Вильгельма, сама въ себѣ, логична и это его воззрѣніе составляетъ одно цѣлое со всѣми его концепціями монаршей власти, арміи, религіи и отечества; но вся его система очень далека отъ нашего времени.

Императоръ часто высказывалъ въ разной формѣ однѣ и тѣ же мысли. Вотъ, напримѣръ, ихъ нѣсколько иное выраженіе. 15 ноября 1894 года, при присягѣ рекрутовъ въ Берлинѣ, онъ говоритъ:

«*Если вы хотите быть хорошими солдатами, вы должны быть добрыми христіанами и хранить религію въ вашемъ сердцѣ.* Какъ солдаты моей гвардіи, вы получаете осо-

бенно почетную форму. Не забывайте, что вы носите форму вашего короля. Носите ее съ честью и помните, что вы имѣете счастье служить у меня на глазахъ и что ваше вступленіе въ армію облагородило васъ... *Никогда не забывайте, что вы призваны быть защитниками нашего отечества, что вы обязаны охранять порядокъ и религію»*.

Армія и имперія.

Въ дѣлѣ поддержанія порядка Вильгельмъ разсчитываетъ на армію. Въ ней сила королевской власти и она ему поможетъ выполнить его божественную миссію. И въ прошломъ только съ ея помощью прусская монархія могла довести до конца свое лучшее сознаніе: объединеніе Германіи и независимость имперіи. Здѣсь кайзеръ даетъ свободу своему презрительному отношенію ко всѣмъ современнымъ кумирамъ, такимъ какъ политика, парламентъ и т. д.

Армія, вѣрный своему королю солдатъ, добрый христіанинъ, истинный нѣмецъ—вотъ кто создалъ германскую имперію.

18 апрѣля 1891 года, по случаю освященія знаменъ новыхъ воинскихъ частей, Вильгельмъ говоритъ:

«Единство германской имперіи сковано арміей и ея солдатами, а не парламентскимъ большинствомъ и его рѣшеніями. Моя надежда покоится на арміи. Мы переживаемъ тяжелыя времена, въ ближайшемъ будущемъ насъ ожидаютъ, быть можетъ, еще худшія, но, при мысли о нихъ, я вспоминаю слова, которыя дѣдъ мой сказалъ офицерамъ Кобленца: *Вотъ люди, на которыхъ я могу положиться. Это моя вѣра и моя надежда»*.

Связующее звено имперіи.

Армія и побѣды 1870—71 года создали имперію. 8 сентября 1899 года, въ Карльсруэ, кайзеръ заявляетъ:

«Звеномъ, скрѣпившимъ единство нашей отчизны, была совмѣстная работа, совершенная въ добромъ согласіи, и кровь, пролитая на полѣ битвы».

Можно себѣ представить, какимъ презрѣніемъ императоръ клеймитъ всѣхъ этихъ спорщиковъ, политикановъ, писателей и адвокатовъ, которые судятъ вкривь и вкось о политикѣ императора, объ арміи, вмѣсто того, чтобы наслаждаться величіемъ имперіи, созданномъ солдатами и ихъ королемъ. Именно тотъ, кто ничего не сдѣлалъ, тотъ и хочетъ стать у кормила правленія. Императоръ неизмѣнно дѣлитъ всю націю на двѣ части: на тѣхъ, кто его критикуетъ, и тѣхъ, кто за нимъ слѣдуетъ. Армія составляетъ зерно довѣрія къ нему. Армія-то и создала германское единство.

Братство по оружію служитъ порукой единству разныхъ германскихъ государствъ и имперіи. Гарантія единства.

22 марта 1897 года, въ день столѣтія со дня рожденія Вильгельма I, внукъ его говоритъ:

«Когда врагъ угрожалъ границамъ Германіи, подвергая опасности ея честь и независимость, разлученное населеніе сѣвера и юга соединилось. *Братство по оружію въ германскомъ войскѣ, скрѣпленное потоками геройской крови, пролитой на поляхъ Франціи, было краеугольнымъ камнемъ новой имперіи и узами, на вѣки связавшими князей и народы Германіи».*

Не различныя учрежденія, не конституція, не общественное мнѣніе связуютъ отдѣльныя части имперіи и создаютъ ея силу, а армія.

Такъ какъ мощь германской имперіи служитъ, по мнѣнію Вильгельма, порукой за сохраненіе мира и въ Европѣ, и на всемъ свѣтѣ, то армія, слѣдовательно, обез- Гарантія мира.

печиваетъ странѣ всѣ блага мирнаго времени. Въ день юбилея франкфуртскаго мира, на открытіи памятника Вильгельму I во Франкфуртѣ, 10 мая 1896 года, императоръ отвѣчаетъ на тостъ бургомистра въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Слово благодарности тому орудію, съ помощью котораго Вильгельмъ I отвоевалъ намъ имперію, сковалъ свою императорскую корону,—слово благодарности нашей арміи. Онъ создалъ это орудіе, онъ работалъ, онъ боролся изъ-за арміи, и она его ни разу не обманула; она сдѣлала то, чѣмъ мы восторженно любуемся нынѣ. Послѣ войны, выдержанной со славою, благодаря тому совершенству, котораго достигла наша армія подъ руководствомъ стараго учителя, она обезпечила миръ нашему народу, Европѣ, всему свѣту на двадцать-пять лѣтъ. Я надѣюсь, вы согласитесь со мной, что долгъ нашъ обязываетъ насъ глубоко уважать нашихъ вооруженныхъ братьевъ, окружать ихъ всяческимъ почетомъ и держать ихъ подальше отъ всякихъ партій и отъ набѣговъ политическихъ доктринъ. Пусть они ни на шагъ не приближаются къ нимъ! *Армія и монархъ во главѣ арміи—вотъ единственная гарантія устойчивости имперіи и мира на землѣ.*

«Преисполненный глубокой благодарности къ тому, кто намъ оставилъ этотъ даръ, я надѣюсь, что и намъ удастся сохранить двадцатипятилѣтній періодъ мира, во время котораго имперія разовьется и достигнетъ, подобно этому городу, полнаго блеска и процвѣтанія».

Вильгельмъ II—солдатъ.

Эта любовь императора къ арміи, это ихъ обоюдное довѣріе, это восторженное раздуваніе значенія военнаго элемента въ жизни страны, находитъ себѣ наилучшее объясненіе въ томъ фактѣ, что Вильгельмъ—самъ солдатъ.

Какъ всѣ члены дома Гогенцоллерновъ, Вильгельмъ былъ такъ сказать, завербованъ съ десяти лѣтъ. Онъ прошелъ всѣ ступени, оставаясь на дѣйствительной службѣ вплоть до своего вступленія на престолъ, былъ рьянымъ, дисциплинированнымъ офицеромъ, полнымъ крайне воинскаго духа. Онъ любитъ общество своихъ бывшихъ «товарищей по службѣ», любитъ надѣвать форму полковъ, шефомъ которыхъ состоитъ, обѣдать въ офицерскихъ собраніяхъ. Онъ не только генералиссимусъ, который будетъ руководить операціями въ случаѣ войны, онъ такой же прусскій дворянинъ, какъ всякій юнкеръ хорошей семьи, принадлежащей къ этой военной кастѣ, столь своеобразной и аристократической.

Нѣтъ воспоминаній, къ которымъ Вильгельмъ возвращался бы съ такой охотой, какъ тѣ счастливыя времена, когда онъ былъ офицеромъ.

Онъ говоритъ съ волненіемъ про тотъ день, когда велъ свою часть на смотру императора Вильгельма I. 4 сентября 1890 года онъ останавливается на этомъ воспоминаніи послѣ смотра въ Фленсбургѣ:

«Я знаю это по личному опыту, я помню, когда я былъ еще капитаномъ, какъ я радовался и какъ былъ доволенъ, когда мой замыкающій унтеръ-офицеръ говорилъ мнѣ, что императоръ сдѣлалъ знакъ одобренія при прохожденіи моей части. То же самое чувствуетъ во всякое время всякій офицеръ».

Вильгельмъ II и его офицерство.

Лично прошедшій всѣ ступени военной службы, Вильгельмъ великолѣпно знакомъ, разумѣется, съ положеніемъ офицеровъ. Онъ часто останавливается на немъ, и, нужно сказать, обсуждаетъ его весьма практически, иногда даже въ современномъ и демократическомъ духѣ. Впрочемъ это смѣшеніе идей встрѣчается у императора довольно

часто. На ряду съ его феодальными, допотопными понятіями попадаются и взгляды въ высшей степени передового человѣка.

Весьма характеренъ въ этомъ смыслѣ одинъ изъ его приказовъ по военному вѣдомству отъ 29 марта 1890 года:

«Уровень умственнаго развитія въ нашемъ народѣ все повышается и это даетъ возможность расширить тотъ кругъ, изъ котораго вербуются наши офицеры. Потомственное дворянство, съ его кровнымъ благородствомъ, уже не можетъ доставлять арміи достаточнаго количества офицеровъ и не должно претендовать на это. Но благородство духа, которое всегда было основнымъ свойствомъ нашего офицерства, должно и сохраняться, и охраняться въ его средѣ. А это возможно только въ томъ случаѣ, если будущіе офицеры будутъ вербоваться изъ тѣхъ круговъ общества, гдѣ это благородство духа возведено въ законъ. На ряду съ отпрысками благородныхъ фамилій страны, на ряду съ сыновьями моихъ офицеровъ, которые остаются, по старинной традиціи, столпами офицерства, я вижу будущность моей арміи связанной также и съ дѣтьми почтенныхъ буржуазныхъ домовъ, гдѣ живетъ и культивируется любовь къ королю, къ отечеству и арміи и къ христіанской религіи. Я не могу одобрить тѣхъ полковыхъ командировъ, которые держатся узкихъ и спеціальныхъ взглядовъ на пополненіе рядовъ своихъ офицеровъ; напримѣръ, такая излишняя строгость въ вопросѣ научнаго образованія, какъ требованіе аттестата зрѣлости (Abiturientenprüfung), какъ обязательнаго условія. Точно такъ же не одобряю я и того, чтобы пріемъ офицеровъ зависѣлъ отъ ихъ имущественнаго ценза, да еще настолько высокаго, что это поневолѣ исключаетъ доступъ въ армію сыновьямъ семей недостаточныхъ, но подходящихъ къ офицерству по своему образу мысли и образу жизни.

«Чтобы упразднить все это, я объявляю свою волю, чтобы отнынѣ командиры пѣхотныхъ полковъ, охотничьихъ командъ, пѣшей артиллеріи и частей инженерныхъ не требовали отъ офицеровъ болѣе 45 марокъ въ мѣсяцъ личнаго дохода, для полевой артиллеріи не болѣе 70 и для кавалеріи не болѣе 150 марокъ. Я не отрицаю, что жизнь въ большихъ войсковыхъ частяхъ, и особенно въ гвардіи, можетъ потребовать повышенія этой цифры. Но я считаю вреднымъ для арміи, чтобы въ пѣхотѣ, напримѣръ, или въ охотничьихъ командахъ требовалось 75 или 100 марокъ частнаго ежемѣсячнаго дохода, а иногда и болѣе; не говоря уже о кавалеріи, и особенно о гвардіи, гдѣ цифры эти достигаютъ такихъ размѣровъ, что для сыновей сельскихъ хозяевъ доступъ въ армію, которую они такъ любятъ, становится совершенно невозможенъ.

«Я не желаю, чтобы оцѣнка офицеровъ въ моей арміи производилась по той цифрѣ дохода, которую они имѣютъ, и я отмѣчаю своимъ совершенно особымъ расположеніемъ тѣ полки, гдѣ офицеры умѣютъ обходиться скромными средствами; что не мѣшаетъ имъ, однако, исполнять свои обязанности съ тѣмъ чувствомъ удовлетворенности и веселости, которое искони отличало прусское офицерство.

«Я желаю отъ всей души, чтобы каждый изъ моихъ офицеровъ, исполнивъ свой долгъ, наслаждался жизнью; но развитію роскоши въ арміи нужно противодѣйствовать серьезно и энергично».

VIII.

Миръ и сила Германіи.

Вильгельмъ II — блюститель мира.

Нельзя сомнѣваться въ искренности Вильгельма II, когда онъ провозглашаетъ свою любовь къ арміи и вѣру въ свою божественную миссію. Но вотъ уже столько лѣтъ, съ самаго начала своего царствованія онъ постоянно твердитъ, кромѣ того, о своемъ намѣреніи дѣлать все для поддержанія мира,—и хотя онъ, дѣйствительно въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ упорно избѣгалъ войны, отношеніе къ его миролюбивымъ завѣреніямъ остается весьма скептическимъ.

А между тѣмъ завѣренія эти вполнѣ опредѣленны, постоянны и высказываются тономъ самаго глубокаго убѣжденія. Но имъ очень вредитъ хорошо всѣмъ извѣстная любовь кайзера къ военному элементу, да къ тому же и воинственный пошибъ его рѣчей производитъ должный эффектъ. Такъ какъ многимъ кажется, что истинная, глубокая сущность императора—это его темпераментъ вояки, то и его пасифизмъ признаютъ во многихъ случаяхъ лицемѣрнымъ.

Присмотримся же къ этому его пасифизму поближе. Эта сторона тоже заслуживаетъ внимательнаго отношенія, хотя бы потому, что грозный воитель этотъ ни разу все-таки не извлекъ меча изъ ноженъ, чѣмъ не-

однократно возбуждалъ противъ себя неудовольствіе именно въ военныхъ сферахъ страны. Не мѣшаетъ знать, что если за границей на Вильгельма и смотрятъ какъ на величайшую опасность для европейскаго мира, то въ Германіи, дома, многіе изъ его военныхъ обвиняютъ его въ обратномъ—въ страхѣ передъ войною.

Съ перваго же дня вступленія своего на престолъ кайзеръ твердитъ постоянно, что онъ желаетъ обезпечить народу пользованіе всѣми благами мира, необходимаго для экономическаго развитія Германіи. И здѣсь не одни только пустыя слова. При всѣхъ своихъ мистическихъ и феодальныхъ представленіяхъ о монархизмѣ, Вильгельмъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за торгово-промышленнымъ развитіемъ своей страны и постоянно ему покровительствуетъ; онъ заслужилъ даже названіе короля «коми-вояжера» за свои старанія расширить рынки нѣмецкой промышленности. А это дѣло дѣйствительно требуетъ мира и говоритъ нѣсколько иначе о королѣ, который якобы только и грезитъ, что о войнѣ да сраженіяхъ. Блага міра.

Эту идею императоръ развиваетъ во многихъ рѣчахъ. Въ 1895 году, на торжествахъ по случаю открытія Кильскаго канала, онъ говоритъ въ Гамбургѣ 18 іюня:

«Всѣ народы хотятъ и требуютъ мира. Только въ мирное время можетъ развиваться міровая торговля, только миръ можетъ дать ей процвѣтаніе: мы хотимъ сохранить миръ и сохранимъ его. Пусть онъ дастъ развитіе и процвѣтаніе также и торговлѣ Гамбурга».

Германіи нуженъ миръ для того, чтобы Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ могли вывозить за границу произведенія національной индустріи, чтобы крестьянинъ могъ обрабатывать свою землю. Да и вообще, зачѣмъ, Германія не стремится къ завоеваніямъ.

скажите, Германіи война? Она вѣдь не жаждетъ ни завоеваній, ни воинской славы.

Объ этомъ Вильгельмъ заявляетъ уже въ своей тронной рѣчи, въ рейхстагѣ, 25 іюня 1888 года:

«*Я намѣренъ, поскольку это будетъ отъ меня зависѣть, жить въ мирѣ со всѣми народами. Моя любовь къ арміи и мѣсто, какое я въ ней занимаю, никогда не смогутъ однако побудить меня лишить страну тѣхъ благъ, которыя несетъ съ собой миръ*, пока нападеніе на нашу имперію или на нашихъ союзниковъ не сдѣлаетъ войну вынужденной. Наша армія должна намъ обезпечивать миръ, а въ случаѣ надобности, дать намъ возможность вернуть его съ честью. Съ помощью Бога мы сумѣемъ этого достигнуть благодаря нашей военной силѣ, закрѣпленной послѣднимъ закономъ о національной защитѣ, который былъ вами принятъ единогласно. Употреблять эту силу для наступательныхъ войнъ я совершенно не имѣю намѣренія. *Германской имперіи не нужны больше ни военная слава, ни завоеванія* теперь, когда она пріобрѣла себѣ право жить какъ цѣльная, независимая нація».

Пасифизмъ не есть слабость.

Но пренебрегать организаціей арміи, вызывая тѣмъ и ослабленіе Германіи, было бы плохимъ средствомъ для сохраненія мира. Только сильное государство парализуетъ всякія агрессивныя поползновенія: только слабость вызываетъ алчныя вожделѣнія и честолюбивые замыслы въ другихъ народахъ. Сила Германіи обезпечиваетъ всеобщій миръ. Огромное заблужденіе—связывать идею мира съ мыслью о разоруженіи и съ гуманитаризмомъ, только нервирующими людей.

3 февраля 1899 года Вильгельмъ говоритъ:

«Желаніе всѣхъ народовъ пользоваться миромъ—прекрасно, но въ расчетахъ здѣсь допускается ошибка. Пока

первородный грѣхъ царитъ среди человѣчества, будетъ и война, и ненависть, и раздоры, и человѣкъ будетъ стараться обмануть человѣка. Все, что существуетъ какъ правило среди людей, примѣнимо и къ народамъ. Поэтому постараемся устроить такъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть мы, германцы, оставались сплоченными, какъ скала. И объ эту бронзовую скалу нѣмецкаго единства будутъ разбиваться всѣ волны, угрожающія европейскому миру».

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ Вильгельмъ проводитъ двѣ параллельныхъ идеи: онъ надѣется на миръ, потому что знаетъ военную силу Германіи. Всѣхъ же, кто боится войны, онъ старается убѣдить, что существуетъ единственное средство избѣжать ее—это удержать военную гегемонію имперіи.

Вотъ чѣмъ объясняется кажущееся противорѣчіе его миролюбивыхъ завѣреній съ воинственнымъ тономъ нѣкоторыхъ его рѣчей.

Его пацифизмъ—это миролюбіе солдата, желающаго поддержать порядокъ силою арміи. Вотъ его формулировка: Солдатъ—какъ охранитель мира.

«Мои разъѣзды во время большихъ маневровъ указали мнѣ ясно, на чемъ покоится мирное, трудолюбивое процвѣтаніе народа. *Я знаю, что среди большой публики и, въ особенности за границей, мнѣ приписываютъ жажду войны и славы. Сохрани меня Богъ отъ такого преступнаго легкомыслія!* Я съ негодованіемъ отвергаю такія обвиненія.

«Однако же, господа, я все-таки солдатъ, такъ же, какъ и всѣ бранденбуржцы. Поэтому позвольте мнѣ вамъ напомнить слова, которыя произнесъ вашъ великій канцлеръ въ рейхстагѣ, 6-го февраля, указывая на нашихъ народныхъ представителей, идущихъ рука объ руку съ правительствомъ. Я примѣняю къ Бранденбургу то, что онъ сказалъ

о всей Германіи: *Мы, бранденбуржцы, боимся Бога и ничего больше на землѣ!*»

Эти слова взяты изъ рѣчи, произнесенной 8 февраля 1888 года на банкетѣ прусскаго ландтага, за четыре недѣли до смерти Вильгельма I.

По восшествіи на престолъ императоръ не перестаетъ высказывать ту же мысль, хотя и въ различныхъ формахъ, но съ одинаковой опредѣленностью.

Мало желать мира для себя самихъ, нужно еще заставить другихъ соблюдать его. 16 мая 1890 года, Вильгельмъ говоритъ въ Кенигсбергѣ:

«Насколько будетъ въ моихъ силахъ, я сдѣлаю все, чтобы сохранить миръ для нашей страны. Главное значеніе это имѣетъ для земледѣльческаго населенія, такого какъ ваше. Но я держусь слѣдующаго убѣжденія и очень радъ, что мнѣ удалось его слышать и здѣсь: каждый подданный, каждый пруссакъ преданъ душою и тѣломъ своему королю; увѣренность въ этомъ даетъ прусскому королю силу и возможность проводить на дѣлѣ свои миролюбивые замыслы.

«*Прусскій король въ состояніи поддержать миръ; и я знаю, что тотъ, кто захочетъ его нарушить, получитъ урокъ, который сто лѣтъ потомъ будетъ помнить*».

Вооруженный миръ.

Сообразно съ этими разсужденіями, каждый разъ, какъ только Германіи грозитъ ослабленіе ея верховенства надъ другими европейскими арміями, онъ считаетъ, что миръ въ опасности. Поэтому и тѣ военные законы, которые имѣютъ цѣлью усиленіе контингента арміи, суть мѣры не воинственныя, а направленныя къ утвержденію мира.

Непоколебимо въ этомъ убѣжденный, Вильгельмъ сыплетъ своими законопроектами не задумываясь. Такъ,

напримѣръ, въ 1892 году былъ внесенъ одинъ изъ нихъ, увеличивающій численность арміи мирнаго времени.

Этотъ законопроектъ былъ изложенъ императоромъ въ тронной рѣчи, 22 ноября 1892 года.

Противъ новаго закона рѣшительно возстала оппозиція. 1-го января Вильгельмъ объявляетъ своимъ генераламъ, что онъ *эту оппозицію раздавитъ*.

6-го мая рейхстагъ вотировалъ этотъ законъ; первый параграфъ былъ отвергнутъ 210 голосами противъ 162.

3-го мая, на темпельгофскомъ полѣ, императоръ обращается къ генераламъ и солдатамъ:

«Я надѣюсь, что новый рейхстагъ приметъ военный законъ. Но если эта надежда не оправдается, я рѣшилъ пустить въ ходъ все отъ меня зависящее, чтобы добиться своего; потому что *я убѣжденъ, что законъ этотъ необходимъ для сохраненія мира*. Говорили о раздраженіи массъ. Я не думаю, чтобы народъ далъ себя поднять лицамъ не достаточно авторитетнымъ. Напротивъ того, въ этомъ вопросѣ я чувствую себя солидарнымъ съ союзными королями, съ народомъ и съ арміей».

Заостренный мечъ.

Можно, конечно, оспаривать идеи Вильгельма, да и просто нельзя согласиться съ тѣмъ, что для всеобщаго мира необходимо подавляющее превосходство нѣмецкой арміи; но нужно признать, что система кайзера, какъ таковая, вполнѣ логична. Да и сомнѣваться въ его искренности нѣтъ основанія.

Онъ на самомъ дѣлѣ считаетъ, что говоритъ какъ пасифистъ, изрекая афоризмы, подобно слѣдующему:

«*Порохъ наготовѣ, мечъ заостренъ; не будемъ упускать изъ виду нашу цѣль, соберемъ всѣ силы и прогонимъ пессимистовъ. Я поднимаю свой стаканъ за вооруженный нѣмецкій народъ!*»

Эти слова были сказаны 26 октября 1905 года на открытіи памятника Мольтке въ Берлинѣ.

Св. Михаилъ, покровитель германцевъ.

Какъ Гогенцоллерны получили отъ Бога миссію дать счастье своему народу, такъ же и сама Германія избрана Господомъ не только для того, чтобы водворить миръ во всей вселенной, но и чтобы спасти человѣчество. Мы уже указывали на эту точку зрѣнія, когда разбирались въ религіозныхъ воззрѣніяхъ кайзера. Верховенство Германіи покоится не только на силѣ ея воинства: оно имѣетъ свое моральное оправданіе, оно согласно Божьему велѣнію.

Извѣстно, что Вильгельмъ рисуетъ и пишетъ красками. Большею частью онъ ограничивается тѣмъ, что дастъ идею и дѣлаетъ набросокъ композиціи и все это уже заканчивается потомъ разными художниками. Одно изъ этихъ произведеній прославилось: это совмѣстная работа Вильгельма съ художникомъ Кнакфуссомъ. На картинѣ изображенъ св. Михаилъ, покровитель германцевъ, съ мечомъ въ рукѣ, поражающій войну предъ храмомъ Мира; а за доблестнымъ героемъ столпились всѣ націи.

Это излюбленная идея Вильгельма II, часто встрѣчающаяся и въ его рѣчахъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, 10 мая 1896 года:

«Я надѣюсь, что св. Михаилъ, покровитель германцевъ, сіяющій своимъ золотымъ вооруженіемъ на стражѣ передъ вратами храма всеобщаго мира, будетъ блюсти этотъ миръ и не допуститъ, чтобы какой-нибудь злой духъ могъ нарушить его въ нашей странѣ безъ должнаго повода».

Или еще, 11 сентября 1893 года, въ Карльсруэ:

«Готовый, вооруженный заново, нѣмецкій народъ стоитъ на стражѣ, какъ нѣкогда богъ Геймдалъ, охраняя миръ

на землѣ у вратъ храма Мира, и не только въ Европѣ, но и на всей землѣ. Пусть же нѣмецкій народъ не погрѣшитъ въ этой высокой, цивилизаторской миссіи, посланной ему Богомъ и уже намѣченной моимъ дѣдомъ».

Чтобы стать достойнымъ выполненія этой миссіи, нѣмецкій народъ долженъ оставаться народомъ Божіимъ. Опять таки въ основѣ лежитъ религіозная мысль. Нѣмцы— соль земли; но именно, какъ олицетвореніе благочестія, добродѣтели, порядка, дисциплины, христіанства и вѣрности своему королю—они и удостоены этого верховенства надъ міромъ. Миссія Германіи.

Ихъ военная мощь имѣетъ своимъ источникомъ именно эту моральную высоту. Можетъ ли быть иначе, когда «только добрый христіанинъ можетъ быть хорошимъ солдатомъ». Одно памятное событіе дало Вильгельму случай еще точнѣе обосновать свою мысль, даже обязало его къ этому. Это была побѣда японцевъ, не-христіанъ, надъ русскими—христіанами, въ манджурскую войну.

Императоръ не обошелъ этотъ моментъ молчаніемъ; онъ его коснулся въ одной рѣчи, которая не была сообщена офиціально, но появлявшіеся изъ нея выдержки и выводы никогда не опровергались.

Евангелическая Газета помѣстила 8 мая 1905 года, весьма пространно, содержаніе рѣчи, произнесенной Вильгельмомъ въ Вильгельмсгафенѣ въ началѣ марта, на рекрутской присягѣ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ очевидецъ передаетъ эту сцену:

«На послѣдней недѣлѣ у насъ провелъ нѣсколько дней императоръ по случаю принесенія рекрутами присяги.

«Говоря о героизмѣ японцевъ, онъ указалъ на то, что они были воодушевлены двойной любовью: къ своей родинѣ и къ своему императору; любовью, которая создаетъ изу-

мительную дисциплину ихъ арміи. Однако же изъ этихъ японскихъ побѣдъ,—побѣдъ языческаго народа надъ христіанскимъ—вовсе не слѣдуетъ, что Будда выше Христа. Хорошій солдатъ прежде всего—добрый христіанинъ. Но горе все въ томъ, что христіанская вѣра замѣтно ослабѣваетъ всюду, даже и въ нѣмецкомъ народѣ.

И кайзеръ спрашиваетъ,—мы-то, нѣмцы, чувствуемъ ли себя въ правѣ, въ случаѣ войны, просить у Бога побѣды и получить ее, какъ Іаковъ въ борьбѣ съ ангеломъ. Японцы могутъ быть такимъ же бичомъ Божіимъ, какъ нѣкогда были Аттила и Наполеонъ.

«Отъ насъ зависитъ такъ себя подготовить, чтобы Богъ не былъ вынужденъ насъ поражать такимъ бичомъ».

Слѣдовательно, «быть христіаниномъ» значитъ быть—«добрымъ христіаниномъ», и Богъ только тогда будетъ покровительствовать нѣмцамъ и дастъ имъ побѣду, если они останутся примѣрнымъ и добродѣтельнымъ народомъ.

Нѣмецкая гегемонія.

Мы видѣли, насколько миролюбіе императора не исключаетъ его призыва держать порохъ наготовѣ и мечъ заостреннымъ. Точно такъ же, заявляя о томъ, что Германія не желаетъ ни войны, ни побѣдъ, онъ подразумѣваетъ миръ, основанный на верховенствѣ нѣмецкаго народа. Онъ его желаетъ и требуетъ. Моральное и религіозное превосходство германскаго народа и его военная мощь вполнѣ оправдываютъ въ представленіи Вильгельма этотъ родъ гегемоніи нѣмецкой націи, на которую, по его мнѣнію, никому не придется жаловаться.

Не задаваясь мыслью подчинять другіе народы своему оружію, онъ однако ничего не имѣетъ противъ того, чтобы вести ихъ тоже къ ихъ собственному счастью. И здѣсь проглядываетъ скорѣе мистическая, чѣмъ практическая точка зрѣнія, которая ясно выражена въ его рѣчи, произнесенной имъ 22 марта 1905 года въ Бременѣ:

«Вступая на престолъ послѣ великаго царствованія моего дѣда, я поклялся себѣ не выводить изъ состоянія покоя штыки и пушки, поскольку это будетъ отъ меня зависѣть. Но штыкъ и пушка всегда должны быть наготовѣ, одинъ отточенъ, другая въ исправности, для того, чтобы зависть и недоброжелательство извнѣ—не помѣшали намъ воздѣлывать свой садъ и украшать свой домъ. Я далъ себѣ обѣтъ, руководясь историческимъ опытомъ, никогда не стремиться къ тщетѣ владычества надъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему пришли всѣ эти, такъ называемыя, міровыя державы? Александръ Великій, Наполеонъ, всѣ эти великіе полководцы плавали въ крови и оставляли послѣ себя порабощенные народы, которые тотчасъ же снова возставали и губили имперію.

«Господство, о которомъ я мечтаю, таково: ново-созданная германская имперія должна вызывать къ себѣ всеобщее довѣріе, какъ спокойный, честный, мирный сосѣдъ. И если когда-нибудь, впослѣдствіи, заговорятъ о міровой германской имперіи или о міровомъ господствѣ Гогенцоллерновъ, то господство это будетъ основано не на торжествѣ меча, а на взаимномъ довѣріи народовъ, связанныхъ стремленіемъ къ одной и той же цѣли».

IX.

«Вильгельмъ Великій».

Что говоритъ исторія.

Съ самаго вступленія своего на престолъ, Вильгельмъ терпѣливо и настойчиво старается навязать исторіи одно изъ своихъ желаній. Ему хочется, чтобы его дѣда во что бы то ни стало называли «Вильгельмомъ Великимъ». И все-таки, не взирая на все упорство, настойчивость и краснорѣчіе кайзера, будущее человѣчество ограничится для его дѣда наименованіемъ «Перваго». Исторія видитъ въ немъ монарха, въ царствованіе котораго произошло объединеніе Германіи и признаетъ за нимъ, какъ безусловную заслугу, способность выбрать и удержать людей, умѣвшихъ добиться большихъ дипломатическихъ и военныхъ побѣдъ въ 1866, 70 и 71 годахъ.

И это уже немаловажная заслуга: нужно было много мудрости, самоотверженности и настоящаго патріотизма, чтобы дать возможность Бисмарку, Мольтке и Роону довести до конца то великое дѣло, которое создало нынѣшнюю Германію. Онъ самоотверженно отошелъ на второй планъ, предоставивъ свою монаршую власть въ распоряженіе тѣхъ людей, за которыми признавалъ ихъ интеллектуальное превосходство. Большинство государей не согласилось бы на такую роль, не поступилось бы

своимъ коронованнымъ самолюбіемъ и не отдало бы правленія въ руки тѣхъ людей, которыхъ они сами признали болѣе способными пользоваться верховной властью, чѣмъ тотъ, кто занимаетъ тронъ своихъ отцовъ. Сколько изъ нихъ прислушивались бы къ навѣтамъ придворныхъ, всегда склонныхъ паушничать и строить козни противъ такой могучей индивидуальности, какою былъ, хотя бы, желѣзный канцлеръ.

Изъ мемуаровъ Бисмарка видно, съ какимъ трудомъ онъ добился отъ короля разрѣшенія принять тѣ мѣры, которыя болѣе всего содѣйствовали германскимъ побѣдамъ. Въ сношеніяхъ Вильгельма I съ его министромъ обнаруживается средній умственный уровень императора и даже нѣкоторая умственная неподвижность. Но уровня этого хватило все-таки на то, чтобы понимать, что Бисмаркъ создаетъ объединеніе Германіи и что король Пруссіи окажетъ своему отечеству величайшую услугу, оставивъ Бисмарка у власти. И у него хватило силы воли поддерживать его и удержать до конца противъ всѣхъ и всего.

Когда канцлеръ попросилъ у него какъ-то отставки, вслѣдствіе какого-то особенно тяжелаго осложненія, императоръ попросту отправилъ ему его письмо обратно, помѣтивъ на поляхъ: «никогда».

Вотъ въ чемъ величіе Вильгельма I. И оно реально. Исторія всегда будетъ воздавать ему должное за этотъ просвѣщенный патріотизмъ и приравняетъ его къ Людовику XIII, умѣвшему также удержать у власти Ришелье. Обликъ перваго императора Германіи девятнадцатаго вѣка надолго останется популярнымъ; этотъ старецъ, простой, скромный, мудрый, ненавидѣвшій ложь и мишуру, вполнѣ завоевалъ сердца своихъ подданныхъ.

Таковъ приблизительно взглядъ исторіи на Вильгельма I. Можно себѣ представить до какой степени такой взглядъ не совпадаетъ съ представленіемъ о немъ его внука.

Онъ желаетъ для своего дѣда славы не Людовика XIII, а Людовика XIV. Взглядъ его на роль «Вильгельма Великаго» не имѣетъ никакой исторической цѣнности, но онъ такъ ясно опредѣляетъ вообще образъ мышленія кайзера, что безусловно заслуживаетъ вниманія.

Относительно дѣда взглядъ этотъ намъ ничего новаго не скажетъ, но зато уяснитъ психологію внука. Здѣсь мы найдемъ точное опредѣленіе и какъ бы примѣненіе всѣхъ тѣхъ его идей, надъ разборомъ которыхъ трудились въ предыдущихъ главахъ.

Орудіе въ рукахъ Божіихъ.

Мы уже видѣли, что главной заслугой Вильгельма I въ глазахъ его внука было его собственное признаніе за своей миссіей и властью—божественнаго происхожденія. Вильгельмъ Великій былъ болѣе чѣмъ монархъ Божьей милостью: онъ былъ орудіемъ въ рукахъ Божіихъ. Богъ желалъ объединенія Германіи, потому что прочилъ ей великія судьбы,—все это мы уже видѣли,—Вильгельмъ I былъ его орудіемъ въ этомъ дѣлѣ. Ему повезло на толковыхъ людей, способныхъ понимать его и выполнять его монаршую волю. Вотъ какъ поставленъ у Вильгельма II вопросъ о соотношеніи императора и его совѣтниковъ.

18 октября 1893 года, Вильгельмъ говоритъ на открытіи памятника Вильгельму I въ Бременѣ:

«Такъ было предопредѣлено Богомъ, чтобы Онъ осуществилъ желаніе всѣхъ нѣмцевъ, давъ Германіи единство и императорскую корону, завоеванную на полѣ брани. *Ему удалось найти для этого дѣла великихъ людей, которые имѣли счастье выполнять его замыслы и, въ качествѣ совѣтниковъ, работали съ нимъ*».

Вотъ мѣсто, точно отведенное Вильгельмомъ II для Бисмарка и Мольтке. Это, говоритъ онъ въ другой разъ, «паладины» Вильгельма I, его совѣтники, исполнители

его воли. Они не должны себѣ приписывать никакой другой роли; и потомство не должно видѣть ничего другого въ ихъ дѣятельности.

Это представленіе, которое составилось у кайзера о созданіи германскаго объединенія, распространяется у него гораздо дальше. Точно такъ же ему рисуется вся исторія и его страны, и всего міра. Государи.

Судьба народовъ въ рукахъ ихъ князей: они опредѣляютъ теченіе событій, удачи и неудачи, прогрессъ и упадокъ, торжество или гибель народовъ и государствъ. Исторія человѣчества выражена біографіей монарховъ.

И даже, не забираясь особенно далеко, здѣсь, теперь, въ наше время, единеніе и солидарность въ германской имперіи кажутся кайзеру зависящими прежде всего отъ тѣхъ узъ, которыя связуютъ между собою всѣ королевскіе дома.

Съ самаго начала своего царствованія, во время своихъ разъѣздовъ, онъ постоянно высказываетъ этотъ свой взглядъ. 28 сентября 1888 года, въ Штутгартѣ, отвѣчая на тостъ короля вюртембергскаго, онъ говоритъ:

«Меня особенно влечетъ къ этой странѣ, потому что Швабія была колыбелью *моего дома*, потому что швабская кровь течетъ въ моихъ жилахъ, такъ же какъ у всѣхъ, собравшихся здѣсь».

1 октября 1888 года онъ благодаритъ мюнхенскаго бургомистра за оказанный ему пріемъ и добавляетъ:

«Много благородныхъ домовъ правило въ Баваріи; но наиболѣе славенъ изъ нихъ и благороденъ тотъ, который правитъ въ ней нынѣ и который *тѣсно связанъ съ Гогенцоллернами*».

На другой день онъ отвѣчаетъ на тостъ принца-регента:

«Я пользуюсь случаемъ, чтобы выразить Вашему Королевскому Высочеству всю силу моей сердечной и горячей дружбы и обѣщать вамъ, что я, вѣрный какъ Гогенцоллернъ, всегда буду чувствовать себя связаннымъ самыми тѣсными узами съ домомъ Виттельсбаховъ и съ доблестнымъ народомъ баварцевъ какъ въ свѣтлые, такъ и въ темные дни. Потому что высокія обязанности, лежащія на нѣмецкомъ народѣ, требуютъ, чтобы всѣ силы были направлены на общее благо; что возможно только въ томъ случаѣ, если всѣ государи королевства будутъ держаться, плечомъ къ плечу, самаго тѣснаго и прочнаго единенія».

19 мая 1889, въ Брауншвейгѣ, онъ говоритъ принцу Альберту:

«Историческія узы, связующія *наши дома* испоконъ вѣковъ, очень тѣсны, и нашъ домъ съ благодарностью помнитъ, что брауншвейгскіе князья никогда не забывали своего долга, всегда думали о величіи нашей отчизны и жертвовали своей жизнью и кровью для нашего дома».

4 декабря 1889 года, въ Дессау:

«Нѣтъ въ Германіи другого княжескаго рода, который былъ бы болѣе интимно связанъ съ *моимъ домомъ*, чѣмъ здѣшній».

Можно было бы привести здѣсь почти всѣ тосты, съ которыми онъ обращался къ представителямъ «царствующихъ домовъ» Европы. Ограничимся однимъ изъ нихъ. 11 октября 1889 года, принимая въ Берлинѣ императора Александра III, Вильгельмъ обращается къ нему со слѣдующей привѣтственной рѣчью:

«Пью за здоровье моего высокочтимаго друга, Его Императорскаго Величества царя Россіи, и за долголѣтіе той *дружбы, которая уже болѣе ста лѣтъ существуетъ между нашими домами* и которую я рѣшилъ хранить, какъ наслѣдіе, оставленное мнѣ моими предками».

Эта историческая концепція кайзера тѣмъ болѣе любопытна, что нѣмецкая наука въ исторіи цивилизаціи отводитъ все большее мѣсто участію народа въ національномъ прогрессѣ, вліянію средины на выдающихся людей, словомъ, отодвигаетъ божественный и чудодѣйственный характеръ монаршей власти въ область преданія. Здѣсь, такъ же какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, образъ мысли кайзера сталкивается съ діаметрально противоположнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Этимъ въ большой степени объясняются всякія тренія и недоразумѣнія между кайзеромъ и его народомъ.

Святой.

Среди тѣхъ монарховъ, дѣятельность которыхъ составляетъ, по представленію кайзера, сущность міровой исторіи, выдѣляются нѣкоторые, роль которыхъ особенно важна: это орудія Господа Бога. Это—избранники, изъ которыхъ каждому предначертано произвести какой-нибудь великій переворотъ въ жизни человѣчества.

Въ представленіи кайзера Вильгельмъ I былъ однимъ изъ этихъ монарховъ; въ своемъ стремленіи превознести значеніе своего дѣда, Вильгельмъ впадаетъ въ такой паѳосъ и прославляетъ его въ такихъ выраженіяхъ, которыя необходимо отмѣтить: они слишкомъ характерны для той идеи, которой мы только что коснулись.

20 февраля 1896 года, на банкетѣ бранденбургскаго ландтага, онъ говоритъ:

«Императоръ Вильгельмъ, который, говоря по существу, сталъ для насъ святымъ...»

Годъ спустя, тамъ же, онъ возвращается къ той же темѣ 26 февраля 1897 года:

«Господа! Если бы онъ жилъ въ средніе вѣка, его бы признали святымъ, и паломники всѣхъ странъ стекались бы молиться къ его могилѣ».

Среди причинъ разрыва между Вильгельмомъ II и Бисмаркомъ главное мѣсто, внѣ всякихъ сомнѣній, занимаетъ разногласіе именно въ этомъ пунктѣ. При всей своей глубокой преданности старому императору и даже любви къ нему, желѣзный канцлеръ не могъ, однако, раздѣлять мистическихъ фантазій его внука и его точки зрѣнія на исторію; и не потому только, что они были неправильны, а оттого, что такому реалистически настроенному пессимисту, какъ Бисмаркъ, они должны были казаться смѣшны и даже вредны для памяти почившаго императора.

Бисмаркъ считалъ себя обязаннымъ оставить потомству вѣрное освѣщеніе событій, предшествовавшихъ основанію германскаго объединенія, создававшихъ и сопровождавшихъ его. Представленіе, которое онъ себѣ составилъ объ этомъ и съ которымъ мы знакомимся изъ его мемуаровъ, находилось въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что ему хотѣлъ навязать молодой императоръ. Разногласіе въ этомъ пунктѣ, существенно важномъ для обоихъ, и повело въ большой степени къ разрыву.

Великій Курфюрстъ—идеалъ кайзера.

Однако, какъ ни велико уваженіе Вильгельма къ своему дѣду, среди его предшественниковъ есть еще одинъ, который вызываетъ въ немъ еще болѣе глубокія чувства симпатіи, къ которому его влечетъ еще неудержимѣй и котораго онъ считаетъ для себя образцомъ,—это Великій Курфюрстъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, царствовавшій съ 1640 до 1688 г. въ Бранденбургѣ.

О немъ кайзеръ говоритъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ и эти рѣчи прекрасно опредѣляютъ взглядъ кайзера на роль его Дома Гогенцоллерновъ въ исторіи Германіи. Приведемъ нѣсколько отрывковъ.

Больше всего онъ любитъ извлекать воспоминанія о Великомъ бранденбургскомъ Курфюрстѣ разумѣется тогда, когда бесѣдуетъ со своими бранденбуржцами. 20 февраля 1891 года на банкетѣ ландтага онъ говоритъ:

«Великій Курфюрстъ былъ человѣкъ, любившій свою страну всѣмъ своимъ существомъ и всѣми фибрами своей души; съ неутомимой, безостановочной энергіей онъ работалъ для того, чтобы Бранденбургская Марка вышла изъ своего состоянія безпросвѣтной неурядицы и бѣдствій и стала бы прочнымъ и сплоченнымъ государствомъ.

«Изъ всѣхъ моихъ предковъ онъ всегда былъ предметомъ моего наиболѣе восторженнаго поклоненія: его я всегда, съ самой ранней молодости, бралъ себѣ за образецъ».

На открытіи памятника Великому Курфюрсту въ Билефельдѣ, 6 августа 1900 года, Вильгельмъ говоритъ о его роли въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Что онъ нашелъ, когда, совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, вступилъ на престолъ? Жатвы на корню, сбитыя войсками, сожженныя деревни, голодный, нищій народъ, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, страну, которая стала полемъ сраженія для всякихъ дикихъ ордъ, разбойничавшихъ въ теченіе тридцати лѣтъ въ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, задача, которая ему предстояла, была такъ чудовищно велика и трудна, что было бы вполнѣ простительно, если бы его молодая душа устрашилась. Но нѣтъ! Съ несокрушимою вѣрой въ Бога, съ желѣзной волей онъ взялся за свое дѣло. Онъ собралъ воедино разрозненные

остатки страны и возстановилъ торговлю, промышленность, земледѣліе въ поразительно короткій срокъ. Онъ создалъ новую армію, преданную только ему, словомъ, положилъ основаніе нашему нынѣшнему государству и арміи».

Вотъ кто служилъ образцомъ для Вильгельма II, и не безынтересно будетъ упомянуть, что это былъ государь миролюбивый.

Вѣроятно, памятью Великаго Курфюрста Бранденбургъ и влечетъ къ себѣ, главнымъ образомъ, кайзера. Онъ радуется своему титулу маркграфа бранденбургскаго столько же, сколько и имени Гогенцоллерна. Чѣмъ это, скажите, не феодалъ? Чѣмъ не рыцарь той эпохи, когда вѣра въ божественное назначеніе суверена была явленіемъ обычнымъ!

Теперь обликъ Вильгельма намъ уже достаточно ясенъ, чтобы понять, изъ какихъ чувствъ исходятъ такія, напримѣръ, его слова (16 марта 1889 года, на послѣдней сессіи бранденбургскаго ландтага):

«*Мой первый и самый прекрасный изъ всѣхъ моихъ королевскихъ титуловъ—это титулъ маркграфа бранденбургскаго:* какъ таковой, я чувствую себя на своемъ мѣстѣ, когда нахожусь среди васъ, какъ вашъ глава, и я считаю своимъ долгомъ быть среди васъ всегда, когда вы собираетесь вмѣстѣ».

X.

Искусство.

Вильгельмъ II—художникъ. Онъ самъ придаетъ этому огромное значеніе, да и общественное мнѣніе интересовалось больше всего этой стороной его личности. Кайзеръ—художникъ.

Императоръ прежде всего самъ рисуетъ. Его мать, императрица Фредерика, была довольно талантливой любительницей и слѣдила за тѣмъ, чтобы художественное развитіе ея сына не оставалось на послѣднемъ планѣ. Въ 1886 году на выставкѣ изящныхъ искусствъ въ Берлинѣ появилась большая картина, подписанная: «Вильгельмъ Прусскій». Вотъ ея сюжетъ: военный корабль маневрируетъ въ бухтѣ, надъ нею высятся снѣговыя горы, вершина которыхъ теряется въ облакахъ.

Мы уже упоминали о св. Михаилѣ, патронѣ германцевъ, картинѣ, исполненной по рисункамъ и указаніямъ императора. Этого мало, можно сказать, что нѣтъ въ Пруссіи памятника, въ сооруженіи котораго Вильгельмъ не принималъ бы прямого или косвеннаго участія; онъ дѣлаетъ проекты, вноситъ измѣненія, предлагаетъ свои идеи, даже наброски. Два вооруженныхъ ангела, украшающихъ монументъ, воздвигнутый гвардейцамъ, погиб-

нимъ въ битвѣ при Сенъ-Прива, исполнены придворнымъ скульпторомъ по рисункамъ императора. Большая часть фигуръ, украшающихъ носы броненосцевъ, сдѣланы по рисункамъ императора. Для одного памятника онъ даетъ общую композицію; для другого рисуетъ фигуру; еще гдѣ-нибудь даетъ указанія относительно пьедестала.

Среди всѣхъ государственныхъ заботъ, кайзеръ не пропускаетъ однако ни одного замѣтнаго произведенія искусства, чтобы не проявить къ нему активнаго вниманія. Само собою разумѣется, что результатомъ этого его сотрудничества является безконечное количество споровъ и полемикъ по поводу законности, умѣстности этого вмѣшательства, какъ и того, къ чему оно приводитъ.

По инипіативѣ кайзера и по его замыслу выполнена цѣлая аллея скульптуръ: это серія статуй, украшающихъ Аллею побѣдъ въ Берлинѣ. Всѣ онѣ сооружены въ честь Гогенцоллерновъ, раньше того мало извѣстныхъ публикѣ. Самъ Вильгельмъ въ восторгѣ отъ этого великолѣпія. Но въ публикѣ мнѣнія раздѣлились: народъ непочтительно называетъ это авеню —«аллеей куколъ».

Вильгельму не чуждо ни одно искусство. Онъ занимался музыкой. Онъ сочинялъ и театральныя пьесы въ сотрудничествѣ съ Лауфомъ, съ Вильденбрухомъ. Нѣкоторые балеты съ историческимъ содержаніемъ были поставлены по его указаніямъ; въ императорскихъ театрахъ онъ часто принимаетъ участіе въ mise en scène тѣхъ пьесъ, которыя его интересуютъ.

Словомъ, въ области искусства онъ проявляетъ свою универсальность на тысячу ладовъ. Почва эта чрезвычайно рискованна. Во всѣхъ случаяхъ артистическія поползновенія Вильгельма высмѣивались и пересуживались неоднократно. Всѣмъ извѣстны постоянныя сравненія кайзера съ Нерономъ, который также воображалъ себя великимъ артистомъ.

Взгляды Вильгельма на искусство нераздѣльно связаны съ той его общей концепціей жизни, религіи, исторіи и собственной власти, съ которыми мы уже ознакомились. Во всемъ этомъ есть опредѣленная логическая система, въ которой каждая отдѣльная часть имѣетъ цѣнность только въ связи съ цѣлымъ. Монархи и искусство.

Такъ, мы видѣли, что вся исторія міра сводится для Вильгельма къ исторіи князей, ихъ актовъ, ошибокъ и ихъ великихъ дѣяній. Весьма понятно, что онъ грезитъ и бредитъ тѣми временами, когда монархъ, другъ искусства, собиралъ вокругъ себя художниковъ, архитекторовъ, литераторовъ и музыкантовъ, раздавалъ имъ субсидіи и вдохновенныя идеи, совѣты и приказанія, и затѣмъ восхвалялся благодарнымъ потомствомъ, подобно Льву X или Людовику XIV.

Такой путь и намѣтилъ себѣ Вильгельмъ, вѣрнѣе, онъ считаетъ его входящимъ въ составъ его божественной миссіи и старается, по возможности, лучше справиться съ нимъ. Не тщеславіе и не диллетантство побуждаютъ его заниматься всѣми отраслями искусства, а глубокое убѣжденіе, глубокая вѣра въ то, что національное искусство не можетъ процвѣтать безъ участія короля. Онъ убѣжденъ, что великая эпоха ренессанса никогда бы не развернулась во всемъ своемъ блескѣ, если бы импульсъ не исходилъ отъ государей. Слѣдовательно, стать въ сторонѣ—значило бы лишить Германію той славы и радостей, которыя дастъ искусство, это значило бы воспрепятствовать ихъ полному расцвѣту. Какъ бы ни была далека отъ дѣйствительности эта увѣренность, но кайзеръ ее имѣетъ и поступаетъ сообразно съ этой вѣрой такъ, какъ подобаетъ порядочному человѣку, имѣющему такого рода убѣжденія.

Вильгельмъ высказываетъ ихъ въ рѣчи, обращенной къ художникамъ, 18 декабря 1901 года, послѣ окончанія

памятниковъ Аллеи побѣдъ. Прежде всего онъ касается отношенія государя къ дѣятелямъ искусства:

«Я очень радъ случаю выразить вамъ свои лучшія чувства и поблагодарить васъ за то, какъ вы помогли мнѣ выполнить мой первоначальный планъ.

«Когда я задумалъ его, я хотѣлъ, между прочимъ, показать людямъ, что для лучшаго выполненія художественнаго произведенія нѣтъ надобности созывать комиссіи, назначать конкурсы и преміи, а нужно установить, какъ въ доброе старое время, какъ это было въ обычаѣ классической древности, а также и въ средніе вѣка—установить *непосредственное общеніе между тѣмъ, кто заказываетъ произведеніе, и художникомъ, исполняющимъ его;* тогда можно будетъ вполнѣ ручаться за хорошій исходъ.

«Надѣюсь, вы не откажетесь признать, что я постарался по возможности облегчить вамъ выполненіе моей программы. Я далъ вамъ общую идею и распредѣлилъ то, что нужно было дѣлать; въ остальномъ—я предоставилъ вамъ полную свободу, не только въ композиціи и въ разныхъ комбинаціяхъ, но и въ полномъ проявленіи собственной индивидуальности, что прежде всего необходимо. Потому что каждое истинно художественное произведеніе непремѣнно несетъ печать своего творца.

«Теперь, когда Аллея побѣдъ окончена, можно, я думаю, сказать, что опытъ этотъ удался. Достаточно было *непосредственнаго общенія между тѣмъ, кто давалъ заказъ, и художникомъ, исполнявшимъ его, чтобы устранились всѣ сомнѣнія, разрѣшились всѣ затрудненія и чтобы ни одно изъ нихъ не явилось существенной помѣхой.*

«Я думаю, что съ этой точки зрѣнія, Аллея побѣдъ должна насъ оставить удовлетворенными. Каждый изъ васъ выполнилъ свою задачу, какъ могъ; я же со своей стороны чувствую, что предоставилъ вамъ полную сво

боду дѣйствія. Я никогда не вмѣшивался въ детали я ограничивался тѣмъ, что давалъ направленіе, импульсъ.

«И я чувствую себя сегодня преисполненнымъ гордости и радости при мысли, что Берлинъ предсталъ нынѣ предъ міромъ, имѣя въ сердцѣ своемъ группу художниковъ, способныхъ выполнить такую грандіозную задачу. Это доказываетъ, что берлинская скульптура достигла такого совершенства, которое не уступитъ и ренессансу. Думаю, что каждый изъ васъ признаѐтъ безъ всякаго ревниваго чувства, что онъ руководствовался въ своей работѣ примѣромъ и произведеніями Бегаса и его техникой, основанной на знаніи классическихъ образцовъ.

Здѣсь будетъ умѣстно припомнить также, что въ средніе вѣка, въ Италіи, при исполненіи великихъ произведеній искусства *монархи, друзья искусства, вдохновлявшіе жрецовъ искусства въ ихъ работѣ*, находили великихъ мастеровъ, вокругъ которыхъ группировалась молодежь, и такимъ образомъ создавались школы, произведенія которыхъ бывали превосходны...»

Искусство— школа идеализма.

Но эти старанія монарха, друга искусствъ, не должны и не могутъ имѣть своею единственной цѣлью эстетическое удовлетвореніе. Король, облеченный божественной миссіей вести свой народъ къ самой высокой цивилизаціи, не долженъ интересоваться искусствомъ только ради искусства, а ужъ тѣмъ болѣе императоръ, имѣющій своими подданными нѣмцевъ, призванныхъ очистить отъ грѣха человѣчество и спасти его отъ гибели. Искусство должно быть средствомъ, дѣйствующимъ на народъ возвышающе.

16 іюня 1898 года, на другой день послѣ торжества по случаю десятилѣтія своего вступленія на престолъ, императоръ собираетъ въ концертномъ залѣ оперы артистовъ обоихъ императорскихъ театровъ и говоритъ:

«Я просилъ васъ собраться здѣсь, потому что мнѣ хотѣлось, чтобы и вы приняли участіе въ этомъ торжествѣ вмѣстѣ со всѣми, кто явился сюда, чтобы праздновать его со мною.

«Когда я, десять лѣтъ тому назадъ, вступалъ на престолъ, я былъ питомцемъ школы *идеализма*, въ которой меня растилъ мой отецъ. И я держался того взгляда, что *императорскій театръ долженъ содѣйствовать, прежде всего, развитію идеализма въ народѣ*. Благодареніе Богу, въ нашемъ народѣ его вѣдь не занимать, источникъ, отъ котораго несутся теплыя волны этого идеализма, бьетъ живымъ ключомъ въ его сердцахъ.

«Я думалъ, и я рѣшилъ это непоколебимо, добиться того, чтобы императорскій театръ сталъ въ рукахъ монарха орудіемъ, который помогалъ бы, какъ школа и университетъ, образовывать новое поколѣніе и пріучать его хранить благородное родовое наслѣдіе нѣмецкаго интеллекта.

«Театръ долженъ содѣйствовать культурѣ умственной и нравственной и облагораживать понятія. *Театръ—тоже одно изъ моихъ орудій.*

«Я считаю за удовольствіе выразить вамъ мою монаршую благодарность самую искреннюю, самую сердечную, изъ глубины души, за то усердіе, съ которымъ вы отнеслись къ своему долгу. Вы вполнѣ отвѣчаете тому очень высокому представленію, которое я имѣю о персоналѣ моей оперы и моей драмы.

«Заниматься театромъ—обязанность монарха, что я видѣлъ отъ своего отца и отъ дѣда; потому что театръ—огромная сила въ его рукахъ...

«Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я могу сказать, что всѣ иностранныя государства съ интересомъ слѣдятъ за работой нашихъ королевскихъ театровъ и восторгаются ею.

«Прошу васъ и отнынѣ продолжать помогать мнѣ.

кто какъ и чѣмъ можетъ, *служить духу идеализма съ глубокой надеждой на Бога*, побѣждать матеріализмъ и то безобразіе, что господствуетъ теперь на многихъ сценахъ, которыя я не считаю нѣмецкими».

Такимъ образомъ искусство должно быть культомъ идеала. Къ несчастью, во многихъ странахъ оно сбилось съ этого благороднаго пути. Но въ Германіи было бы просто святотатствомъ слѣдовать въ этомъ—ужасному примѣру другихъ націй. Постоянный возвратъ къ той же мысли: «мы—соль земли».

18 декабря 1901, въ рѣчи къ скульпторамъ Аллеи побѣдъ, Вильгельмъ говоритъ:

«Для насъ, нѣмцевъ, идеалъ еще продолжаетъ существовать какъ одно изъ національныхъ сокровищъ, между тѣмъ какъ другіе народы отъ него болѣе или менѣе отреклись. Одинъ только нѣмецкій народъ призванъ прежде всего защищать, культивировать и развивать великія идеи; и среди этихъ благородныхъ задачъ немаловажное мѣсто занимаетъ необходимость дать рабочему, трудящемуся классу возможность наслаждаться произведеніями искусства и, такимъ образомъ, возноситься надъ своимъ обыденнымъ уровнемъ. Если же искусство, какъ это часто бываетъ въ наше время, изображаетъ одно лишь убожество, да еще худшее, чѣмъ въ дѣйствительности, оно только вредитъ нѣмецкому народу. *Культъ идеала—величайшее твореніе цивилизаціи;* если мы хотимъ быть въ этомъ примѣромъ для другихъ націй, если цивилизація должна выполнить до конца свою задачу, нужно, чтобы она проникла въ самые низшіе слои общества. *А этого она можетъ достигнуть только съ помощью искусства.* Нужно, чтобы искусство протянуло руку и подняло до себя тѣхъ, кто внизу, вмѣсто того, чтобы самому спускаться на дно».

При такомъ взглядѣ идеалистическомъ и, въ то же время, чрезвычайно практическомъ на значеніе нѣмецкаго искусства, какъ на моральную и религіозную миссію цивилизаціи, Вильгельмъ не терпитъ, разумѣется, никакого искусства, кромѣ классическаго. Нерѣдко поражались его ненависти къ импрессіонизму и реализму, къ независимости въ искусствѣ, смѣялись надъ его восхищеніемъ Бегасомъ, Менцелемъ, Вильденбрухомъ и надъ отвращеніемъ къ Гауптману,—и совершенно напрасно.

Его понятія и убѣжденія составляютъ во всемъ логически послѣдовательную цѣпь.

Если же искусство есть школа идеализма, если цѣль его—внушать народу добрыя чувства, отрывать его отъ пессимизма, отъ беззаконія и соціализма, то въ такомъ случаѣ самая посредственная и сантиментальная героическая пьеса, какой-нибудь романъ для дѣвицъ или пастушеская поэзія—стоютъ большаго, чѣмъ всѣ эти горькія, обезкураживающія, все отрицающія произведенія величайшихъ геніевъ. Императоръ поневолѣ долженъ судить съ той точки зрѣнія, на которой онъ стоитъ. Само собою разумѣется, что вся эта его концепція искусства должна быть цѣликомъ отброшена, какъ по существу, просто отвергающая искусство, отнимающая у него душу живую; но мы должны смотрѣть на эти его эстетическія теоріи, какъ на нѣчто нераздѣльное съ его нравственными убѣжденіями, т.-е. съ его религіозными вѣрованіями. А что касается вѣрованій, то вѣдь о нихъ не спорятъ: ихъ или раздѣляютъ или отбрасываютъ. Нужно произнести общій приговоръ, огуломъ, надъ всѣмъ этимъ сочетаніемъ жизненныхъ вѣрованій, опредѣляющихъ характеръ и физіономію Вильгельма II и не остановливаться надъ детальнымъ осужденіемъ тѣхъ или иныхъ его отдѣльныхъ воззрѣній, въ частности и художественныхъ.

Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать его большую рѣчь къ художникамъ Аллеи побѣдъ, гдѣ онъ изложилъ всѣ свои художественныя теоріи. Вотъ ея главные моменты: Искусство классично.

«Искусство беретъ свое начало и свои вдохновенія отъ великой матери природы; она же, несмотря на всю свою видимую свободу, какъ будто внѣ всякихъ границъ и правилъ, подчиняется, однако, тѣмъ вѣчнымъ законамъ, которые Творецъ начерталъ для самого себя, преступать и нарушать которые нельзя безъ опасности для мірового развитія.

«То же самое относится и къ искусству. При видѣ великолѣпныхъ памятниковъ классической эпохи, является то же самое чувство: здѣсь, думаетъ всякій, царитъ вѣчный и нерушимый законъ, законъ красоты, гармоніи и эстетики. Этотъ законъ нашелъ себѣ выраженіе настолько совершенное, настолько законченное и захватывающее въ античныхъ произведеніяхъ, что мы, нынѣшніе, при всемъ, что мы теперь умѣемъ и знаемъ, преисполняемся гордостью, если наше произведеніе даетъ возможность сказать: это почти такъ же прекрасно, какъ то, что дѣлалось девятнадцать столѣтій назадъ.

«Поэтому вотъ что я хотѣлъ бы вамъ настоятельно рекомендовать: скульптура еще не тронута этими, такъ называемыми, современными теченіями; она еще чиста и прекрасна. Сохраните ее таковою, не давайте себя увлекать парадоксальными мнѣніями и не покидайте тѣхъ принциповъ, на которыхъ она покоится *Искусство, которое уклоняется отъ принциповъ, высказанныхъ мною, уже не искусство;* это ремесло, индустрія, все что хотите, но оно никогда не будетъ искусствомъ. Подъ флагомъ слова «свобода», которымъ теперь такъ часто злоупотребляютъ, люди впадаютъ попросту въ безпорядочность,

въ чрезмѣрность и заносчивость. Тотъ, кто пренебрегаетъ законами прекраснаго и тѣмъ чувствомъ эстетической гармоніи, которое носитъ въ себѣ каждый человѣкъ, если и не умѣетъ его высказать, тотъ, кто кладетъ въ основу искусства только извѣстное умѣніе преодолѣвать техническія трудности, тотъ грѣшитъ именно противъ основныхъ законовъ искусства.

«Этого мало: *искусство должно помогать воспитывать народъ;* оно должно давать возможность рабочему классу просвѣтляться идеаломъ, когда окончена его работа.

«Какъ государь, я чувствую себя иногда глубоко огорченнымъ, когда вижу, что великіе художники не борются уже съ достаточной энергіей противъ зловредныхъ тенденцій въ искусствѣ. Я не отрицаю ни на одно мгновеніе, что среди сторонниковъ этихъ тенденцій встрѣчаются люди, у которыхъ есть и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, и намѣренія, быть можетъ, самыя превосходныя. Но они все-таки на ложномъ пути.

«Истинный художникъ не жаждетъ ни шума, ни популярности, ни газетъ, ни связей. Я не думаю, чтобы великіе люди Греціи, Рима или временъ ренессанса, служившіе для васъ примѣромъ, прибѣгали когда-нибудь къ такой рекламѣ, какая практикуется теперь для достиженія торжества своихъ идей. Они творили по вдохновенію отъ Бога, а людямъ предоставляли говорить все, что тѣмъ было угодно. Вотъ какъ долженъ поступать истинный художникъ».

Нѣмецкое искусство.

Эта мистическая концепція искусства, въ связи съ глубокой вѣрой кайзера въ высшее назначеніе его народа, приводитъ его, въ концѣ концовъ, и къ утилитарности въ выборѣ темъ и сюжетовъ, и, главное, къ самымъ крайнимъ преувеличеніямъ. Взятыя въ отдѣльности, они бы-

ваютъ у него, дѣйствительно, невѣроятно комичны. Въ той же самой рѣчи Вильгельмъ говоритъ, напримѣръ, слѣдующее:

«Я могу заявить, господа, что на иностранцевъ Аллея побѣдъ произвела потрясающее впечатлѣніе; повсюду раздается неслыханное восхищеніе нѣмецкой скульптурой».

Всѣмъ хорошо извѣстно, что впечатлѣніе въ Европѣ было нѣсколько инымъ, чѣмъ его представляетъ себѣ кайзеръ.

XI.

Обученіе и воспитаніе.

Цѣль всякаго воспитанія.

Роль, которую беретъ на себя Вильгельмъ II, создавала до настоящаго момента впечатлѣніе очень близкое къ роли пророка и проповѣдника. Онъ смотритъ на себя какъ на пастыря своихъ овецъ, облеченнаго властью вести ихъ къ цѣли, свыше опредѣленной Богомъ, и избирать для нихъ путь. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ для нихъ и апостолъ, и воспитатель, а также, и вождь. Оттого рѣчи его и носятъ такой поучающій характеръ.

Нужно, слѣдовательно, ожидать, что онъ посвятитъ значительную долю своихъ заботъ общественному образованію,—съ той точки зрѣнія, съ какой Вильгельмъ смотритъ на исторію, ничто не можетъ имѣть большаго значенія. И дѣйствительно, императоръ относится къ вопросамъ обученія съ совершенно особымъ вниманіемъ. Онъ ихъ разсматриваетъ въ весьма практическомъ духѣ: какъ въ искусствѣ онъ видитъ хорошее воспитательное средство, такъ и въ народномъ образованіи онъ ищетъ прежде всего почвы для формированія добрыхъ гражданъ, т.-е. нѣмцевъ, какъ онъ ихъ себѣ представляетъ, и вѣрныхъ подданныхъ своего императора, но уже отнюдь не соціалистовъ и «недовольныхъ».

Поэтому онъ рекомендуетъ отвести главное мѣсто религіозному и нравственному воспитанію, изученію новѣйшей исторіи, нѣмецкому языку и, наконецъ, физическому развитію.

13 февраля 1890 года императоръ отдаетъ приказъ главному инспектору военно-учебныхъ заведеній, касающійся постановки учебнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ. Извѣстно, что сыновей своихъ императоръ воспитывалъ не въ лицеѣ, гдѣ самъ получилъ образованіе, а въ кадетскомъ корпусѣ.

Вотъ нѣсколько извлеченій изъ этого приказа:

«*Цѣль каждаго воспитанія, особенно военнаго,—это образованіе характера, основаннаго на общемъ равномѣрномъ развитіи физическомъ, научномъ, моральномъ и религіозномъ.* Ни одна сторона воспитанія не должна развиваться въ ущербъ другимъ.

«Кадеты должны пріобрѣтать не одни только такія познанія, которыя составляютъ необходимое условіе военной карьеры они должны получать такое образованіе и моральную подготовку, которыя дали бы имъ возможность выполнять со временемъ функцію воспитателей и педагоговъ въ арміи, этой великой національной школѣ, или же съ честью занимать всякое мѣсто, если бы пришлось перемѣнить впослѣдствіи военную карьеру на другую.

«Въ религіозномъ образованіи необходимо особенно налегать на моральную сторону и больше всего слѣдить за тѣмъ, чтобы молодежь воспитывалась въ страхѣ Божіемъ и религіозномъ рвеніи, въ строгости къ себѣ и снисхожденіи къ другимъ. Нужно укрѣплять въ нихъ убѣжденіе, что вѣрность и преданность королю, какъ и другія обязанности, исходятъ изъ Божьихъ велѣній.

«Преподаваніе исторіи должно теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, подготовлять въ учащихся пониманіе своего

времени и въ особенности нынѣшняго положенія нашего отечества. Поэтому нужно особенно приналечь на нѣмецкую исторію и больше всего на новую и современную; древнюю же и средневѣковую исторію преподавать въ такомъ духѣ, чтобы *примѣры, взятые изъ этихъ эпохъ, развивали въ воспитанникахъ чувство героизма и историческаго величія*».

Противъ греческаго языка и латыни.

Вильгельмъ былъ сторонникомъ классическаго искусства въ противовѣсъ современному потому, что классики были болѣе идеалистами, чѣмъ нынѣшніе люди. Но что касается метода преподаванія, то онъ высказывается противъ злоупотребленія латынью и греческимъ языкомъ, въ особенности же педантичной филологіей. Между этими точками зрѣнія нѣтъ противорѣчія: обѣ онѣ объясняются той практической цѣлью, съ которою Вильгельмъ связываетъ какъ искусство, такъ и воспитаніе: дать хорошихъ нѣмцевъ.

Вильгельмъ II получилъ образованіе въ Кассельскомъ лицеѣ. Родители не хотѣли, чтобы занятія сына перерывались придворными празднествами и торжествами: недалеко отъ Касселя находится замокъ Wilhelmshöhe, въ которомъ принцъ и жилъ. Въ 1877 году онъ получилъ степень абитуріента. Нѣсколько лѣтъ спустя одинъ изъ однокашниковъ прислалъ принцу двѣ брошюры по вопросамъ образованія, на что принцъ Вильгельмъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ:

«Потсдамъ, 2 апрѣля 1885 года.

Мой дорогой судья,

«Примите мою сердечнѣйшую благодарность за присланныя статьи... Наконецъ-то нашелся человѣкъ, осмѣли-

вшійся энергично возстать противъ самой устарѣлой изъ формъ преподаванія, лучше всего приспособленной для того, чтобы притуплять умъ. Я подписываюсь подъ всѣмъ, что сказано вами. Къ счастью, за два съ половиною года я имѣлъ возможность лично убѣдиться въ томъ, какъ великъ вредъ, наносимый нашей молодежи. Недалеко ходить: на 21 ритора нашего класса—19 носили очки, а трое изъ нихъ должны были сверхъ очковъ прибавлять еще и лорнетъ, чтобы видѣть то, что дѣлается на доскѣ.

«Гомеръ, божественный поэтъ, котораго я люблю до безумія, Демосфенъ, рѣчи котораго должны воодушевлять весь міръ, какъ они намъ преподносились? Съ чувствомъ энтузіазма передъ геройствомъ, передъ сраженіями, передъ описаніями природы? Упаси Боже! Каждый клочекъ фразы расчленялся, вскрывался скальпелемъ грамматиковъ и фанатическихъ филологовъ до тѣхъ поръ, пока, ко всеобщему удовольствію, не обнаруживался скелетъ слова и не являлась возможность показать, на сколько ладовъ можетъ комбинироваться αν или ἐπι, или какая-нибудь иная, подобная же чертовщина. Тутъ есть отъ чего заплакать!

«Греческія и латинскія сочиненія (о, громъ и молнія!) какихъ только трудовъ они стоили! И что за изумительные продукты человѣческаго генія видѣлъ свѣтъ! Я думаю, если бы они попались Горацію, тотъ со страху отдалъ бы Богу душу.

«Пусть насъ освободятъ отъ этой безсмыслицы. Война безъ милосердія такому преподаванію! Этотъ методъ ведетъ къ тому, что наша молодежь знаетъ синтаксисъ, грамматику древнихъ языковъ лучше, чѣмъ ее знали сами «древніе греки», знаетъ наизусть имена генераловъ, мѣста сраженій и расположеніе войскъ въ пуническихъ войнахъ или войскъ Митридата,—и ничего не знаетъ изъ семилѣтней войны, не говоря уже о войнахъ позднѣйшихъ,

напримѣръ, 1866 или 70-го года, которыя еще не собрались «обработать» для учебника.

«Что касается физической стороны воспитанія, то я считаю, что послѣполуденное время должно быть безусловно свободнымъ. Гимнастика должна быть развлеченіемъ молодежи; скаковой кругъ съ препятствіями для верховой ѣзды, естественныя препятствія, которыя очень было бы полезно преодолѣвать. Очень было бы хорошо тоже, если бы въ городахъ, гдѣ стоятъ гарнизоны, устраивались маленькія ученія для дѣтей средняго возраста, хотя бы съ палками, подъ командой унтеръ-офицера, два или три раза въ недѣлю. Вмѣсто этихъ глупѣйшихъ «классныхъ прогулокъ», съ элегантными тросточками и въ черныхъ курткахъ, съ сигарой въ зубахъ, пуститься бы хорошимъ маршемъ въ поле, да недурно бы еще и легонькое ученіе, не бѣда, если бы и закончилось хорошей потасовкой.

«Наши риторы (увы! и мы были не лучше ихъ!) слишкомъ отяжелѣли, чтобы засучить рукава и броситься въ рукопашную. Чего можно ожидать отъ такихъ людей! Значитъ, *смертный бой* этой системѣ! Я готовъ поддержать васъ въ этомъ...

Вашъ
Вильгельмъ, принцъ Прусскій».

Противъ соціализма.

Ставъ императоромъ, Вильгельмъ еще опредѣленнѣе закрѣпляетъ тѣ понятія, которыя онъ уже высказывалъ, будучи принцемъ; въ томъ, что онъ говоритъ объ образованіи, еще ярче даютъ себя чувствовать главные предметы его заботъ: борьба съ соціализмомъ и недовольными, насажденіе въ народѣ религіозныхъ и патріотическихъ чувствъ.

Къ концу 1890 года, прусскій министръ вѣроисповѣда-

ній созвалъ, по желанію императора, комиссію изъ сорока пяти лицъ, которая должна была собраться въ министерствѣ вѣроисповѣданій въ Берлинѣ и заняться реформой средняго образованія.

Первое засѣданіе комиссіи состоялось 4 декабря 1890 г.; императоръ присутствовалъ на немъ. Онъ произнесъ для открытія рѣчь, изъ которой мы приводимъ нѣсколько выдержекъ:

«Я хотѣлъ здѣсь прежде всего замѣтить, что дѣло вовсе не въ политической сторонѣ школьнаго вопроса, а исключительно въ тѣхъ техническихъ и педагогическихъ мѣрахъ, которыя мы должны принять для того, чтобы наша подрастающая молодежь воспитывалась сообразно съ тѣмъ, чего требуетъ новое положеніе нашего отечества... Самое важное—схватить *духъ* предмета, а не ограничиваться *формой*.

«Если бы школа была тѣмъ, чего мы отъ нея вправѣ ждать (я говорю о томъ, что мнѣ хорошо извѣстно, потому что я самъ былъ воспитанникомъ лицея и знаю, что тамъ дѣлается), то *она съ самаго начала и сама по себѣ должна была бы вести борьбу съ соціализмомъ.* Учительскіе совѣты должны были бы всѣ прийти между собою къ соглашенію и съ энергіей взяться за это дѣло, съ цѣлью давать молодежи такое направленіе, чтобы люди моего возраста, т.-е. около тридцати лѣтъ отроду, становились мнѣ помощниками, совмѣстно съ которыми я могъ бы работать и быстро овладѣть этимъ движеніемъ. Къ сожалѣнію, все это не такъ.

«Послѣдній моментъ, когда наша школа сыграла важную роль въ жизни страны, были годы 1864-й и отъ 1866 до 1870-го. Тогда прусскія школы и ихъ преподаватели были истинной поддержкой той идеи единства, которая проповѣдывалась всюду. Всѣ абитуріенты, окан-

чивавшіе лицей, поступали ли они добровольцами или шли въ жизнь, сходились на одномъ пунктѣ: необходимо возстановить германскую имперію и вернуть Эльзасъ-Лотарингію. Съ 1871 года движеніе это прекратилось. Объединеніе имперіи свершилось, мы имѣемъ то, чего хотѣли; на этомъ все и остановилось.

«Послѣ этого школа, исходя изъ новыхъ установившихся основъ, должна была бы возбуждать молодежь въ другомъ направленіи и учить ее тому, что новое зданіе государства нуждается въ поддержкѣ. Этого не было сдѣлано, и вотъ за тѣ немногіе годы, что существуетъ имперія, уже развились центробѣжныя тенденціи. Я могу судить объ этомъ безошибочно, потому что *я стою на вершинѣ и во мнѣ сходятся всѣ нити.*

«Причину нужно искать въ воспитаніи молодежи. Въ чемъ недостатокъ этого воспитанія?—Ихъ нѣсколько. Главное несчастіе въ томъ, что съ 1871 года лицей наводнили филологи, точно *beati possidentes;* весь смыслъ занятій они видѣли въ знаніи, запоминаніи и эрудиціи, а не въ образованіи характера сообразно потребностямъ современной жизни...

«Гораздо меньше придаютъ значенія тому, что за человѣкъ воспитанникъ, чѣмъ тому, что онъ знаетъ. Исходятъ изъ того взгляда, что воспитанникъ долженъ знать какъ можно большее количество вещей; а что касается того, какую все это можетъ ему принести пользу въ жизни, объ этомъ не думаютъ совершенно. Если случится завести объ этомъ рѣчь съ какимъ-нибудь педагогомъ и если стараются ему дать понять, что молодому человѣку необходимо все-таки практическая подготовка къ жизни и ея требованіямъ,— онъ вамъ отвѣтитъ, что это не дѣло школы. Она, видите ли, должна быть прежде всего школой умственной гимнастики, и если эта гимнастика хорошо направлена, то молодой человѣкъ сумѣетъ справиться въ жизни со всѣмъ.

«Нашимъ лицеямъ недостаетъ прежде всего *національной базы.* Какъ главный фундаментъ всѣхъ лицейскихъ наукъ мы должны взять, прежде всего, нѣмецкій языкъ. Вѣдь не собираемся же мы, въ самомъ дѣлѣ, давать отечеству молодыхъ грековъ или римлянъ! Намъ нужны молодые нѣмецкіе патріоты.

«Мы должны отказаться отъ того, что составляло основу воспитанія въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ,—отъ системы монастырскаго обученія, гдѣ латынь съ небольшимъ добавленіемъ греческаго языка считалась главнымъ и существеннымъ. Теперь уже не то нужно и мы должны взять за основаніе нѣмецкій языкъ. Сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ должно быть главной осью, на которой все вертится. Если ученикъ, экзаменуясь на аттестатъ зрѣлости, напишетъ превосходное сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, оно и будетъ мѣриломъ для его умственнаго развитія и дастъ возможность видѣть, чего онъ стоитъ. Разумѣется, на это найдется пропасть всякихъ возраженій; говорятъ, напримѣръ, что латинскія сочиненія очень полезны для изученія иностранныхъ языковъ и мало ли что тамъ еще. Господа, я самъ прошелъ все это, я знаю, какъ пишутся латинскія сочиненія. Я неоднократно видѣлъ, что ученикъ получалъ «удовлетворительно» за нѣмецкое сочиненіе и «хорошо» за латинское. За это онъ долженъ былъ бы заслужить порицаніе, а не похвалу, потому что ясно было, что для своего латинскаго сочиненія онъ пользовался незаконными средствами. Изъ всѣхъ латинскихъ работъ, которыя намъ задавались, на двѣнадцать врядъ ли приходилось одно, которое бы не стряпалось такимъ способомъ. И эти работы признавались хорошими. А когда писалось сочиненіе на тему изъ *Minna von Barnhelm*—оно оказывалось едва удовлетворительнымъ.

«Мы должны изучать, главнымъ образомъ, вопросы историческіе, географическіе, знать наши традиціи съ точки

зрѣнія національной. Въ мое время Великій Курфюрстъ представлялся намъ какимъ-то туманнымъ и фантастическимъ существомъ; семилѣтней войной пренебрегали совершенно и исторія заканчивалась концомъ послѣдняго столѣтія съ французской революціей. Освободительныя войны, т.-е. то, что наиболѣе важно въ наше время для молодыхъ гражданъ, никогда серьезно не проходились; если я лично хорошо ихъ знаю, то это исключительно благодаря моему дорогому воспитателю, г. совѣтнику Гинценетеру, который позаботился о томъ, чтобъ обратить на нихъ мое особое вниманіе. А между тѣмъ это одинъ изъ основныхъ пунктовъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, нашихъ молодыхъ людей такъ привлекаютъ всѣ эти политическія новости? Почему развилось столько этихъ, такъ называемыхъ, всеміриыхъ реформаторовъ съ ихъ темными и смутными идеями въ головѣ? Почему судятъ вкривь и вкось о нашемъ правительствѣ и восхваляютъ все иностранное? Я знаю, господа, почему: потому что наши молодые люди не знаютъ толкомъ, какъ развивались наши дѣла, и не знаютъ, что наше нынѣшнее положеніе своимъ исходнымъ пунктомъ имѣетъ французскую революцію. Я пришелъ къ тому убѣжденію, что если бы мы ясно растолковали нашей молодежи французскую революцію, она отнеслась бы совершенно иначе къ нынѣшнимъ вопросамъ.

«Школы, я имѣю въ виду собственно лицеи, выпустили слишкомъ большое количество умственной интеллигенціи, больше, чѣмъ нужно для націи и для нихъ самихъ. Князь Бисмаркъ вымолвилъ мѣткое слово, когда говорилъ объ этомъ пролетаріатѣ абитуріентовъ.

«Всѣ эти *кандидаты голодовки*, главнымъ образомъ гг. журналисты, очень часто — бывшіе питомцы лицея, изъ которыхъ ничего не вышло, и въ этомъ большая для насъ опасность.

«Статистика школьныхъ болѣзней, и особенно близору-

кости, поистинѣ ужасна... Подумайте о томъ молодомъ поколѣніи, которое вы готовите на защиту страны. *Мнѣ нужны солдаты*, намъ нужны здоровые люди, которые могли бы однако служить своему отечеству и какъ умственно развитые вожди и должностныя лица. Это множество близорукихъ ни на что не пригодно. Что хорошаго можно ждать отъ человѣка, который не можетъ пользоваться собственными глазами?.. *Господа, люди не должны смотрѣть на міръ сквозь очки, а просто глазами, и имъ должно доставлять удовольствіе то, что передъ ними открывается, ихъ отечество и его учрежденія*».

Современное воспитаніе.

Въ рѣчахъ, которыя мы только что процитировали, обнаруживается человѣкъ, въ высшей степени современный. Онъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ противъ чрезмѣрнаго корпѣнія надъ книгами, противъ безполезнаго забиванія головъ, потребовалъ, чтобы въ воспитаніи дѣтей было удѣлено мѣсто требованіямъ современной жизни. Изъ этого видно, что его нравственныя и религіозныя убѣжденія не мѣшаютъ ему быть человѣкомъ своего времени, а иногда даже опережать его. Констатировать это необходимо. Необходимо подчеркнуть въ Вильгельмѣ эту смѣсь идеалистическихъ и мистическихъ понятій съ здравымъ и практическимъ смысломъ очень живымъ и реалистичнымъ. Это одна изъ существенныхъ чертъ его натуры, къ которымъ намъ придется еще часто возвращаться.

Всѣ эти разнорѣчивые элементы индивидуальности кайзера въ немъ неразлучны. Когда онъ чувствуетъ необходимость направить свою страну по новому пути, онъ всегда является пастыремъ, указующимъ дорогу. А въ его стараніяхъ модернизировать учебное дѣло скрыта та же патріархальная концепція власти, та же вѣра въ божественную миссію Гогенцоллерновъ.

Самый интересный образецъ этого сочетанія даетъ

намъ рѣчь, произнесенная кайзеромъ на послѣднемъ засѣданіи той же комиссіи. Это засѣданіе состоялось 17 декабря 1890 года; императоръ явился на него и заявилъ:

«Господа, само собою разумѣется, что я, какъ прусскій король и какъ *summus episcopus* моей церкви, считаю своимъ наиболѣе священнымъ долгомъ стоять на стражѣ того, чтобы религіозное чувство и христіанское рвеніе были насаждаемы въ школѣ...

«Господа, мы переживаемъ смутное время - перехода къ новому вѣку. Таково было отличительное свойство моего Дома, я хочу сказать, что мои *предки всегда были одарены способностью, нащупывая пульсъ своей эпохи, предвидѣть то, что должно было наступить*. Затѣмъ они всегда становились во главѣ движенія съ твердой рѣшимостью направлять людей и вести ихъ къ новымъ цѣлямъ.

«Мнѣ кажется, *я понялъ то, къ чему клонится духъ новой эпохи, куда идетъ умирающій вѣкъ*. И я рѣшилъ, какъ и тогда, когда взялся за соціальныя реформы, направить воспитаніе подрастающаго поколѣнія на тотъ путь, по которому оно должно слѣдовать; потому что, если мы не сдѣлаемъ этого теперь, то будемъ къ этому вынуждены лѣтъ черезъ двадцать».

Техническое образованіе.

Вильгельмъ II всегда удѣлялъ много вниманія тому, что называется въ Германіи «техническимъ образованіемъ», т.-е. подготовленію инженеровъ и всякаго рода техниковъ по всѣмъ отраслямъ индустріи. Эти техническія школы представляютъ собою профессіональныя высшія учебныя заведенія.

Кайзеръ проявилъ свое особое благоволеніе къ высшей технической школѣ тѣмъ, что разрѣшилъ ей присвоить столь почитаемую въ Германіи ученую степень «доктора», составлявшую до того времени привилегію только универ-

ситетовъ. Онъ создалъ «Dr. ing.», т.-е. доктора-инженера, что очень высоко подняло престижъ этой профессіи. Здѣсь— одно изъ многочисленныхъ проявленій практичности и духа современности въ Вильгельмѣ.

Когда ректоръ высшей технической школы Шарлотенбурга явился благодарить Вильгельма за эту милость, тотъ сказалъ ему въ отвѣтъ небольшую рѣчь, опубликованную 9 января 1900 года:

«Я съ удовольствіемъ далъ это отличіе высшей технической школѣ. Вы знаете, мнѣ пришлось преодолѣть для этого довольно энергичныя сопротивленія. Теперь они устранены. Я хотѣлъ извлечь техническую школу къ свѣту, потому что ей предстоитъ великая задача, не только профессіональная, но и соціальная. Она можетъ оказать огромное вліяніе на соціальное положеніе, потому что питомцы ея находятся въ постоянномъ общеніи и съ рабочими, и съ хозяевами...

«Наша техническая наука достигла уже громадныхъ успѣховъ. Но намъ еще нужно большое количество развитыхъ, культурныхъ людей съ техническимъ образованіемъ: подумайте только о томъ, сколько нужно инженеровъ для постановки телеграфныхъ кабелей и для колоній. Этотъ родъ науки уже пріобрѣлъ огромное значеніе. Самыя почтенныя семьи, которымъ ранѣе и въ голову не приходила мысль о такихъ профессіяхъ, отдаютъ имъ теперь своихъ сыновей; и я надѣюсь, что движеніе это будетъ только расти. Наша репутація, въ этомъ смыслѣ, стоитъ очень высоко и за границей; тамъ съ восторгомъ отзываются о постановкѣ дѣла въ нашей технической школѣ. Хорошо, если вы будете привлекать также и иностранцевъ учащихся. Это поднимаетъ престижъ нашей работы».

19 октября 1899 года Вильгельмъ говоритъ на столѣтіи высшей технической школы въ Шарлотенбургѣ:

«Успѣхи, которыхъ достигла въ настоящее время техника, поразительны; но они оказались возможными только благодаря тому, что Творецъ неба и земли даровалъ людямъ стремленіе и возможность все глубже проникать въ тайны созданія и постигать все совершеннѣе силы и законы природы, чтобы отдать ихъ на служеніе человѣчеству. Такимъ образомъ, и техника неизмѣнно приводитъ насъ, какъ и всѣ настоящія науки, къ началу всѣхъ началъ— къ всемогущему Творцу, и мы должны склониться предъ Нимъ съ смиренной благодарностью. Только на этой почвѣ, на которой всегда жилъ и дѣйствовалъ покойный императоръ Вильгельмъ Великій, и возможенъ успѣхъ науки: не теряйте этого изъ виду, учащіе и учащіеся, и благословеніе Божіе будетъ надъ вашей работой».

Императоръ и студенты.

Въ октябрѣ 1877 года принцъ Вильгельмъ Прусскій записался студентомъ Боннскаго университета: онъ проходилъ курсъ римскаго права, исторіи, философіи, экспериментальной физики, исторіи нѣмецкаго права, политической экономіи, исторіи древняго искусства, исторіи новѣйшей нѣмецкой литературы, уголовное, гражданское и финансовое право, исторію реформаціи, химію, административное прусское право.

Принцъ принималъ участіе въ знаменитой студенческой корпораціи «Borussia», которая насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ большинство нѣмецкихъ принцевъ. Впослѣдствіи императоръ часто присутствовалъ на празднествахъ своей прежней корпораціи и никогда окончательно не порывалъ съ ней связи.

Эта вѣрность объясняется той симпатіей, которую императоръ питаетъ вообще къ самому институту студенческихъ корпорацій. Разумѣется, на первомъ планѣ тутъ стоитъ «мензура», эта спеціальная дуэль студенческихъ

корпорацій. Вотъ что говоритъ о ней кайзеръ 7 мая 1891 года на одномъ изъ вечеровъ «Боруссіи» въ Боннѣ:

«Наши «мензуры» часто невѣрно истолковываются публикой. Это не должно насъ смущать. Мы сами были участниками студенческихъ корпорацій и знаемъ, въ чемъ тутъ дѣло. Какъ въ средніе вѣка турниры укрѣпляли въ людяхъ силу и мужество, точно такъ же и тотъ духъ, который царитъ въ корпораціяхъ, создаетъ извѣстную стойкость, столь необходимую въ жизни, которая не исчезнетъ, пока стоятъ нѣмецкіе университеты».

XII.

Нѣмецкій имперіализмъ.

Міровая политика.

Гогенцоллерны всегда понимали духъ своей эпохи; такова любимая мысль Вильгельма II, которую онъ часто повторяетъ. Онъ самъ и его предки, традиціямъ которыхъ онъ слѣдуетъ, всегда требовали отъ своихъ подданныхъ, чтобы тѣ во всемъ полагались на нихъ и имъ предоставляли право выбирать жизненные пути. Но они считаютъ себя отнюдь не реакціонерами, парализующими прогрессъ цивилизаціи. Напротивъ того, съ высоты своего положенія они видятъ болѣе чѣмъ другіе далеко впередъ, и ведутъ свой народъ все къ новымъ перспективамъ.

Такимъ образомъ, Вильгельмъ считаетъ, что патріархальный режимъ, который ему грезится, долженъ поставить современную Германію во главѣ всѣхъ націй.

Выяснивъ и разсмотрѣвъ тѣ воззрѣнія Вильгельма, корни которыхъ связуютъ его съ прошлымъ его страны, обратимся къ изученію нѣкоторыхъ идей кайзера, опредѣляющихъ въ значительной степени смыслъ современной эпохи и взгляды его на будущее.

Вильгельмъ понималъ, что послѣ войны 1870—71 года и объединенія германскаго государства, молодая имперія должна подумать совсѣмъ о другихъ, не территоріальныхъ завоеваніяхъ въ Европѣ.

Мы это уже видѣли въ главѣ, посвященной взглядамъ Вильгельма на миръ: онъ считаетъ, что Германія должна отдать всѣ свои силы экономическому развитію и мирному завоеванію міровыхъ рынковъ своей промышленностью и торговлей.

Слѣдуетъ признать, что, задаваясь задачей сдѣлать изъ Германіи промышленное государство, Вильгельмъ, несомнѣнно, обнаруживаетъ извѣстную широту взглядовъ. По историческимъ традиціямъ своего дома, Вильгельмъ духовно долженъ быть очень близокъ къ прусскому дворянству, составлявшему всегда оплотъ монархіи и арміи. Но юнкерство являлось, прежде всего, крупнымъ землевладѣльческимъ классомъ, который къ интересамъ промышленности и торговли относился всегда съ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Вильгельмъ часто выражаетъ свое довѣріе дворянству и арміи, онъ говоритъ, что это «бронзовая скала», на которой покоится его тронъ; но какъ только интересы консерваторовъ и прусскаго дворянства столкнулись съ интересами промышленной и торговой Германіи, Вильгельмъ тутъ же вступилъ въ борьбу съ самыми надежными столпами монархіи, не дѣлая имъ ни малѣйшихъ уступокъ. Мало того, когда прусскіе землевладѣльцы воспротивились сооруженію великаго кильскаго канала, то Вильгельмъ объявилъ, что всякое сопротивленіе будетъ раздавлено безпощадно.

Нужно было, дѣйствительно, стоять выше всѣхъ партій, чтобы во имя высшихъ интересовъ страны не дать себя увлечь тѣмъ, на сторонѣ которыхъ, по всѣмъ традиціямъ, должны были быть симпатіи императора.

Вильгельмъ II сдѣлалъ все, чтобы привлечь взоры своихъ подданныхъ по ту сторону границы, чтобы заставить ихъ сознать, что міръ—это поле, гдѣ они должны развернуть свои силы, чтобы раздвинуть ихъ горизонтъ и дать имъ

возможность увидѣть свою германскую имперію «болѣе великой», подобной той «Greater Britain», которая служитъ для всѣхъ англичанъ предметомъ культа.

Задача была не изъ легкихъ: вѣковое обладаніе огромной колоніальной имперіей научило англичанъ разбираться въ міровыхъ вопросахъ и выработало у нихъ особое политическое чутье. Германія-же, вчера еще раздробленная на многочисленныя маленькія государства, герцогства и княжества, сохранила и послѣ своего объединенія узость взглядовъ, присущую людямъ, живущимъ по своимъ угламъ.

Вильгельмъ принялся за настоящее воспитаніе своего народа, обратившись ко всѣмъ партіямъ, вмѣшавшись во всѣ интересы.

18 января 1896 года во время празднованія юбилея германской имперіи, на торжественномъ банкетѣ въ королевскомъ дворцѣ кайзеръ заявляетъ:

«*Германская имперія сдѣлалась міровой имперіей.* Всюду, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара, живутъ наши соотечественники. Наши продукты, наша промышленность и наука распространились далеко по ту сторону океана. Тысячами милліоновъ нужно оцѣнивать то, что вывозится изъ Германіи моремъ. Вашъ долгъ, господа, помочь мнѣ связать крѣпкими узами эту великую міровую имперію съ Германіей европейской».

7 января 1891 года онъ пишетъ статсъ-секретарю почтъ и телеграфовъ:

«Міръ въ концѣ девятнадцатаго столѣтія находится въ томъ періодѣ, когда пути сообщенія устраняютъ всякія преграды въ международныхъ сношеніяхъ; благодаря имъ легко рушатся барьеры, раздѣляющіе народы и создаются новыя отношенія между націями».

Нѣмецкая армія достаточно сильна для того, чтобы защищать европейскую Германію, но для безопасности— міровой нѣмецкой имперіи нуженъ сильный флотъ. Вотъ какимъ образомъ интересъ Вильгельма къ экономическому развитію его страны привелъ его къ сознанію необходимости созданія сильнаго военнаго флота. Защита Имперіи.

Какъ въ вопросахъ внутренней политики онъ требовалъ отъ своихъ подданныхъ единодушія, предлагая имъ всѣмъ объединиться вокругъ него, такъ и въ великой міровой борьбѣ онъ хотѣлъ, чтобы всѣ нѣмцы сознали необходимость объединенія для общей эволюціи современной цивилизаціи.

Свои монархическіе взгляды Вильгельмъ II высказывалъ очень часто; это его любимая тема. Вотъ одна изъ его рѣчей, гдѣ они выражены съ особой ясностью.

18 октября 1899 года въ Гамбургѣ, въ день спуска на воду броненосца *Карлъ Великій*, Вильгельмъ говоритъ:

«Здѣсь, лучше чѣмъ гдѣ-либо, умѣютъ цѣнить и понимать, насколько необходимо и важно для нашихъ внѣшнихъ интересовъ имѣть военныя суда. Но это пониманіе очень медленно входитъ въ сознаніе нѣмецкаго народа, который, къ несчастью, тратитъ слишкомъ много силъ въ партійной борьбѣ. *Съ глубокой тревогой я слѣжу за тѣмъ, какъ медленно растетъ въ Германіи пониманіе и интересъ къ тѣмъ великимъ вопросамъ, которые двигаютъ міръ.*

«Оглянемся вокругъ: какъ измѣнилась вселенная за нѣсколько лѣтъ! Старыя имперіи исчезли, новыя народились. Націи, которыя вчера еще были неизвѣстны, вошли въ число великихъ странъ и съ ними приходится серьезно считаться. Тѣ продукты человѣческой дѣятельности, которые вообще оказываютъ на международныя сношенія не меньше вліянія, чѣмъ экономическая жизнь народовъ,

созрѣваютъ теперь въ нѣсколько мѣсяцевъ, а когда-то для нихъ требовались цѣлые вѣка.

«Вотъ отчего обязанности германскаго народа и германской имперіи стали теперь гораздо многочисленнѣе и шире; *онѣ требуютъ отъ меня и моего правительства огромныхъ усилій, которыя могутъ увѣнчаться успѣхомъ только въ томъ случаѣ, если всѣ нѣмцы тѣсно сомкнутся вокругъ насъ, отказавшись отъ всякихъ раздѣленій на партіи.* Народъ нашъ долженъ рѣшиться на жертвы, онъ долженъ, прежде всего, отказаться отъ тенденціи искать идеала въ тѣхъ партіяхъ, оппозиціонный духъ которыхъ намѣчается все яснѣе. Онъ долженъ пренебречь своими партійными интересами во имя блага всего міра. Онъ долженъ побѣдить свои наслѣдственные недостатки, свое стремленіе неосмотрительно подвергать все критикѣ; онъ долженъ останавливаться на тѣхъ границахъ, которыя ему ставитъ его собственная выгода.

«Какъ разъ, въ данный моментъ, нашъ флотъ и наши морскіе интересы дорого расплачиваются за старые политическіе грѣхи. Если бы въ первыя восемь лѣтъ моего царствованія мнѣ упорно не отказывали въ усиленіи флота и на мои предостереженія и настоятельныя просьбы не отвѣчали бы шутками и насмѣшками,—въ какомъ бы цвѣтущемъ состояніи могла уже быть наша торговля по ту сторону морей!

«Но я не теряю надежды увидѣть Германію восторжествовавшей, потому что народъ мой одушевленъ великой, могучей любовью къ своему отечеству. Доказательствомъ этого служитъ октябрьская иллюминація, которую сегодня еще зажигаютъ на горныхъ вершинахъ въ память благороднаго императора, родившагося въ этотъ день.

«Императоръ Фридрихъ вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ и его доблестными сподвижниками воздвигъ великолѣпное зданіе германской имперіи. Во всемъ величіи своей славы стоитъ

оно передъ нами такимъ, какъ о немъ грезили наши отцы и какъ его воспѣвали поэты. И вотъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы народъ нашъ, вмѣсто того, чтобы предаваться безплоднымъ спорамъ изъ-за того, какой видъ у разныхъ комнатъ, залъ и частей этого зданія, или изъ-за того, какъ бы его распланировать—вспыхнулъ, подобно октябрьскимъ огнямъ и воспламенился бы благороднымъ энтузіазмомъ, стараясь итти по стопамъ нашего великодушнаго императора, прежде всего радуясь прекрасному зданію германской имперіи и помогая охранять его. Гордый своимъ величіемъ, сознавая свою цѣнность, но уважая въ то же время и всякое иностранное государство и его развитіе, принося съ радостью тѣ жертвы, которыхъ требуетъ положеніе въ мірѣ, отказавшись отъ партійнаго духа, объединенный и сплоченный вокругъ своего императора, нѣмецкій народъ поможетъ такимъ образомъ свершить великое дѣло на благо своей родины. Таково мое пожеланіе».

Пацифизмъ Вильгельма II, какъ мы видѣли, обусловливаетъ сильную, въ военномъ отношеніи, Германію, созидающую на землѣ миръ, а въ случаѣ надобности и водворяющую его. Отвращеніе Вильгельма къ ужасамъ войны и къ завоеваніямъ нисколько не мѣшаетъ ему мечтать о моральной гегемоніи Германіи, объ ея идеальномъ верховенствѣ, признанномъ и принятомъ всѣми народами. Міровое положеніе германской имперіи.

Подымая вопросъ о мѣстѣ во вселенной этой «великой германской имперіи», на которую Вильгельмъ старается обратить вниманіе своихъ подданныхъ, онъ нисколько не уклоняется отъ этого своего взгляда. Война 1870—71 года и образованіе имперіи создали Германіи опредѣленное положеніе въ Европѣ. Это дѣло, созданное Вильгельмомъ Великимъ, можно считать законченнымъ. На этой почвѣ остается только удержать завоеванныя позиціи.

Но эту первую побѣду необходимо дополнить второй и упрочить положеніе Германіи въ мірѣ. А это возможно только черезъ сооруженіе флота, какъ побѣды 1870—71 г., и объединеніе Германіи были возможны только черезъ реорганизацію арміи. Эту задачу и ставитъ себѣ Вильгельмъ II.

4 іюля 1900 года въ Вильгельмсгафенѣ, по случаю спуска на воду судна *Виттельсбахъ*, Вильгельмъ въ отвѣтъ на тостъ принца Рупрехта баварскаго сказалъ:

«Ваше королевское Высочество могли сами видѣть, съ какой настойчивой силой волны океана стучатся во врата нашей страны, заставляя насъ занять въ мірѣ подобающее намъ мѣсто великаго народа, словомъ, войти въ міровую политику. Для величія Германіи океанъ необходимъ. На его волнахъ и за его предѣлами *ничто серьезное не должно рѣшаться безъ согласія Германіи и германскаго императора. Я не думаю, чтобы нѣмецкій народъ пролилъ свою кровь и одержалъ побѣду 30 лѣтъ назадъ для того, чтобы быть затѣмъ оставленнымъ въ сторонѣ отъ рѣшенія великихъ международныхъ вопросовъ.* Если бы это случилось, то германская имперія разъ навсегда потеряла бы свое міровое положеніе, и я вовсе не расположенъ допускать до этого.

«Мой долгъ и моя лучшая прерогатива побуждаютъ меня принять безъ всякаго колебанія самыя необходимыя и, если понадобится, самыя энергичныя мѣры. Я убѣжденъ, что въ этомъ вопросѣ всѣ князья и весь народъ, тѣсно сомкнувшись, будутъ со мною».

Такимъ образомъ, все это приводитъ къ великой мысли, къ великому дѣянію Вильгельма II: къ сооруженію флота. Займемся этимъ вопросомъ спеціально.

XIII.

Флотъ.

Война и торговля.

Разсматривая отношеніе Вильгельма II къ флоту, приходится установить строгое различіе между двумя точками зрѣнія: коммерческой и военной.

1. У Вильгельма было очень ясное представленіе о той великой роли, которую играетъ море въ торгово-промышленномъ развитіи народа. Море скорѣе связуетъ страны, чѣмъ раздѣляетъ ихъ, оно—великій путь сообщенія. Оно даетъ возможность завоевывать всемірные рынки. Отсюда необходимость создать сильный коммерческій флотъ, отсюда же—та важная роль, какую играетъ старый союзъ ганзейскихъ городовъ—Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Штеттинъ, и большія навигаціонныя компаніи.

2. Но съ другой стороны мы видимъ, что тѣ мѣста земного шара, гдѣ обосновывается нѣмецкая торговля, остаются слабыми пунктами, которые вмѣстѣ съ коммерческимъ флотомъ требуютъ защиты отъ нападеній. Это тѣмъ болѣе необходимо, что новые тріумфы Германіи, ея мирныя завоеванія, возбуждаютъ зависть, создаютъ неизбѣжныя соревнованія и всякаго рода конфликты. На морѣ, на отдаленныхъ берегахъ по ту сторону океана, возникнутъ новыя затрудненія: разрѣшить ихъ можетъ только одно оружіе: могучій военный флотъ.

Вотъ двѣ основныя мысли Вильгельма: связать съ моремъ экономическое развитіе страны и покровительствовать этому, создавъ военный флотъ.

Такъ какъ одно неразрывно связано съ другимъ, то и обѣ эти мысли Вильгельма безъ конца имъ развиваются и сплетаются въ его рѣчахъ. Но чтобы судить или критиковать морскую политику кайзера, нужно расчленить эти его положенія, нужно знать, о какой именно точкѣ зрѣнія идетъ рѣчь, о торговой или военной, или о двухъ вмѣстѣ.

Кампанія въ защиту флота.

Мысль о важномъ значеніи «морского владычества» стала теперь общимъ мѣстомъ и большая часть идей Вильгельма по этому вопросу теперь кажется намъ избитой; но не нужно забывать, что, когда кайзеръ началъ распространять эти идеи въ Германіи, онѣ были для большинства и новыми, и слишкомъ смѣлыми. Общее мнѣніе было таково, что сила Германіи покоится на арміи и нѣтъ настоятельной необходимости въ военномъ флотѣ. Тѣмъ болѣе, что линія нѣмецкихъ береговъ слишкомъ незначительна по сравненію съ общей поверхностью германской имперіи. Для большинства нѣмцевъ вопросъ о морѣ былъ безразличенъ еще и потому, что объединеніе имперіи еще не успѣло утвердиться въ общемъ сознаніи и жители Саксоніи, Баваріи, Бадена и Вюртемберга не считали, чтобъ у нихъ было много общихъ интересовъ съ Гамбургомъ или Любекомъ.

Нужно было повсюду вызвать интересъ къ морю, къ навигаціи и портамъ; заставить понять, что ганзейскій союзъ работаетъ въ общихъ интересахъ, что имѣть броненосцы чрезвычайно важно.

Вильгельмъ II повелъ настоящую кампанію и привелъ ее къ желанному концу съ настойчивостью и искусствомъ, дѣйствительно необыкновенными. Мы не можемъ привести здѣсь всѣхъ его усилій, которыя начались тотчасъ же по

воцареніи и продолжались все время. Императоръ весь отдался своей идеѣ, употребивъ всю свою власть и вліяніе на проведеніе ея въ жизнь; посѣщеніе на миноноскахъ разныхъ городовъ, экскурсіи въ большіе порты; собственноручные рисунки и чертежи императора для членовъ парламента, осмотръ флота рейхстагомъ; лекціи и частныя бесѣды, постоянное личное наблюденіе и всякаго рода поощренія флотскимъ офицерамъ и директорамъ большихъ морскихъ компаній, рѣчи, телеграммы, письма, помощь морской германской лигѣ,—все было пущено въ ходъ, чтобы заинтересовать нѣмецкій народъ въ пользу флота. Успѣхъ достигался медленно, но безспорно, и теперь можно сказать, что Вильгельмъ выигралъ свое дѣло. Кайзеръ самъ это констатировалъ во многихъ своихъ рѣчахъ, изъ которыхъ мы приведемъ наиболѣе характерныя. 17 іюня 1889 года въ Брунсбуттелѣ, во время гонки судовъ (распространеніе этого спорта было однимъ изъ многочисленныхъ средствъ для развитія любви къ морю),—Вильгельмъ говоритъ:

«Мой принципъ—находить повсюду новыя точки отправленія для нашей дѣятельности. Позднѣе же наши внуки разовьютъ ихъ и воспользуются тѣмъ, что мы пріобрѣли для нихъ. *Мои соотечественники медленнымъ путемъ пришли къ пониманію значенія моря, океана, навигаціи: но теперь это чувство явилось*, а разъ искра идеи у нѣмца зажглась, то не далеко и до воспламененія. Такъ будетъ и здѣсь».

14 сентября 1898 года Вильгельмъ, въ отвѣтъ на поднесенный ему адресъ, телеграфируетъ въ бюро морской лиги:

«Пусть патріотическая дѣятельность лиги и всѣхъ ея членовъ способствуетъ болѣе глубокому укрѣпленію въ нѣмецкомъ народѣ убѣжденія, что могущественное раз-

витіе нашихъ силъ на морѣ необходимо и что сильный флотъ является однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій для поддержанія величія имперіи и развитія нашихъ экономическихъ интересовъ».

Въ октябрѣ 1899 года въ рѣчи къ экипажу крейсера «Kaiser», возвращавшемуся послѣ взятія Кіао-Чіао, Вильгельмъ говоритъ:

«Благодареніе Богу, всѣ въ Германіи, отъ мала до велика, старые и молодые слѣдятъ съ интересомъ и любовью за военными судами, выполняющими далеко отъ родины свою задачу».

Воззваніе къ коммерсантамъ.

Для содержанія военнаго флота необходимо, какъ и въ другихъ странахъ, согласіе парламента. Вильгельмъ сталъ добиваться этого согласія, имѣя въ виду вполнѣ опредѣленныя практическія соображенія, и получилъ его.

Онъ зналъ, что большинство не будетъ съ нимъ заодно до тѣхъ поръ, пока онъ не привлечетъ на свою сторону промышленниковъ и коммерсантовъ, которые, въ общемъ, смотрятъ на расходы по вооруженію довольно недоброжелательно. Задачей Вильгельма было постараться доказать имъ, что въ ихъ же интересахъ дать деньги на флотъ, что они вернутъ ихъ съ избыткомъ. Вотъ что говоритъ Вильгельмъ 20 іюня 1902 года въ такомъ исключительно промышленномъ городѣ, какъ Крефельдъ:

«Подъ скипетромъ моихъ предковъ городъ получилъ такое развитіе, какого никто не могъ бы предвидѣть. Ваше производство извѣстно теперь всему міру. Но вы знаете, что при всемъ вашемъ усердіи, промышленность ваша можетъ процвѣтать только въ томъ случаѣ, если могущественный монархъ поддерживаетъ всеобщій миръ. Мои предки и я, насколько могли, стремились къ упроченію

этого мира. Съ тѣхъ поръ, какъ Крефельдъ и Пруссія стали не только одной страной, но и частью великой германской имперіи, создалась та сила, которая позволяетъ Европѣ мирно и спокойно работать. Наша армія охраняетъ наши границы и мы со всѣхъ сторонъ встрѣчаемъ къ себѣ уваженіе и довѣріе.

«Но вы, *представители коммерческаго города, вы понимаете, что кромѣ арміи необходимо еще нѣчто другое: это нашъ флотъ.* За время исторіи вашего города вы могли понять, что значитъ, когда на иностранныхъ берегахъ развѣвается нѣмецкій флагъ, внушающій уваженіе къ военнымъ германскимъ судамъ въ тѣхъ чужеземныхъ странахъ, къ которымъ они пристаютъ. Необходимо для васъ же, чтобы сильный, могущественный флотъ охранялъ ваши торговыя суда и давалъ вамъ возможность спокойно торговать всюду вашимъ товаромъ. И я думаю, что, отдавая всѣ свои заботы на развитіе нашихъ морскихъ силъ, я оказываю лучшую услугу всѣмъ промышленнымъ и торговымъ городамъ. Я твердо убѣжденъ, что каждый вновь спущенный военный корабль является новой гарантіей для поддержанія мира и обезпечиваетъ новые успѣхи вашей работы».

Военный флотъ.

Императоръ Фридрихъ III умеръ 15 іюня 1888 года. Въ тотъ же день императоръ Вильгельмъ II обратился съ рескриптомъ къ арміи и флоту. Манифестъ къ народу былъ опубликованъ только три дня спустя. Это былъ первый случай, чтобы императоръ, принимая власть, обращался къ флоту. Вотъ текстъ этого обращенія:

«Въ моментъ чрезвычайной важности съ первыми своими словами я обращаюсь къ флоту.

«Едва я успѣлъ снять трауръ по незабвенномъ дѣдѣ моемъ, императорѣ Вильгельмѣ, который еще въ про-

шломъ году въ Килѣ выражалъ удовольствіе по поводу развитія флота, и вотъ опять знамена склоняются надъ гробомъ моего любимаго отца, такъ живо интересовавшагося успѣхами морского дѣла.

«Но великое горе укрѣпляетъ духъ и сердце человѣка и потому, храня въ памяти образъ моего дѣда и моего отца, будемъ смотрѣть на будущее съ надеждой.

«Моряки знаютъ, что я очень радъ тѣмъ внѣшнимъ узамъ, которыя меня съ ними связуютъ. Какъ и мой горячо любимый братъ Генрихъ, я чувствую къ нимъ живѣйшій интересъ.

«Тотъ, кто живетъ среди моряковъ, знаетъ, что каждый изъ нихъ готовъ пожертвовать своей жизнью ради чести германскаго знамени.

«Поэтому я могу быть увѣренъ, что въ серьезную минуту мы будемъ вмѣстѣ и, какъ въ счастливые дни, такъ и въ несчастные, всегда будемъ готовы пролить нашу кровь за честь нѣмецкаго знамени и во славу отечества.

Вильгельмъ».

Нѣмецкій флотъ насчитывалъ тогда 27 старыхъ, обветшалыхъ, никуда не годныхъ броненосца и 23 крейсера, не менѣе древнихъ; въ общемъ, съ точки зрѣнія военной, можно было сказать, что его просто не было. То, что онъ представляетъ собою сегодня, чѣмъ будетъ завтра, объ этомъ почти ежедневно трактуется въ англійскомъ парламентѣ, а въ газетахъ то и дѣло упоминается о количествѣ нѣмецкихъ дредноутовъ. И это—личная заслуга Вильгельма II.

Его планъ резюмировался въ двухъ словахъ: сдѣлать для флота то, что его дѣдъ сдѣлалъ для сухопутной арміи, и, такимъ образомъ, создать такое же прочное положе-

ніе германской имперіи на всемъ земномъ шарѣ, какимъ она пользуется въ Европѣ съ 1870 года.

Подобно тому какъ сильная нѣмецкая армія сохраняетъ миръ въ Европѣ, такъ сильный военный флотъ предотвратитъ всѣ конфликты, и обезпечитъ свободное развитіе нѣмецкой торговли и промышленности, оградивъ ихъ отъ всякихъ помѣхъ:

«То, что мой дѣдъ сдѣлалъ для сухопутной арміи, я, сдѣлаю для флота; я буду дѣйствовать безъ всякаго колебанія, я продолжу и закончу свое дѣло реорганизаціи флота такимъ образомъ, чтобы мои морскія силы стали на одинаковой высотѣ съ сухопутными. Тогда германская имперія сможетъ занять то міровое положеніе, котораго она пока еще не имѣетъ. Съ этими двумя арміями я надѣюсь осуществить, съ Божьей помощью, слова Фридриха-Вильгельма I: «Для того, чтобы чего-нибудь добиться въ этомъ мірѣ, одного пера и бумаги недостаточно, если ихъ не поддерживаетъ сила оружія».

Такъ говорилъ кайзеръ 1 января 1900 года. Морская программа Вильгельма помѣчена датой 1900 года, но только теперь можно оцѣнить всю полноту этой программы.

Вильгельму II немало приходилось страдать отъ того плачевнаго состоянія, въ которомъ находился его флотъ. Но это страданіе и досада дѣлали еще болѣе непоколебимымъ его рѣшеніе преобразовать или, вѣрнѣе, создать свой флотъ.

Въ апрѣлѣ 1897 года въ Англіи праздновался юбилей королевы Викторіи, шестидесятилѣтіе ея царствованія. Германія была представлена на торжествѣ старымъ крейсеромъ *Король Вильгельмъ*, которымъ командовалъ принцъ Генрихъ.

24 апрѣля императоръ посылаетъ своему брату слѣдующую телеграмму:

«Я глубоко сожалѣю, что не имѣю возможности представить въ твое распоряженіе для праздника лучшаго корабля, чѣмъ *Король Вильгельмъ*, когда всѣ другія страны будутъ блистать своими великолѣпными броненосцами. Это печальное слѣдствіе происковъ тѣхъ антипатріотовъ, которые умѣютъ мѣшать сооруженію самыхъ необходимыхъ судовъ. *Но я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока мой флотъ не будетъ стоять на такой же высотѣ, какъ армія*».

Если число судовъ германскаго флота еще не велико и въ настоящій моментъ, то императоръ утѣшается военными качествами своего народа и тѣмъ духомъ, которымъ воодушевлены его моряки. Каждый годъ онъ присутствуетъ на присягѣ морскихъ рекрутовъ и всегда ободряетъ ихъ рѣчью. Вотъ что говоритъ имъ кайзеръ въ Килѣ 4 января 1892 года.

«Нашъ флотъ еще не великъ по сравненію съ флотомъ нашихъ враговъ, но зато онъ силенъ дисциплиной и подчиненіемъ всѣхъ моряковъ Верховному Владыкѣ и своему начальству».

Никто не станетъ теперь отрицать, что, направляя всю дѣятельность своего народа въ сторону океана и создавая сильный военный флотъ, Вильгельмъ обнаружилъ большую проницательность. Среди всѣхъ его усилій въ этомъ направленіи выдѣляется одинъ актъ, который недавно еще служилъ предметомъ спора и только теперь начинаетъ оцѣниваться по достоинству: это пріобрѣтеніе Германіей острова Гельголанда.

Расположенный противъ устьевъ Эльбы, господствуя надъ входомъ и въ нее и въ кильскій каналъ, надъ эстуаріей Везера, покровительствуя или угрожая

Гамбургу, Бремену, Вильгельмсгафену и Куксгафену, этотъ островъ по своему стратегическому положенію занимаетъ первоклассное мѣсто. Если бы онъ остался въ рукахъ англичанъ, то германскій флотъ очутился бы въ такомъ состояніи подчиненія, которое сдѣлало бы почти невозможною защиту береговъ.

Въ настоящее время этотъ островъ сильно укрѣпленъ и представляетъ собой первоклассную стратегическую базу для операцій германскаго флота въ Сѣверномъ морѣ.

Пріобрѣтеніе этого острова было постояннымъ личнымъ стремленіемъ Вильгельма: его не скупясь осыпали насмѣшками по этому поводу. Но теперь, когда морская война между Германіей и Англіей считается повсемѣстно по меньшей мѣрѣ возможной, почти вѣроятной, важное значеніе Гельголанда для Германіи оцѣнивается иначе.

И императоръ стремился къ обладанію этимъ островомъ, понимая значеніе и всѣ послѣдствія этого пріобрѣтенія въ будущемъ. 1 іюля 1890 года, вступая во владѣніе Гельголандомъ, онъ обращается къ морякамъ со слѣдующими словами:

«Этотъ островъ предназначенъ быть бастіономъ на морѣ, охраной для нѣмецкихъ рыбаковъ, точкой опоры для моихъ военныхъ судовъ, убѣжищемъ и защитой нѣмецкаго моря отъ всякаго врага, который бы вздумалъ тамъ показаться».

Въ заключеніе этой главы, приведемъ знаменитыя слова Вильгельма II, сказанныя имъ въ Штеттинѣ 23 сентября 1890 г. по поводу открытія новаго порта:

«НАШЕ БУДУЩЕЕ НА МОРѢ».

XIV.

Отношенія съ Англіей.

Идиллическій періодъ.

Въ жилахъ Вильгельма II течетъ англійская кровь, онъ внукъ королевы Викторіи. Въ началѣ его царствованія отношенія между Германіей и Англіей, такъ же какъ и личныя отношенія королевскихъ семей, были самыя сердечныя.

Королева Викторія жила довольно долго въ Берлинѣ вскорѣ послѣ смерти императора Вильгельма I. Тогда же у нея былъ разговоръ съ Бисмаркомъ, заинтересовавшій въ то время всю Европу.

Въ августѣ 1889 года императоръ Вильгельмъ отдалъ визитъ англійскому двору. Въ Осборнѣ, на семейномъ банкетѣ, королева Викторія пожаловала своему внуку чинъ адмирала британскаго флота. Вильгельмъ же, въ свою очередь, преподнесъ своей бабкѣ званіе шефа 1-го драгунскаго гвардейскаго полка, а герцогу кэмбриджскому— шефа 28 пѣхотнаго полка.

Соперничество.

Разумѣется, вопросъ о флотѣ долженъ былъ неизбѣжно нарушить эту прекрасную гармонію и охладить отношенія между обѣими странами. Вся безопасность Англіи, можно сказать, само ея существованіе покоятся на флотѣ. Не имѣя арміи, способной выдержать борьбу съ какой-

нибудь великой европейской державой, владѣя имперіей, части которой разбросаны по всему земному шару, вынужденная снабжать себя провіантомъ при посредствѣ моря, Англія должна была неизбѣжно установить неоспоримое морское верховенство, и не только надъ одной какой-нибудь великой державой, но надъ всѣми. Морское владычество было для нея не честолюбивой мечтой, а абсолютной жизненной необходимостью. Это сознаніе доминировало во всей англійской политикѣ.

Отсюда ясно, какое волненіе должно было вызвать въ Англіи это заявленіе Вильгельма: «Наше будущее на морѣ», какъ и его пропаганда необходимости сооруженія сильнаго флота, не уступающаго его арміи, и, наконецъ, быстрый, безостановочный ростъ числа нѣмецкихъ броненосцевъ. Цѣлью кайзера было нарушить то отсутствіе равновѣсія на морѣ, которое Англія считаетъ себя обязанной поддерживать, какъ условіе своего существованія.

Одновременно съ разногласіемъ въ морской политикѣ обѣихъ странъ, невѣроятный успѣхъ нѣмецкихъ портовъ сѣвернаго моря, прогрессъ ихъ навигаціонныхъ компаній, развитіе нѣмецкой торговли и промышленности, вытѣснявшихъ англійскіе продукты на всѣхъ міровыхъ рынкахъ, все это вызвало сильное безпокойство въ Великобританіи и мало-по-малу создало отвращеніе ко всему, что *Made in Germany*.

Англійскій флотъ и германская армія.

Желаніе Вильгельма сдѣлать для флота то, что его дѣдъ сдѣлалъ для сухопутной арміи, нарушило добрыя англо-германскія отношенія. Въ началѣ своего царствованія, въ томъ періодѣ, который мы назвали «идиллическимъ», кайзеръ видѣлъ вещи совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и въ своихъ рѣчахъ по поводу жгучаго, животрепещущаго вопроса о флотѣ—высказывалъ взгляды діаметрально противоположнаго характера.

Вотъ его тогдашніе взгляды: нужно поддерживать всеобщій миръ (этотъ пунктъ, по крайней мѣрѣ, остается у него все время неизмѣннымъ), Англія и Германія и подѣлили между собой въ извѣстной степени эту задачу. Англійскій флотъ гарантируетъ миръ своимъ владычествомъ на морѣ,— германская армія, наисильнѣйшая въ Европѣ, играетъ ту же роль на сушѣ. Такимъ образомъ, англійскій флотъ и германская армія обезпечиваютъ всеобщій миръ.

Таковъ взглядъ Вильгельма, высказанный имъ въ Англіи, въ августѣ 1889 г., во время его перваго путешествія послѣ коронаціи.

5-го августа кайзеръ принималъ участіе въ гонкѣ судовъ и въ отвѣтъ на тостъ принца Уэльскаго—позднѣе Эдуарда VII—сказалъ слѣдующее:

«Я очень цѣню ту честь, которой удостоила меня королева Викторія, назначивъ меня адмираломъ англійскаго флота. Я очень радъ, что мнѣ пришлось произвести смотръ вашему флоту, который я считаю самымъ прекраснымъ въ мірѣ. *Германія владѣетъ арміей, отвѣчающей ея нуждамъ, Англія же имѣетъ необходимый ей флотъ то и другое учитывается въ Европѣ, какъ очень важное условіе для сохраненія мира».*

Англо-германскій союзъ.

Въ первые годы царствованія Вильгельма II отношенія между Англіей и Германіей оставались самыми дружескими. Въ 1890 г. было заключено соглашеніе, по которому Англія уступала Германіи Гельголандъ, въ обмѣнъ на протекторатъ надъ Занзибаромъ. Въ 1891 г.—новый визитъ въ Англію германской императорской четы. И кайзеръ вновь подтверждаетъ свои миролюбивыя, дружескія чувства. 10 іюля 1891 г., въ отвѣтъ на тостъ лордъ-мэра, онъ говоритъ:

«Въ этой прекрасной странѣ, я чувствую себя всегда, какъ у себя дома, какъ внукъ королевы Викторіи, имя которой всегда будетъ прославляться, потому что благородство характера и мудрое правленіе этой великой женщины сдѣлали ея царствованіе великимъ благомъ для Англіи. Къ тому же, въ жилахъ англичанъ и нѣмцевъ течетъ одна и та же кровь. Слѣдуя примѣру моего дѣда и незабвеннаго отца, я буду дѣлать все отъ меня зависящее, чтобы поддержать историческую дружбу обѣихъ націй, такъ часто соединявшихся для защиты свободы и справедливости.

«Когда я вижу, какъ здѣсь, умныхъ людей, способныхъ оцѣнить серьезность и правильность моихъ намѣреній, я чувствую себя увѣреннѣе. *Моя цѣль прежде всего въ сохраненіи мира:* только миръ можетъ внушать довѣріе, необходимое для широкаго развитія науки, искусства и торговли».

Въ 1892 г. кайзеръ вновь посѣщаетъ Англію; съ 30 іюля до 9 августа онъ принимаетъ участіе въ гонкахъ судовъ. Въ январѣ же 1893 г. герцогъ эдинбургскій посѣщаетъ императорскую семью въ Берлинѣ. Во время большихъ торжествъ въ его честь, на банкетѣ 22 января въ королевскомъ дворцѣ, Вильгельмъ говоритъ знаменательныя слова; они показываютъ намъ, насколько тѣснымъ онъ считалъ единеніе Англіи съ Германіей, о которомъ мы упоминаемъ.

На этотъ разъ онъ опредѣленно говоритъ о возможности войны,—все съ тѣмъ же неизмѣннымъ врагомъ всеобщаго мира,—гдѣ Англія съ Германіей пойдутъ рука объ руку.

«Англійскій флотъ служитъ образцомъ для германскаго не только съ точки зрѣнія технической и научной; для германскихъ офицеровъ англійскіе моряки, Нельсонъ и

многіе другіе, являются звѣздами, на которыя устремляются ихъ взоры и съ которыхъ они берутъ примѣръ; потому что нѣмцы полны не меньшей любовью къ своему отечеству, чѣмъ герои вашей благородной націи.

«Я убѣжденъ, что если бы германскій флотъ имѣлъ своимъ спеціальнымъ назначеніемъ лишь обезпеченіе и сохраненіе мира, онъ, однако, исполнилъ бы свой долгъ и въ томъ случаѣ, еслибъ ему пришлось сражаться.

«И если настанетъ день, когда германскій флотъ пойдетъ бокъ-о-бокъ съ англійскимъ противъ общаго врага, то знаменитыя слова, сказанныя величайшимъ англійскимъ адмираломъ передъ Трафальгарской битвой: «Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ»,—найдутъ откликъ и въ сердцахъ нѣмецкихъ моряковъ».

Такимъ образомъ, отношенія обѣихъ націй нельзя считать просто дружественными: это уже настоящій союзъ. Въ этотъ періодъ, мысль и воспоминаніе Вильгельма о совмѣстныхъ битвахъ обѣихъ странъ постоянно повторяются въ его рѣчахъ. Въ этомъ духѣ говоритъ онъ и 6 августа 1889 г., по окончаніи маневровъ, на которыхъ присутствовалъ. Вотъ его слова во время завтрака, у герцога кембриджскаго:

«Мой дѣдъ, до самой своей смерти, оставался вѣренъ дружбѣ съ Англіей, дружбѣ, получившей боевое крещеніе. При Мальпляке и Ватерлоо нѣмецкая и англійская кровь лилась ради общаго дѣла. Англійская армія вызываетъ во мнѣ самое глубокое восхищеніе. Если я когда-нибудь услышу сомнѣніе въ достоинствѣ арміи волонтеровъ, я всегда смогу привести въ примѣръ англійскую армію и засвидѣтельствовать ея высокія качества».

По стопамъ Англіи.

Но въ это время въ головѣ у Вильгельма уже забродила мысль о собственномъ флотѣ, *ему тоже* захо-

тѣлось имѣть флотъ. Онъ представляетъ проектъ, насколько возможно безобидный для Англіи. Онъ только ученикъ, который старается воспользоваться уроками, своихъ учителей. Германскій флотъ беретъ себѣ за образецъ англійскій, рядомъ съ которымъ Германіи, быть можетъ, выпадетъ когда-нибудь честь сражаться ради общаго дѣла.

26 іюня 1895 г. англійскій флотъ Ла Манша присутствовалъ на празднованіи открытія кильскаго канала. На борту англійскаго броненосца *Royal Sovereign* Вильгельмъ выступилъ со слѣдующими словами:

«Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ нашъ флотъ, мы старались всегда руководствоваться постановкой этого дѣла у васъ. Исторія англійскаго флота такъ же знакома нашимъ офицерамъ и морякамъ, какъ и вашимъ».

Впрочемъ свою любовь ко всему, что касается флота, Вильгельмъ любитъ объяснять своимъ англійскимъ происхожденіемъ.

Такъ, 30 октября 1889 г., въ Пиреѣ, въ отвѣтъ на тостъ англійскаго адмирала Гопкинсъ, Вильгельмъ говоритъ:

«Можно подумать, что мой интересъ къ англійскому флоту начинается съ момента пожалованія мнѣ чина адмирала; но это совершенно не вѣрно. Съ самаго моего ранняго дѣтства, еще ребенкомъ, играя въ портсмутскомъ арсеналѣ, я очень интересовался англійскими судами».

Все это носитъ чрезвычайно мирный и дружественный характеръ. Но ядро соперничества, долженствующее разъединить Англію и Германію, уже намѣчается ясно.

Разрывъ.

Въ августѣ 1895 г. Вильгельмъ снова ѣдетъ въ Англію, чтобы присутствовать на гонкахъ. На этотъ разъ онъ былъ встрѣченъ крайне недоброжелательно англійской печатью, что, разумѣется, немедленно вызвало негодующіе отвѣты со стороны нѣмецкой прессы. Это было началомъ натянутости въ отношеніяхъ, которая уже не прекращалась.

Причиной англійскаго недовольства послужилъ протестъ Германіи противъ заключенія договора между Англіей и государствомъ Конго,—договора, угрожавшаго нѣмецкимъ интересамъ въ Африкѣ. Естественно, разъ только германская имперія стала думать о своемъ экономическомъ расширеніи за предѣлами Европы и захотѣла упрочить сбытъ своихъ продуктовъ,—эра конфликтовъ съ Англіей должна была неминуемо начаться.

Къ первому мотиву недовольства не замедлили присоединиться и другіе. Начиная съ 24 декабря 1895 г. нѣмецкій консулъ въ Преторіи жалуется на то, что англичане готовятся въ Іоганненсбургѣ къ войнѣ съ бурами. 1 января онъ телеграфируетъ, что войска Chartered Company вступили на территорію Трансвааля: знаменитый набѣгъ Джэмсона.

3 января 1896 г. Вильгельмъ II телеграфируетъ президенту Крюгеру:

«Приношу вамъ мои искреннія поздравленія съ тѣмъ, что вамъ удалось, *не обращаясь къ помощи иностранныхъ державъ*, прогнать со своимъ народомъ, своими собственными силами вооруженныя банды, явившіяся нарушить миръ вашей страны. Радуюсь, что вамъ удалось возстановить порядокъ и защитить независимость вашего народа».

Взрывъ негодованія былъ отвѣтомъ Англіи. Въ Лондонѣ происходили демонстраціи противъ нѣмецкихъ торговыхъ домовъ, а газеты набросились на кайзера съ неописуемой

яростью. Однакоже, Вильгельмъ, вѣрный своей системѣ, не переставалъ при всякомъ удобномъ случаѣ публично выражать свою симпатію къ Англіи и свое желаніе поддерживать дружескія отношенія между обѣими державами.

4 сентября 1898 года, на площади Ватерлоо въ Ганноверѣ было совершено торжественное богослуженіе, послѣ котораго императоръ обратился къ войскамъ съ рѣчью. Текстъ этой рѣчи, къ сожалѣнію, не былъ опубликованъ, но сущность ея по газетнымъ отчетамъ такова:

«Императоръ напомнилъ войскамъ, что они стоятъ передъ исторической колонной, воздвигнутой въ память битвы при Ватерлоо, гдѣ англичане и нѣмцы бились, какъ братья, во имя общаго дѣла. Нѣсколько часовъ назадъ англичане одержали въ Африкѣ побѣду надъ врагомъ, превосходящимъ его своей численностью. Королева Англіи— шефъ нѣмецкаго полка и, слѣдовательно, она принадлежитъ къ нѣмецкой арміи, поэтому императоръ предлагаетъ войскамъ прокричать въ ея честь «ура».

Побѣда, о которой упомянулъ императоръ, была одержана при Омдурманѣ Китчнеромъ надъ дервишами.

Въ 1899 году императоръ предпринялъ новое путешествіе въ Англію; былъ въ Виндзорѣ, но въ Лондонъ не показался. Въ 1901 г. умираетъ королева Викторія. Какъ только было объявлено о ея болѣзни, императоръ Вильгельмъ выѣхалъ къ ней съ большою поспѣшностью, что было въ Англіи отмѣчено и оцѣнено.

Послѣ этого между кайзеромъ и Эдуардомъ VII происходятъ постоянныя свиданія; Вильгельмъ очень часто наѣзжаетъ въ Англію, постоянно говоритъ о томъ, что онъ ея другъ и дѣлаетъ видъ, что не знаетъ о существованіи

хотя бы малѣйшаго несогласія между политиками обѣихъ странъ.

А между тѣмъ безчисленные инциденты не перестаютъ разжигать обоюдную неприязнь. Одно изъ крупныхъ недоразумѣній возникло вскорѣ послѣ одного продолжительнаго пребыванія кайзера въ Англіи осенью 1907 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до знаменитаго интервью *Daily Telegraph*.

Письмо къ лорду Твидмутъ.

6 марта 1908 года газета Times опубликовала слѣдующее письмо своего военнаго корреспондента, полковника Репингтона:

«Я считаю своимъ долгомъ просить васъ обратить общественное вниманіе на одно очень важное обстоятельство.

«До моего свѣдѣнія дошло, что Его Императорское Величество, императоръ Германіи, обратился недавно къ лорду Твидмутъ съ письмомъ по поводу морской политики Англіи и Германіи. Утверждаютъ, что это письмо написано съ намѣреніемъ повліять, въ интересахъ Германіи, на министра, отвѣтственнаго за морской бюджетъ. Достовѣрность этого письма внѣ всякаго сомнѣнія и на него былъ данъ отвѣтъ.

«Принимая во вниманіе, что оно сдѣлалось уже секретомъ полишенеля и что многія лица, къ несчастію, освѣдомлены о немъ, я беру на себя смѣлость просить, чтобы и письмо, и отвѣтъ на него были немедленно сообщены парламенту».

«Times, въ передовой статьѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ комментируетъ письмо своего корреспондента:

«Послѣ цѣлой недѣли дебатовъ о мѣрахъ защиты, письмо нашего военнаго корреспондента вызоветъ тягостное недоумѣніе и справедливое негодованіе среди англійскаго народа.

«Нужно быть слишкомъ наивнымъ, чтобы думать, что письмо императора Вильгельма могло преслѣдовать какую-нибудь другую цѣль, кромѣ интересовъ Германіи.

«Германскій императоръ имѣетъ почетный чинъ адмирала англійскаго флота; подобное пожалованіе—обычный династическій пріемъ; если же этотъ чинъ, полученный императоромъ, какъ знакъ простой любезности, позволяетъ чужеземному государю вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла и обращаться секретно къ начальнику того департамента, на отвѣтственности котораго лежитъ національная безопасность, то уничтоженіе этихъ прекрасныхъ династическихъ пріемовъ является самой безотлагательной необходимостью.

«Если германскій императоръ желаетъ что-нибудь намъ сообщить, то для этого существуютъ офиціальные пріемы и способы сношенія съ англійскимъ правительствомъ.

«Никакія частныя отношенія съ правительственными лицами не извиняютъ желанія императора обойти законные пріемы и прибѣгнуть къ вліянію этихъ лицъ, какъ частныхъ людей.

«Страна въ правѣ требовать опубликованія и письма, и отвѣта на него.

«Быть можетъ, скажутъ—мы надѣемся, во всякомъ случаѣ, что на это не хватитъ смѣлости,—что письмо императора носитъ частный характеръ. Но въ вопросахъ подобнаго рода никакого частнаго характера быть не можетъ.

«Лордъ Твидмутъ правительственное должностное лицо, письмо оттого ему и было послано, что онъ лицо должностное, и обращались къ нему по поводу положенія дѣлъ, имѣющихъ для страны громадное значеніе.

«Опубликованіе письма абсолютно необходимо. Урокъ, который получитъ страна изъ этого факта, очевиденъ.

«Если раньше оставалось хоть малѣйшее сомнѣніе

въ томъ значеніи, какое имѣетъ ростъ морскихъ силъ Германіи, то всякое сомнѣніе исчезаетъ теперь, послѣ поползновенія императора воздѣйствовать на отвѣтственнаго министра въ смыслѣ благопріятномъ для Германіи и для всѣхъ ея приготовленій къ тому, чтобы насъ превзойти».

Въ тотъ же день, въ концѣ засѣданія палаты общинъ, Асквитъ выступилъ со слѣдующей декларацiей:

«18 февраля лордъ Твидмутъ получилъ отъ императора Германіи письмо, написанное въ дружескомъ тонѣ, чисто личнаго и частнаго характера. (*Аплодисменты*). Отвѣтъ лорда Твидмутъ въ равной мѣрѣ былъ частнаго характера. Кабинету ничего не было извѣстно ни о письмѣ, ни объ отвѣтѣ, ни вообще объ этомъ фактѣ. Къ тому же и рѣшеніе кабинета относительно морского бюджета было имъ принято еще до прибытія письма».

Инцидентъ былъ исчерпанъ. Но онъ оживилъ прежнюю вражду, усиленную соперничествомъ вооруженія, обратилъ вниманіе на личную политику Вильгельма II и подготовилъ ужаснѣйшій кризисъ октября 1908 г., вызванный интервью *Daily Telegraph*. Объ этомъ мы будемъ говорить уже въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

XV.

Вильгельмъ II и Франція.

Политика сближенія.

Вильгельмъ II вступилъ на престолъ въ то время, когда во Франціи мысль о войнѣ, какъ о реваншѣ, была болѣе, чѣмъ когда-либо популярна. 1888 и 1889 годы были отмѣчены событіями, которыя кажутся намъ теперь очень далекими и неважными: популярность генерала Буланже, какъ военнаго министра, его назначеніе командиромъ 13-го армейскаго корпуса, его вынужденный уходъ черезъ столкновеніе съ новымъ министерствомъ, 26 мая 1888 года, вся его шумная, побѣдная, но быстро окончившаяся карьера,—все это теперь производитъ впечатлѣніе вспышки соломы. Но въ 1888 и 1889 годахъ можно было подумать, что результатомъ этихъ событій явится перемѣна въ государственномъ устройствѣ и, можетъ быть, европейская война. По ту сторону Рейна въ этомъ были даже убѣждены и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за малѣйшими манифестаціями лиги патріотовъ, каждый день ожидая, что вспыхнетъ повсемѣстный пожаръ.

Какъ разъ въ моментъ этого кризиса, Вильгельмъ II вступаетъ на престолъ, со своей репутаціей боевого солдата, мечтающаго только о войнахъ и лаврахъ. Мы видѣли, что кайзеръ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы опро-

вергнуть это мнѣніе. Съ другой стороны, бѣгство генерала Буланже и процессъ верховнаго суда положили во Франціи конецъ періоду воинственныхъ волненій.

Отношенія между Франціей и Германіей улучшаются настолько, что императоръ начинаетъ думать о возможности сближенія хотя бы на почвѣ искусства. Въ 1891 г. въ Берлинѣ должна была открыться международная художественная выставка; императоръ Вильгельмъ убѣдилъ свою мать, императрицу Фредерику, отправиться въ Парижъ и побудить французскихъ художниковъ прислать свои произведенія. Императрица, въ сопровожденіи принцессы Маргариты, прибыла въ Парижъ и остановилась въ германскомъ посольствѣ 18 февраля 1891 г. Сначала казалось, что ея миссія удастся: художники и газеты отнеслись довольно сочувственно къ предложенію императрицы. Но уже 25-го февраля собраніе лиги патріотовъ выразило свой горячій протестъ по этому поводу, а 26-го произошли враждебныя для императрицы манифестаціи. Художники, тѣснимые дурными предчувствіями, отказались выставить свои произведенія въ Берлинѣ; было рѣшено, что лучше бы поторопить выѣздъ императрицы изъ Парижа. Этотъ инцидентъ больно задѣлъ общественное мнѣніе Германіи, возложившей всю отвѣтственность за него на императора. Послѣдній отвѣтилъ Франціи мѣрой репрессіи: введеніемъ для французовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи необыкновенно суровой паспортной системы.

Но въ то же время, Вильгельмъ II не переставалъ пользоваться разными случаями, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе Франціи.

18 октября 1893 г., по случаю смерти Макъ-Магона, онъ отправляетъ его вдовѣ почтительную и сочувственную телеграмму; 25 іюня 1894 г., вслѣдъ за убійствомъ президента Карно, Вильгельмъ раньше другихъ самодержавныхъ государей телеграфируетъ г-жѣ Карно. Два

офицера французскаго флота, уличенные въ Германіи въ шпіонажѣ, присуждаются къ шести и четыремъ годамъ заключенія въ крѣпости; Вильгельмъ же милуетъ ихъ въ знакъ своей симпатіи, какъ онъ говоритъ, къ огорченной Франціи. Президентъ республики Казиміръ Перье отправляется въ посольство, чтобы выразить графу Мюнстеру свою благодарность. Въ январѣ 1895 г. новая сочувственная телеграмма кайзера лейтенанту Канроберту по случаю смерти его отца.

На этотъ разъ попытки Вильгельма къ сближенію съ Франціей привели къ положительному и важному результату: Франція присутствуетъ на открытіи кильскаго канала, представленная своей эскадрой.

17 іюля 1896 г. графъ Мюнстеръ офиціально заявляетъ, что Германія приметъ участіе въ выставкѣ 1900 г. Катастрофа на благотворительномъ базарѣ 4 мая 1897 г. и гибель «Бургундіи» опять даютъ кайзеру случай выразить Франціи свое сочувствіе. 7 іюля 1899 г., во время своего крейсированія въ Норвегіи, Вильгельмъ встрѣчаетъ школьное французское судно «Инфигенію», которому дѣлаетъ визитъ. На другой же день на борту «Гогенцоллерна» онъ принимаетъ офицеровъ и делегацію отъ учениковъ. По этому случаю между кайзеромъ и президентомъ Лубе происходитъ обмѣнъ телеграммъ.

Мы не собираемся излагать здѣсь исторію отношенія Германіи съ Англіей и Франціей въ царствованіе Вильгельма II. Перечисляя демонстративныя проявленія симпатіи кайзера къ Франціи, мы этимъ хотимъ только показать ту позицію, которую онъ пытался занять по отношенію къ ней. При всякомъ удобномъ случаѣ Вильгельмъ выставляетъ свое стремленіе къ самымъ любезнымъ отношеніямъ въ духѣ миролюбія. Но, выдавая себя за защитника европейскаго мира, кайзеръ открыто и не могъ держаться никакой другой тактики.

Разумѣется, это ему не мѣшаетъ продолжать свою политику. Послѣ сближенія Англіи съ Франціей въ 1904 г. и Мароккскаго дѣла отношенія между Германіей и Франціей настолько обострились, что можно было постоянно ждать открытаго конфликта. Повидимому, въ теченіе всего этого періода Германія больше всего боялась, какъ бы Франція не была увлечена въ проекты англійской политики «окруженія» *(encerclement)*. Въ самый острый моментъ кризиса, она все еще не переставала надѣяться, что Франція отойдетъ отъ британской политики и перейдетъ на сторону Германіи.

При всякомъ удобномъ случаѣ и въ самые острые моменты Вильгельмъ не переставалъ доказывать своими поступками, въ родѣ описанныхъ нами, что онъ желаетъ примириться съ общественнымъ мнѣніемъ Франціи.

Изъ всего того, что мы видѣли, можно заключить, что Вильгельмъ II поставилъ себѣ цѣлью сближеніе Германіи съ Франціей. Какимъ путемъ? Это мы увидимъ, занявшись разборомъ жгучаго вопроса, раздѣляющаго обѣ страны.

Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ.

По этому поводу Вильгельмъ II высказывался съ ясностью, не оставляющей никакого сомнѣнія: о возвращеніи Франціи хотя бы части Эльзасъ-Лотарингіи не можетъ быть и рѣчи. Если онъ и желаетъ сближенія, то, конечно, только на почвѣ statu quo, предполагая, что о совершившихся фактахъ не можетъ быть уже спора.

Въ моментъ его вступленія на престолъ, въ газетахъ появились замѣтки о томъ, что отецъ императора, Фридрихъ III, хотѣлъ сблизить Германію съ Франціею на почвѣ уступки послѣдней части завоеваній 1871 года.

Вильгельмъ возстаетъ противъ самой возможности такого желанія своего отца въ рѣчи, произнесенной имъ на открытіи памятника Фридриху-Карлу прусскому во Франкфуртѣ на Одерѣ, 6 авг. 1888 г.:

«Есть люди, у которыхъ хватаетъ совѣсти утверждать, что мой отецъ собирался отдать обратно то, что онъ завоевалъ своей шпагой вмѣстѣ съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ. Всѣ мы слишкомъ хорошо его знали, чтобы молчать хоть одну минуту передъ такимъ оскорбленіемъ его памяти. Онъ думалъ такъ же, какъ и мы; изъ завоеваній великой эпохи ничто не можетъ быть отдано обратно. Я вѣрю, что вся наша армія и всѣ мы держимся на это одного взгляда: скорѣе мы оставимъ на полѣ битвы восемнадцать корпусовъ нашей арміи и сорокъ два милліона жителей, чѣмъ уступимъ хотя бы одинъ камень изъ того, что завоевалъ мой отецъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ».

Вильгельмъ II, пользуется малѣйшимъ поводомъ, чтобы дать понять Эльзасъ-Лотарингіи несбыточность ея надеждъ на возсоединеніе съ Франціей.

4 сентября 1892 г. на завтракѣ въ военномъ собраніи въ Мецѣ императоръ заканчиваетъ свой тостъ обращеніемъ къ лотарингцамъ:

«Объединенная германская имперія обезпечиваетъ вамъ миръ;—*вы—нѣмцы, и, съ помощью Бога и нѣмецкаго меча, всегда ими и останетесь*».

При всемъ своемъ миролюбіи кайзеръ не колеблясь заявляетъ, что нѣмецкая армія стоитъ на стражѣ того, чтобы помѣшать нарушенію франкфуртскаго договора и что, если это только понадобится для цѣльности и неприкосновенности германской имперіи, онъ не задумываясь, обнажитъ мечъ.

18 октября 1895 г., на открытіи памятника императору Фридриху на мѣстѣ сраженія при Вёртѣ, Вильгельмъ произноситъ слѣдующую рѣчь:

«Передъ памятникомъ благороднаго побѣдителя, нашего покойнаго императора, мы, молодое поколѣніе, клянемся сохранять то, что онъ завоевалъ силою оружія, клянемся защищать ту корону, которую онъ сковалъ, охранять эту землю, принадлежащую имперіи, противъ кого бы то ни было, и сохранить ее нѣмецкой. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и нѣмецкая шпага».

Поэтому, онъ старается доказать Эльзасъ-Лотарингіи, что ей остается только примириться съ своимъ новымъ отечествомъ.

14 марта 1891 года, въ отвѣтъ на просьбу делегаціи представителей Эльзасъ-Лотарингіи уничтожить паспортную систему, кайзеръ говоритъ:

«Благодарю васъ за доказательство вашей вѣрности германской имперіи, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время исполнить ваше желаніе я не могу. Я долженъ ограничиться выраженіемъ надежды, что въ недалекомъ будущемъ обстоятельства позволятъ мнѣ облегчить ваше заграничное передвиженіе. Эта надежда осуществится тѣмъ скорѣе, чѣмъ раньше населеніе Эльзасъ-Лотарингіи проникнется сознаніемъ *неразрывности узъ, связывающихъ его съ Германіей*, и чѣмъ раньше и опредѣленнѣе выразитъ оно свое рѣшеніе быть непоколебимо вѣрнымъ мнѣ и моей имперіи».

Можно бы привести еще множество примѣровъ, характеризующихъ отношенія Вильгельма къ Эльзасъ-Лотарингіи, но и того, что сказано—болѣе, чѣмъ достаточно.

Впрочемъ, заявляя, что кровь, пролитая нѣмецкими солдатами на поляхъ битвъ въ 1870—71 гг., дѣлаетъ эту землю нѣмецкою навѣки, кайзеръ милостиво воздаетъ, однако,

должное и храбрости ихъ противниковъ, французскихъ солдатъ.

14 декабря 1891 г., при спускѣ на воду броненосца «Виссембургъ», Вильгельмъ извлекаетъ воспоминанія объ этой битвѣ, «въ которой, подъ командованіемъ кронпринца Фридриха-Вильгельма, соединенныя нѣмецкія войска въ первый разъ одержали побѣду надъ своимъ благороднымъ врагомъ».

На открытіи памятника, воздвигнутаго на полѣ битвы при Сенъ-Прива 18 авг. 1899 г., кайзеръ говоритъ:

«Облеченный въ латы ангелъ, памятникъ воздвигнутый на этомъ полѣ, обагренномъ кровью, пусть будетъ ангеломъ-хранителемъ павшихъ солдатъ обѣихъ армій, какъ нѣмецкой, такъ и французской. Французы погибли тоже славной смертью, сражаясь за своего императора и отечество. Послѣ того, какъ наши знамена склонятся передъ этой статуей, грустно развѣваясь надъ могилами нашихъ дорогихъ товарищей, я желаю, чтобы они распростерлись также и надъ останками нашихъ противниковъ и прошептали имъ, что мы глубоко чтимъ отважныхъ бойцовъ, что мы полны къ нимъ уваженія и полны печали».

Всѣ эти оттѣнки проявленія чувствъ Вильгельма къ Франціи необходимо знать для того, чтобы понять позицію, занятую кайзеромъ по отношенію къ этой странѣ.

Припомнимъ мысли Вильгельма о превосходствѣ германской расы, о божественной миссіи его народа, о предопредѣленіи самимъ Богомъ побѣдъ 1870—1871 г.; Вильгельмъ I и его «паладины» являлись только орудіемъ небесной воли, передъ которой нужно склониться.

Припомнимъ также, что кайзеръ не желаетъ пожинать

лавры на поляхъ битвы, а хочетъ вести новую нѣмецкую имперію къ экономической міровой побѣдѣ.

Иначе говоря, онъ желаетъ, чтобы, съ одной стороны, Германія имѣла такую силу, которая принудила бы всѣхъ и безъ всякаго возраженія признать ея территоріальное *statu quo* въ Европѣ, и, съ другой стороны, чтобы никто не осмѣливался подъ страхомъ войны и сопряженныхъ съ нею военныхъ издержекъ—задерживать движенія ея торговли и промышленности.

Вся политика Вильгельма по отношенію къ Франціи клонилась къ тому, чтобы избѣжать войны, какъ реванша, не дѣлая, разумѣется, никакихъ уступокъ въ вопросѣ о Эльзасъ-Лотарингіи.

Въ то же время кайзеръ не смотритъ на Францію, какъ на помѣху экономическому развитію имперіи, если только она не дастъ себя увлечь англійской политикѣ, какъ это было, напримѣръ, въ марокккскомъ вопросѣ.

Такимъ образомъ сближенія онъ желалъ совершенно искренно.

Вѣрно ли Вильгельмъ толковалъ образъ мысли французовъ и понималъ ихъ общественное мнѣніе, могъ ли его планъ найти себѣ осуществленіе—это ужъ другой вопросъ. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя считать, чтобы онъ желалъ войны съ Франціей, какъ и нельзя разсчитывать, чтобы онъ былъ готовъ пойти на уступки, которыя мы, французы, считаемъ обязательными.

XVI.

Вильгельмъ II и общественное мнѣніе.

Бурный періодъ.

Ни одно ораторское выступленіе Вильгельма II не проходило незамѣченнымъ. Что же касается его большихъ рѣчей, то онѣ вызывали обыкновенно цѣлыя бури, волнуя и затрагивая рѣшительно всѣхъ.

Настоящая книга не задается цѣлью ни защищать, ни нападать на Вильгельма, ея задача—только ознакомить съ нимъ. Мы думаемъ, что на основаніи многочисленныхъ выдержекъ изъ рѣчей кайзера и выводовъ, которые изъ нихъ слѣдуютъ, можно прійти къ заключенію, что Вильгельмъ II обладаетъ замѣчательной и своеобразной мыслительной способностью, поэтому и впечатлѣніе, производимое его рѣчами, вполнѣ понятно.

Что же касается того, правъ ли былъ кайзеръ, высказывая при всякомъ удобномъ случаѣ такъ шумно и высокомѣрно свои взгляды—это ужъ вопросъ иной, судить о которомъ мы здѣсь не беремся. Намъ хотѣлось дать самые необходимые факты, на основаніи которыхъ можно было бы составить правильное мнѣніе, но мы ни въ коемъ случаѣ не собирались производить оцѣнку личности кайзера.

Поэтому мы и ограничимся перечисленіемъ нѣкоторыхъ

фактовъ, необходимыхъ для того, чтобы понять значеніе постоянныхъ разногласій у Вильгельма съ общественнымъ мнѣніемъ Германіи.

Кризисъ 1908 года.

Съ самаго начала царствованія кайзера, на него горячо нападали, сурово осуждая невоздержанность его языка. Намъ уже приходилось упоминать о поединкахъ между Вильгельмомъ и «недовольными».

Наконецъ общее недовольство вылилось въ форму настоящаго конфликта въ 1908 году.

Факты еще свѣжи въ памяти у всякаго: 28 октября 1908 года англійская газета *Daily Telegraph* опубликовала интервью императора, главныя выдержки изъ котораго мы и приводимъ:

Интервью Daily Telegraph.

«Вы, англичане, попросту ошалѣли! Что это за подозрѣнія, совершенно недостойныя великой націи?

«Что могу я сдѣлать болѣе того, что сдѣлалъ?

«Я высказалъ, насколько могъ, ясно, въ своей рѣчи въ Guildhall'ѣ, что я всей душой на сторонѣ мира, что самое мое искреннее желаніе быть съ Англіей въ наилучшихъ отношеніяхъ.

«Развѣ я не сдержалъ своего слова?

«Лукавство и ложь чужды моей натурѣ, да и факты должны были бы говорить сами за себя. Но вы, вы прислушиваетесь къ тѣмъ, кто ихъ объясняетъ ложно и кто искажаетъ ихъ.

«Я смотрю на это, какъ на личное для себя оскорбленіе.

«Эти вѣчно ложныя толкованія, ревнивыя недовѣрія на всѣ мои завѣренія въ дружбѣ... все это можетъ положить конецъ моему терпѣнію.

«Десять разъ я повторялъ, что я другъ Англіи, а между тѣмъ ваша пресса, если не вся, то въ большой своей части, требуетъ, чтобы англійскій народъ оттолкнулъ мою

дружбу, и бросаетъ мнѣ оскорбленіе, заявляя, что, протягивая Англіи одну руку, въ другой я держу для нея кинжалъ. Какъ могу я переубѣдить націю противъ ея желанія?

«Повторяю, я другъ Англіи, но говоря правду, благодаря вамъ, повторять это мнѣ становится довольно трудно.

«Моя задача не изъ легкихъ. Большая часть низшаго и средняго класса моего народа не питаетъ къ Англіи особенно дружескихъ чувствъ, значитъ остается меньшинство, то меньшинство, которое меня слышитъ, состоящее, правда, изъ лучшихъ элементовъ; но вѣдь и въ Англіи только меньшинство хорошо относится къ Германіи.

«Это вторая причина, почему я вамъ простить не могу вашего нежеланія довѣрять моей дружбѣ.

«Я борюсь безпрерывно за улучшеніе англо-германскихъ отношеній, а у васъ на это одинъ отвѣтъ: что я вашъ врагъ. Почему?..

Южно-африканская война.

«Но это еще не все: въ декабрѣ 1899 г., когда для васъ наступили темные дни, когда несчастья шли одно за другимъ, я получилъ отъ королевы Викторіи, моей уважаемой бабки, письмо, полное скорбныхъ и мрачныхъ думъ, снѣдавшихъ, повидимому, ея душу и здоровье.

«Я ей отвѣтилъ тотчасъ же въ самомъ дружескомъ тонѣ; я не ограничился этимъ: я просилъ одного изъ моихъ офицеровъ насколько возможно точнѣе опредѣлить наличный составъ обѣихъ армій, сражавшихся на югѣ Африки, и ихъ настоящее положеніе. Съ помощью статистическихъ данныхъ, которыя мнѣ были представлены, я намѣтилъ планъ военной кампаніи и телеграфомъ сообщилъ его въ Англію. Этотъ документъ находится и сейчасъ въ государственныхъ бумагахъ Виндзора, ожидая безпристрастнаго суда исторіи.

«Любопытное совпаденіе: позвольте добавить, что планъ мой въ главныхъ своихъ штрихахъ оказался оди-

наковымъ съ тѣмъ, который былъ утвержденъ лордомъ Робертсомъ.

«Что же, по-вашему, и въ этомъ случаѣ я дѣйствовалъ какъ человѣкъ, желающій зла Англіи? Пусть англичане будутъ справедливы и отвѣтятъ на мой вопросъ.

Желтая опасность.

«Германская имперія еще молода, но она на пути развитія; у нея уже есть міровая торговля, которая широко и быстро развивается, торговля, для которой вполнѣ законное честолюбіе нѣмецкихъ патріотовъ не желаетъ ставить никакихъ границъ.

«Германія должна имѣть сильный флотъ, чтобы охранять свою торговлю и свои интересы въ болѣе отдаленныхъ моряхъ. Она надѣется, что интересы эти не перестанутъ расти; сообразно съ этимъ флотъ и долженъ обезпечивать ихъ безопасность во всѣхъ уголкахъ міра.

«Германія высоко держитъ голову, глядя въ будущее; передъ ней раскрываются широкіе горизонты; она должна готовиться ко всякимъ случайностямъ на Дальнемъ Востокѣ. Кто скажетъ, какія событія разыграются въ Тихомъ океанѣ, и можетъ быть совсѣмъ не въ такомъ отдаленномъ будущемъ, какъ большинство предполагаетъ?

«Подумайте объ успѣхахъ Японіи, вдумайтесь въ національное пробужденіе Китая и судите о тѣхъ проблемахъ, которыя придется разрѣшать въ Тихомъ океанѣ. Когда наступитъ моментъ разрѣшенія этихъ проблемъ, только державы, владѣющія сильнымъ флотомъ, будутъ выслушаны съ уваженіемъ, и ужъ ради одного этого у Германіи долженъ быть могущественный флотъ.

«Можетъ случиться, что Англія сама будетъ счастлива имѣть германскій флотъ на своей сторонѣ, когда интересы великихъ націй столкнутся и онѣ заговорятъ всѣ вмѣстѣ».

Это интервью было объявлено на другой же день газетой *Koelnische Zeitung*, какъ достовѣрное. Длинныя выдержки изъ него были приведены и въ *Norddeutsche Zeitung*, офиціальной берлинской газетѣ. Эти деклараціи вызвали повсюду волненіе, не забытое еще и теперь. Въ Германіи же они были толчкомъ ужаснѣйшаго движенія противъ императора, руководимаго соціалистами и либералами. Враги Вильгельма обвиняли его въ томъ, что онъ ведетъ свою личную политику, совершенно независимую отъ политики его министровъ, что онъ смотритъ на себя какъ на абсолютнаго монарха, а не какъ на конституціоннаго, что, наконецъ, своими заявленіями и поступками, не одобренными никакимъ отвѣтственнымъ министромъ и помимо парламента, онъ впутываетъ Германію въ международные конфликты. Мрачные дни.

Общественное мнѣніе Германіи было до крайности возбуждено и возмущено безцеремоннымъ образомъ дѣйствія кайзера и тѣмъ изумительнымъ искусствомъ, съ которымъ онъ велъ свою линію. Всѣ недовольства и несогласія, всѣ старые счеты—все было использовано; была минута, когда казалось, что буря потрясетъ тронъ Гогенцоллерновъ.

И вдругъ весьма странное обстоятельство представило всю эту исторію совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Вильгельма II обвиняли въ томъ, что онъ дѣйствуетъ не какъ конституціонный монархъ. Случай далъ ему возможность оправдаться въ этомъ совершенно.

31 октября *Norddeutsche Zeitung* помѣстила слѣдующую замѣтку: Небрежность Бюлова.

«Значительная часть иностранной прессы занялась критикой личности императора по поводу его интервью, опубликованнаго въ *Daily Telegraph*. Газеты считаютъ, что императоръ, допуская опубликованіе своихъ рѣчей, не

предупредилъ объ этомъ отвѣтственныхъ правительственныхъ лицъ имперіи, и смотрятъ на это какъ на установленный фактъ. Это совершенно невѣрно.

«Императоръ получилъ отъ одного частнаго лица, англичанина, рукописный проектъ статьи, въ которую входила серія бесѣдъ Его Величества въ разное время и съ разными лицами. Рукопись сопровождалась просьбой о разрѣшеніи опубликовать прилагаемую статью. При чемъ просьба эта объяснялась желаніемъ ознакомить возможно большее число англійскихъ читателей съ взглядами Его Величества, высказанными имъ, и, такимъ образомъ, способствовать добрымъ отношеніямъ между Англіей и Германіей. Этотъ проектъ статьи императоръ препроводилъ канцлеру, а тотъ передалъ бумагу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, поручивъ разсмотрѣть ее съ величайшимъ вниманіемъ. Въ докладѣ, составленномъ министромъ по этому вопросу, не было сдѣлано ни одного возраженія противъ опубликованія предполагаемой статьи, каковое и состоялось. Когда же нѣмецкій канцлеръ ознакомился съ ея содержаніемъ, уже въ печати, то заявилъ императору, что самъ онъ не читалъ проекта статьи, такъ какъ иначе не оставилъ бы его безъ возраженія и отсовѣтовалъ бы печатать. Снимая всякую отвѣтственность съ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, канцлеръ во всемъ случившемся винилъ только себя. Одновременно, канцлеръ подалъ императору прошеніе объ отставкѣ, но императоръ оставилъ это прошеніе безъ послѣдствій».

Теперь, когда читаешь это объясненіе спокойно, на разстояніи, многое въ этомъ приключеніи кажется страннымъ и подозрительнымъ. Странно то, что иниціатива опубликованія рѣчей кайзера шла отъ Англіи, что англичанинъ хотѣлъ это сдѣлать для улучшенія англо-германскихъ отношеній и что послѣ всего этого англійская

пресса такъ вознегодовала. Такимъ образомъ, добрыя намѣренія англичанина, столь искусно подобравшаго застольныя рѣчи императора, оказались изъ числа тѣхъ намѣреній, которыми, какъ говорится, вымощенъ адъ.

Затѣмъ, участіе канцлера въ этомъ дѣлѣ положительно изумительно.

Онъ снисходительно признаетъ себя отвѣтственнымъ за свой чудовищный промахъ, въ которомъ, однако, не раскаивается ни одной минуты.

Императоръ вручаетъ ему для прочтенія документъ,— онъ его не читаетъ, небрежно отсылаетъ своему подчиненному и затѣмъ позволяетъ себѣ объявить, что если бы онъ его прочелъ, то не оставилъ бы безъ возраженія. Почему же онъ не исполнилъ своей обязанности своевременно? Или почему не молчалъ послѣ?

Признавая, что печатать англійскую компиляцію было большой ошибкой, Бюловъ, съ неподражаемымъ великодушіемъ, которымъ онъ любуется самъ, беретъ на себя всю вину, со всѣми ея послѣдствіями. Но тутъ же онъ заявляетъ, что его просьба объ отставкѣ была чистой самоотверженностью и что императоръ объ этой отставкѣ не хочетъ и слышать, считая такой актъ преданности чрезмѣрнымъ.

Въ данное время трудно понять, какимъ образомъ гроза не обрушилась на голову Бюлова, почему не обсуждалась роль Англіи и почему, наконецъ, не разсмотрѣли болѣе внимательно текстъ интервью, чтобы видѣть, дѣйствительно ли онъ обнаруживаетъ такія маккіавеллистическія замашки въ императорѣ и такое невѣроятное коварство?

Но въ ту минуту никто не размышлялъ: общественное мнѣніе было крайне возбуждено противъ Вильгельма, на него одного желали все свалить и покончить съ нимъ разъ навсегда.

Запросъ въ рейхстагѣ.

Вопросъ былъ, разумѣется, перенесенъ въ рейхстагъ, гдѣ и долженъ былъ разыграться главный актъ драмы. Это произошло 10 ноября 1908 года. Въ продолженіе всего дневнаго засѣданія съ трибуны неслись самыя ожесточеныя нападки на кайзера; все, что накопилось и противъ личности Вильгельма, и противъ его политики за всѣ двадцать лѣтъ, все это было извлечено и высказано безъ пощады.

Наконецъ, поднимается Бюловъ. Значеніе всего этого инцидента въ исторіи царствованія Вильгельма II такъ велико, что я считаю необходимымъ привести рѣчь канцлера почти дословно.

«Господа,

«Я не буду останавливаться на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые обсуждались предшествующими ораторами. Я долженъ думать о томъ впечатлѣніи, какое произведутъ мои слова за границей и не хочу увеличивать то зло, которое вызвано извѣстной статьей *Daily Telegraph (Слушайте, слушайте!)* Тѣмъ, кто ждетъ отъ меня отвѣта, я скажу слѣдующее: Его Императорское Величество имѣлъ въ разное время съ многими англичанами частныя бесѣды, которыя и были опубликованы въ *Daily Telegraph*. Я сомнѣваюсь, чтобы всѣ подробности этихъ бесѣдъ были переданы точно. *(Правые: слушайте, слушайте!)*

«Во всякомъ случаѣ, одна изъ нихъ не отвѣчаетъ дѣйствительности: я говорю объ исторіи *плана кампаніи (Правые: слушайте, слушайте)*. Дѣло шло не о выработанномъ во всѣхъ деталяхъ планѣ кампаніи, а о чисто академическихъ идеяхъ. *(Смѣхъ среди соціалистовъ)*.

Планъ кампаніи.

«Господа, мы присутствуемъ при дебатахъ весьма серьезнаго характера. *(Одобреніе на правой)*. Вопросъ, о которомъ я говорю, чрезвычайно важенъ и имѣетъ огромное политическое значеніе. Я буду вамъ благодаренъ, если вы меня выслушаете спокойно. Я постараюсь быть, по возможности, кратокъ.

«Повторяю: здѣсь дѣло было не въ выработкѣ плана кампаніи, а въ простыхъ академическихъ идеяхъ. Въ письмахъ, которыми Его Величество обмѣнивался съ королевой Викторіей,—эти идеи были обозначены, кажется, какъ афоризмы «о способѣ вести войну вообще». Это были не имѣющія никакого практическаго значенія теоретическія разсужденія о ходѣ военныхъ операцій и объ исходѣ войны.

«Начальникъ главнаго штаба генералъ Мольтке и его предшественникъ графъ Шлиффенъ заявили оба, что главный штабъ дѣйствительно представилъ Его Величеству докладъ о южно-африканской войнѣ, но что подобные доклады онъ дѣлалъ всегда, когда вспыхивала гдѣ-нибудь большая или маленькая война; оба же они удостовѣрили, что *главный штабъ никогда не разрабатывалъ плана кампаніи* или чего-нибудь подобнаго для южно-африканской войны. Точно такъ же никакой работы императора не было ни отправлено въ Англію, ни разсмотрѣно штабомъ. *(Правые и центръ: слушайте, слушайте!)*

«Я долженъ также возразить и противъ упрека въ нашей двусмысленной политикѣ *по отношенію къ бурамъ*. Мы своевременно предупреждали буровъ, это установлено документами. Мы ясно дали понять Трансваальской республикѣ, что въ случаѣ войны она будетъ предоставлена себѣ самой. Въ маѣ же 1899 г. мы ей совѣтовали и прямо, и черезъ посредство дружественнаго ей голландскаго правительства, чтобы она попыталась столковаться съ Англіей, такъ какъ въ конечномъ исходѣ войны не могло быть никакого сомнѣнія. Вопросъ о нашемъ *вмѣшательствѣ* былъ слишкомъ раздутъ. Этотъ вопросъ, хорошо всѣмъ извѣстный, еще недавно былъ предметомъ полемики между *National Review* и *Deutsche Revue*.

«Говорили, что сообщенія императора относительно посредничества или вмѣшательства Германіи, оставшагося

безъ послѣдствій, противорѣчатъ всѣмъ правиламъ дипломатіи.

«Господа, я не желаю напоминать о тѣхъ нетактичныхъ поступкахъ, какими такъ богата исторія дипломатіи всѣхъ странъ.

«Самая правильная политика, пожалуй, та, которой нѣтъ надобности бояться гласности. Для того, чтобы судить, дѣйствительно ли были выданы конфиденціальные секреты, нужно было знать и всѣ обстоятельства, имѣющія прямое отношеніе къ дѣлу, да и не въ томъ освѣщеніи, какое было дано въ *Daily Telegraph*.

Германія и Англія.

«Я только что замѣтилъ, господа, что въ статьѣ *Daily Telegraph* были употреблены слишкомъ сильныя выраженія. Это относится, главнымъ образомъ, къ тому моменту, гдѣ императоръ якобы говоритъ, что *большинство нѣмецкаго народа питаетъ враждебныя чувства къ Англіи*. Между Германіей и Англіей дѣйствительно были недоразумѣнія, и недоразумѣнія, къ сожалѣнію, очень важныя но я знаю, что слова мои встрѣтятъ сочувствіе этого высокаго собранія, если я скажу, что *нѣмецкій народъ желаетъ поддерживать съ англійскимъ народомъ мирныя и корректныя отношенія* на почвѣ обоюднаго уваженія. *(Одобренія.)* И я констатирую, что ораторы всѣхъ партій высказались именно въ этомъ смыслѣ. *(Одобренія.)*

Желтая опасность.

«Точно такъ же употреблены слишкомъ сильныя выраженія и въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь касается нашихъ интересовъ въ Тихомъ океанѣ. Эти слова истолковываются въ смыслѣ враждебномъ Японіи. Это совершенно неправильно. По отношенію къ дальнему Востоку у насъ были только такого рода намѣренія: получить и поддержать для Германіи право на участіе въ *торговлѣ* на Дальнемъ Востокѣ, такъ какъ это имѣетъ важное экономическое значеніе.

«Наши морскія сооруженія объясняются вовсе не аг-

рессивными намѣреніями по отношенію къ Европѣ. Императоръ, вмѣстѣ съ отвѣтственнымъ правительственнымъ лицомъ, вполнѣ признаетъ то высокое *политическое значеніе, которое пріобрѣлъ японскій народъ благодаря своей энергіи и военнымъ качествамъ*. Германская политика вовсе не считаетъ необходимымъ ставить японскому народу ограниченія въ пользованіи и развитіи его пріобрѣтеній.

«Въ общемъ, господа, мое впечатлѣніе таково, что если бы все это было изложено вѣрно, подробно и точно въ той формѣ, въ какой дѣйствительно было сказано, то дѣло не надѣлало бы такого шуму. Можно сказать, что произведенное впечатлѣніе превзошло самый фактъ.

«Прежде всего матеріальная сторона не должна заслонять собою психологическую, т.-е. *тенденцію*. Въ теченіе двухъ лѣтъ, при условіяхъ часто очень неблагопріятныхъ, всѣ усилія императора были направлены къ тому, чтобы *установить дружественныя отношенія между Англіей и Германіей*. Въ своемъ искреннемъ и законномъ стремленіи императору приходилось бороться съ препятствіями, которыя обезкуражили бы большинство людей.

«Съ точки зрѣнія чисто человѣческой вполнѣ понятно, что нашъ народъ *принялъ горячее участіе въ бурахъ*. Сочувствіе къ слабымъ—черта характера чрезвычайно симпатичная; но это сочувствіе часто вело къ самымъ неумѣреннымъ нападкамъ на Англію; точно такъ же и со стороны Англіи были допущены злыя и несправедливыя нападки на Германію. Повторяю, что наши намѣренія были дурно истолкованы и что намъ приписали то, о чемъ мы никогда и не помышляли.

Цѣль императора.

«Императоръ, въ справедливомъ убѣжденіи, что подобное положеніе дѣлъ является не только несчастіемъ для обѣихъ націй, но и опасностью для всего цивилизованнаго міра, продолжалъ преслѣдовать поставленную

себѣ цѣль. Вообще, нужно признать глубоко несправедливымъ по отношенію къ императору—всякое сомнѣніе *въ чистотѣ его намѣреній*, въ идеализмѣ, которымъ проникнутъ его взглядъ на вещи, и, наконецъ, въ его глубокой любви къ родинѣ. Господа, мы хотимъ избѣжать всего того, что можетъ показаться заискиваніемъ передъ иностранцами, а также и того, что можетъ быть принято за нерѣшительность или желаніе уцѣпиться за другихъ. Но я прекрасно понимаю, что императоръ, при его искреннихъ стараніяхъ установить хорошія отношенія съ Англіей не могъ не почувствовать себя задѣтымъ вѣчными нападками на его особу съ цѣлью дискредитировать его лучшія намѣренія.

«Въ частной бесѣдѣ съ англійскими друзьями императоръ и хотѣлъ доказать, говоря о своемъ отношеніи къ Англіи во время критическаго для него періода,—что о немъ судятъ совершенно невѣрно.

Торжественныя обѣщанія.

«Господа, тотъ фактъ, что опубликованіе словъ императора не произвело въ Англіи того впечатлѣнія, на которое Его Императорское Величество надѣялся, вызвавъ въ то же время въ Германіи глубокое волненіе и тяжелыя сожалѣнія, этотъ фактъ вынудитъ императора—я въ этомъ твердо увѣренъ—соблюдать на будущее время *даже въ частныхъ бесѣдахъ, извѣстную осторожность, необходимую для единства нашей политики и для престижа короны. Если же этого не будетъ, то и я, и мои преемники вынуждены будемъ отказаться отъ всякой отвѣтственности.*

«Господа, какъ я уже заявилъ въ *Norddeutsche Zeitung*, я беру на себя всю отвѣтственность за ошибку администраціи, допустившей опубликованіе въ *Daily Telegraph* рукописи, о которой идетъ рѣчь.

«Мое нравственное чувство не дозволяетъ мнѣ дѣлать изъ чиновниковъ, исполнявшихъ всегда свой долгъ, какихъ-то козловъ отпущенія; ихъ вина только въ томъ, что они

слишкомъ положились на меня, зная, что я всегда все просматриваю самъ и кладу послѣднюю резолюцію.

«Я глубоко сожалѣю, что допустилъ эту брешь въ дѣлопроизводствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, исправно функціонировавшемъ подъ моимъ начальствомъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ. *Но я ручаюсь, что болѣе этого не повторится* и что мною будутъ приняты соотвѣтственныя мѣры справедливо и нелицепріятно, кого бы онѣ ни касались. *(Браво!)*

«Когда появилась статья *Daily Telegraph*, въ злостномъ впечатлѣніи которой я не могъ сомнѣваться ни на одну минуту, я подалъ въ отставку. Необходимость этого рѣшенія была очевидна; но оно не было для меня тягостнымъ. Самымъ серьезнымъ и тяжелымъ для меня моментомъ за время всей моей политической карьеры былъ тотъ, когда я, слѣдуя желанію императора, рѣшилъ остаться при своихъ обязанностяхъ. Я рѣшился на это потому только, что счелъ своимъ политическимъ долгомъ въ эту трудную минуту остаться служить своему императору и отечеству. *(Бурные аплодисменты). Сколь долго это окажется для меня возможнымъ,—это вопросъ будущаго.*

«Теперь же я хочу сказать еще слѣдующее: въ моментъ, когда общее положеніе требуетъ самаго серьезнаго вниманія, когда дѣло идетъ о сохраненіи нашего внѣшняго положенія, о томъ чтобы безъ всякаго бахвальства, спокойно и настойчиво сумѣть добиться уваженія къ нашимъ интересамъ, когда, словомъ, положеніе болѣе чѣмъ серьезно, мы не должны проявлять трусости и малодушія, не должны несчастье превращать въ катастрофу.

«Я хочу воздержаться отъ критики всѣхъ тѣхъ преувеличеній, которыя намъ пришлось слышать послѣдніе дни. Зло не столь велико,—и я надѣюсь, что, поразмысливъ, вы въ этомъ убѣдитесь сами,—чтобы его нельзя было исправить настойчивостью. Конечно, никто не долженъ забывать

того предостереженія, которое намъ дали событія послѣднихъ дней. Но мы не должны проявлять передъ иностранными державами слабость, изъ которой противники наши могли бы заключить, что имперія парализована и внутри, и во внѣ. Представителямъ націи придется теперь соблюдать особую осторожность, отвѣчающую серьезности положенія. То, что я говорю, необходимо не для меня, а для страны. Такая кооперація—есть нашъ долгъ, отъ котораго это высокое собраніе не отречется». *(Бурные апплодисменты.)*

Вильгельмъ обѣщаетъ молчать.

17-го ноября Бюловъ отправляется къ императору, чтобы изложить ему ходъ дѣла и просить его подписаться подъ тѣми обязательствами, которыя онъ принялъ на себя его именемъ, въ рѣчи, только что приведенной нами.

Въ тотъ же вечеръ *Regierungsanzeiger* передаетъ содержаніе ихъ бесѣды въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Сегодня, во время аудіенціи, которою былъ удостоенъ канцлеръ имперіи, князь Бюловъ, Его Императорское Величество Императоръ и Король выслушалъ, представленный ему канцлеромъ, докладъ. Въ этомъ докладѣ князь Бюловъ излагаетъ настроеніе нѣмецкаго народа, вызванное опубликованіемъ статьи *Daily Telegraph*, а также и причины, вызвавшія это настроеніе.

«Затѣмъ онъ объяснилъ занятое имъ самимъ положеніе на дебатахъ по поводу интерпелляцій въ рейхстагѣ.

«Его Императорское Величество съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ объясненія канцлера и выразилъ слѣдующую свою волю:

«Не придавая значенія преувеличеннымъ толкамъ, которые императоръ считаетъ несправедливыми, Его Императорское Величество считаетъ, однако, своимъ высокимъ

долгомъ удостовѣрить твердость имперской политики, стоя на стражѣ ея конституціонной отвѣтственности.

«Согласно этому взгляду, Его Императорское Величество подтвердилъ заявленія, сдѣланныя въ рейхстагѣ имперскимъ канцлеромъ, и выразилъ князю Бюлову свое прежнее довѣріе».

Два года Вильгельмъ II свято держалъ обѣщанія, данныя канцлеромъ отъ его имени: онъ хранилъ молчаніе, или говорилъ только въ тѣсномъ, интимномъ кругу, а публично выступалъ съ офиціальными рѣчами, текстъ которыхъ редактировался канцлеромъ.

Но 21 августа 1910 года кайзеръ вышелъ изъ этого подневольнаго состоянія и поразилъ міръ рѣчью, въ которой вновь вылился весь Вильгельмъ II, какимъ мы его знаемъ, со всей его безудержностью и независимостью.

Приводимъ полностью текстъ этой рѣчи, произнесенной въ Кенигсбергѣ: Рѣчь въ Кёнигсбергѣ.

«Здѣсь Великій Курфюрстъ объявилъ себя, собственной властью, самостоятельнымъ государемъ Пруссіи; здѣсь его сынъ возложилъ на свою голову королевскую корону, и, наконецъ, здѣсь Фридрихъ-Вильгельмъ I упрочилъ свою власть какъ «бронзовую скалу»; въ царствованіе Фридриха Великаго провинція дѣлила горе и радость своего правительства.

«Затѣмъ наступило тяжелое время испытаній: великій воинъ, императоръ французовъ поселился здѣсь и наложилъ свою безпощадную руку на городъ и на всю страну. Но опять-таки здѣсь же впервые осуществились мысли о возстановленіи и освобожденіи отечества и здѣсь мой дѣдъ, снова возложилъ на себя, собственной властью, корону короля Пруссіи, показавъ еще разъ вполнѣ опредѣленно, что она дарована ему только Божьей милостью, а не рѣ-

шеніемъ парламентовъ, національныхъ собраній или плебисцитовъ. Мой дѣдъ смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе, избранное самимъ Богомъ, и, какъ таковое, онъ исполнялъ свой долгъ правителя и государя. Увѣнчанный этой короной, онъ сорокъ лѣтъ тому назадъ выступилъ въ походъ, чтобы завоевать императорскую корону.

«Эпоха нашего упадка и послѣдовавшій затѣмъ періодъ возрожденія неизмѣнно связывается съ мыслью о Кенигсбергѣ и о королевѣ Луизѣ, которая, какъ ангелъ, воплощенный въ образѣ человѣческомъ, мелькнула въ странѣ и среди народа восточной Пруссіи, оставивъ по себѣ навсегда благодарную память.

«Но есть одна вещь, которую нельзя не выдвинуть особо: во время общей растерянности одна только королева никогда, ни на одну минуту, не усомнилась въ будущемъ своего отечества; и когда старые и молодые взялись за оружіе, чтобы изгнать изъ своей страны притѣснителей, образъ благородной мученицы стоялъ передъ ихъ глазами.

«Благородная королева Луиза указывала намъ, мужчинамъ, что мы должны развивать въ себѣ всѣ военныя добродѣтели. Принявъ во вниманіе огромный прогрессъ сосѣднихъ державъ, мы должны помнить, что миръ нашъ покоится только на нашемъ оружіи.

«Наши женщины должны научиться у королевы Луизы тому, что главная задача женщины сводится не къ участію ея въ собраніяхъ и союзахъ, но въ спокойныхъ занятіяхъ у семейнаго очага. Онѣ должны воспитать молодое поколѣніе въ духѣ повиновенія, должны внушить своимъ дѣтямъ, что нужно думать не о счастливой жизни за счетъ другихъ, а объ отечествѣ, которое и должно быть единственной конечной цѣлью. Каждый человѣкъ, какимъ бы дѣломъ онъ ни занимался, долженъ содѣйствовать процвѣтанію своей родины. Тотъ путь, по которому слѣдовала

благородная королева, будетъ всегда примѣромъ и для меня.

«Я твердо убѣжденъ, что всѣ собравшіеся здѣсь пруссаки поймутъ меня и пойдутъ за мною. Всѣ должны работать на благо своей родины, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни было, а примѣръ этихъ великихъ предковъ укажетъ должный путь. Считая себя орудіемъ въ рукахъ Всевышняго и глубоко равнодушный къ нынѣшнимъ взглядамъ, я слѣдую своей дорогой, посвященной исключительно благоденствію и мирному развитію отечества. Но для этого мнѣ необходимо сотрудничество каждаго въ странѣ. Увѣренный, что эти чувства всегда царятъ въ этой провинціи, я подымаю свой бокалъ за восточную Пруссію».

Эта рѣчь содержитъ въ себѣ идеи, которыя сто разъ уже были высказаны Вильгельмомъ и о которыхъ мы говорили подробно. Слѣдовательно, новаго она ничего не дастъ.

Либеральное движеніе возобновляется.

Но такъ какъ эта рѣчь явилась послѣ продолжительнаго молчанія кайзера, то она была принята частью нѣмецкаго общества какъ знакъ нарушенія договора 1908 г. и вызвала новое движеніе.

Попробовали опять начать кампанію, удавшуюся въ ноябрѣ 1908 года, и вопросъ былъ снова внесенъ въ рейхстагъ.

Бюлова уже смѣнилъ Бетманъ-Гольвегъ, да и общественное мнѣніе было настроено менѣе возбужденно.

Въ параллель къ рѣчи Бюлова, отъ 17 ноября 1908 года, мы считаемъ нужнымъ привести рѣчь Бетмана-Гольвега, произнесенную имъ въ рейхстагѣ 26 ноября 1910 года:

«Рѣчь императора въ Кенигсбергѣ нельзя считать мнѣніемъ абсолютиста, несогласнымъ съ конституціей. Но,

правда, она говорить о твердомъ монархическомъ принципѣ, объ этой правовой базѣ прусскаго государства, и выражаетъ, кромѣ того, глубокія, религіозныя убѣжденія, которыя понимаютъ и раздѣляютъ многіе классы націи. *(Шумныя одобренія справа и въ центрѣ.)*

«Нѣсколько вѣковъ создавалось прусское королевство и создалось не прусскимъ народомъ, а трудами великихъ монарховъ династіи Гогенцоллерновъ, которымъ мы обязаны единеніемъ, сначала прусской націи, а затѣмъ и прусскаго государства, чему способствовали стойкость и способность населенія. *(Аплодисменты на разныхъ скамьяхъ.)*

«Прусская конституція въ своемъ историческомъ развитіи не знаетъ концепцій суверенитета народа. Вотъ почему прусскіе короли передъ своимъ народомъ являются королями своей собственной властью; если въ наши дни со стороны демократіи болѣе настойчиво, чѣмъ когда-либо, хотятъ видѣть въ королѣ народнаго избранника, то нечего удивляться убѣжденному утвержденію императора, что никакому суверенитету народа онъ не подчиненъ.

«Отсутствіе личной отвѣтственности короля, независимость и врожденность его монархическаго права—вотъ основныя идеи нашей государственности, уцѣлѣвшія и въ періодъ конституціоннаго развитія страны».

За исключеніемъ соціалистовъ, ораторы почти всѣхъ партій высказались въ тѣхъ же выраженіяхъ и инцидентъ былъ исчерпанъ.

Реваншъ кайзера.

Вильгельмъ II получилъ удовлетвореніе за ноябрьскіе дни 1908 года, и исторія этого кризиса, на которомъ мы намѣренно задержались, должна показать, что нельзя слишкомъ довѣряться силѣ антимонархическаго настроенія въ Германіи, враждебнаго императору. Въ дѣлѣ *Daily Telegraph* много было темнаго и запутаннаго и нужно

было подчеркнуть въ немъ участіе Вильгельма, чтобы отвлечь вниманіе отъ серьезной отвѣтственности въ этой странной исторіи. Въ кенигсбергской же рѣчи, напротивъ того, нѣтъ ничего неяснаго и она только даетъ намъ великолѣпный случай составить себѣ точное представленіе о впечатлѣніи, производимомъ ораторскими выступленіями кайзера.

Въ либеральныхъ газетахъ возмутились тѣмъ, что въ Кенигсбергѣ Вильгельмъ снова повторилъ свою теорію о монархизмѣ Божьей милостью. Говорить объ этомъ, при такихъ обстоятельствахъ было, можетъ быть, и очень несвоевременно, но нужно замѣтить, что кайзеръ въ этомъ только повторяетъ Вильгельма I, только слѣдуетъ примѣру своего дѣда.

17 октября 1861 года Вильгельмъ I говорилъ въ Кенигсбергѣ: Дѣдъ и внукъ.

«Государи Пруссіи получаютъ свою корону отъ Бога. Завтра я возьму ее съ престола Божьяго и возложу на себя. Вотъ смыслъ королевской власти Божьей милостью и въ этомъ заключается ненарушимая святость короны».

18-го же октября онъ прибавляетъ:

«Божьей милостью короли Пруссіи носятъ корону уже въ теченіе ста шестидесяти лѣтъ».

Вильгельмъ I почитается теперь во всей Германіи, какъ высшій образецъ монарха. Его любятъ противопоставлять Вильгельму II. Но нужно замѣтить, чтобы хорошо понять нѣмецкій характеръ, что, по существу, оба имѣли одно и то же представленіе о своей власти и что, кромѣ того, Вильгельмъ I, при жизни и особенно до войны 1870 года, былъ еще болѣе непопуляренъ, чѣмъ его внукъ.

Великимъ дѣломъ «стараго императора» была реорганизація прусской арміи, давшая побѣды 1864, 1866 и 1870 гг. и объединеніе Германіи.

Это дѣло было совершено монархомъ и Бисмаркомъ наперекоръ общественному мнѣнію и несмотря на такую страшную оппозицію, какую врядъ ли когда-либо и приходилось видѣть.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ (1862—1866 гг.), имѣющихъ для Германіи рѣшающее значеніе, въ смыслѣ ея обновленія, прусскій парламентъ неизмѣнно отказывалъ въ утвержденіи бюджета и между королемъ и народомъ шла открытая вражда. Вотъ анекдотъ, который показываетъ, до чего дошло напряженіе:

Во время конфликта 1862 года, вызваннаго реорганизаціей арміи, какъ-то разъ императоръ Вильгельмъ съ грустью глядѣлъ на площадь Оперы изъ окна своего рабочаго кабинета (съ тѣхъ поръ это угловое окно стало знаменитымъ) и сказалъ префекту полиціи, стоявшему около него: «Посмотрите, вотъ гдѣ, когда-нибудь, воздвигнутъ мой эшафотъ». Въ 1849 году, онъ, тогда еще наслѣдный принцъ, долженъ былъ ночью бѣжать въ Англію, опасаясь раздраженнаго общественнаго мнѣнія.

А между тѣмъ, теперь, Вильгельмъ I—кумиръ Германіи. Вильгельмъ II все это знаетъ и въ минуты разлада съ общественнымъ мнѣніемъ, любитъ вспоминать объ этомъ.

Но и мы, французы, не должны забывать этого и остерегаться одного весьма рискованнаго заблужденія. Большой опасностью и большой иллюзіей было бы считать, что, въ случаѣ кризиса, Германія не пойдетъ за своимъ императоромъ. Будемъ остерегаться такихъ пріятныхъ мечтаній: Германія въ основѣ остается глубоко лойяльной; достаточно прожить въ ней нѣкоторое время, чтобы понять это.

Правда, тамъ горячо судятъ и высмѣиваютъ тотъ или

другой поступокъ Вильгельма: критика на него рѣзка, а враждебная ему печать любитъ возбуждать общественное мнѣніе. Но въ широкихъ слояхъ населенія преданность императору остается непоколебимой и, въ случаѣ опасности, эта преданность выльется въ такой энтузіазмъ, которымъ мы будемъ поражены. Вотъ о чемъ не должны забывать во Франціи.

Нѣмецкая печать.

Есть еще и другія обстоятельства, въ которыхъ необходимо отдавать себѣ отчетъ: изъ нѣмецкихъ газетъ во Франціи читаютъ, главнымъ образомъ, большія, въ родѣ *Frankfurter Zeitung* или *Tageblatt*. Эти газеты очень распространены и въ Германіи, но всѣ онѣ въ рукахъ евреевъ и всѣ защищаютъ передовыя либеральныя идеи. Само собой разумѣется, что религіозные, соціальные и политическіе взгляды Вильгельма II не могутъ вызывать къ себѣ ни малѣйшаго сочувствія въ средѣ евреевъ и радикаловъ, которые и стремятся умалить до минимума личную дѣятельность императора. Отсюда и вся эта ожесточенная критика, которая ничуть не выражаетъ чувствъ большинства нѣмецкой націи.

Точно такъ же и печать соціалистовъ отражаетъ чувства только шумливаго меньшинства, по существу если и довольно сильнаго, то все же незначительнаго въ сравненіи съ общей массой нѣмецкаго народа.

Но силою вещей во Францію проникаетъ все это скорѣе, чѣмъ взгляды людей консервативной среды; а между тѣмъ, послѣдніе-то и представляютъ собой средній выводъ нѣмецкаго мышленія. Для того, чтобы дать представленіе объ этомъ образѣ мысли, приведемъ рѣчь графа Баллештремъ, президента рейхстага, сказанную имъ по случаю празднованія сорокъ-первой годовщины дня рожденія Вильгельма II. Этотъ документъ для многихъ изъ французскихъ читателей будетъ откровеніемъ.

«Когда императоръ находится въ деревнѣ или на маневрахъ, то передъ нимъ несутъ на высокомъ древкѣ императорскій штандартъ, чтобы каждый могъ знать, гдѣ находится императоръ и генералиссимусъ. Если императоръ находится въ одной изъ своихъ резиденцій или въ одномъ изъ замковъ, тамъ тотчасъ же водружаютъ штандартъ, чтобы извѣстить городъ о прибытіи Его Императорскаго Величества. Во время пріема императоромъ гостей въ своемъ замкѣ около него все время стоитъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, очень большого роста, въ каскѣ, съ золотымъ орломъ,— и это опять-таки для того, чтобы каждый изъ приглашенныхъ зналъ, гдѣ императоръ. Такой обычай очень хорошъ, потому что народъ всегда долженъ знать, гдѣ его императоръ.

«Если это правильно съ точки зрѣнія внѣшней жизни, то насколько же оно еще цѣннѣе по отношенію къ области внутренней, моральной! Нашъ уважаемый монархъ понялъ это. Когда какой-нибудь вопросъ волнуетъ народное сознаніе, касается ли онъ соціологіи, науки, политической экономіи, нашъ императоръ всегда въ немъ принимаетъ участіе.

«Онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы публично высказать свое мнѣніе по этому вопросу и водружаетъ, такимъ образомъ, морально, свой штандартъ, по которому всякій увидитъ его издали.

«Господа, я считаю, что императоръ развертываетъ свое знамя не для того, чтобы передъ нимъ проходили мимо съ молчаливымъ поклономъ; онъ ставитъ его для того, чтобы оно было на виду, чтобы обсуждалось всѣми, кто заинтересованъ въ данномъ вопросѣ, и больше всего—представителями нѣмецкаго народа.

«Господа, Гогенцоллерны всегда были людьми, понимающими свою эпоху. Въ средніе вѣка это были рыцари въ желѣзныхъ латахъ, въ новѣйшее же время — это ве

ликіе полководцы, какъ Фридрихъ Великій и Вильгельмъ Великій. Гогенцоллерны всегда опережали другихъ государей именно потому, что они понимали духъ своего времени.

«Нашъ императоръ тоже понялъ свое время и сказалъ: «я живу въ эпоху открытой гласности: я не желаю быть такъ называемымъ конституціоннымъ монархомъ, который царствуетъ, но не управляетъ». Я думаю, что подобная роль дѣйствительно не подошла бы нашему великому императору. Недаромъ онъ всегда впереди и всегда сознаетъ то великое мѣсто, которое занимаетъ въ государствѣ благодаря своему титулу императора Германіи и короля Пруссіи, благодаря конституціи, а еще болѣе вслѣдствіе своей яркой индивидуальности.

«Господа, мы должны быть счастливы и должны благодарить Провидѣніе за то, что въ такое время оно намъ даровало такого императора. Это должно побудить насъ, насколько позволяютъ наши убѣжденія, итти навстрѣчу великимъ замысламъ нашего монарха и способствовать всѣми силами проведенію ихъ въ жизнь».

Вотъ что разнится довольно рѣзко отъ того, что приходится обыкновенно читать о Вильгельмѣ. И нужно сказать, что *такъ* думаетъ огромное большинство нѣмцевъ.

Эту точку зрѣнія необходимо знать и считаться съ нею. Для Франціи было бы величайшей опасностью дать утвердиться убѣжденію, что въ моментъ международнаго кризиса германскій народъ не пойдетъ за Вильгельмомъ. Нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго.

Мы понимаемъ другъ друга.

Для того, чтобы дать представленіе о томъ, какой порывъ можетъ сблизить германскій народъ съ его императоромъ, когда странѣ грозитъ опасность, напомнимъ небольшой интересный эпизодъ 1908 года, въ годъ кризиса и «темныхъ дней монархіи».

22-го іюня Вильгельмъ былъ проѣздомъ въ Гамбургѣ; вечеромъ передъ его домомъ собралась толпа и, когда императоръ вышелъ на балконъ, всѣ столпились подъ окнами, желая его видѣть; вдругъ, безъ всякаго оркестра, изъ толпы величественно, мощно вырвался гимнъ *Deutschland, Deutschland ueber alles!*

Описывая этотъ эпизодъ, *Hamburger Correspondent* говоритъ.

«Въ этомъ нельзя видѣть простую манифестацію, вызванную праздничнымъ настроеніемъ. Въ этой оваціи, устроенной императору сотней тысячъ воодушевленныхъ людей, нужно видѣть болѣе глубокій смыслъ: она имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ тогдашнему положенію и къ послѣднимъ событіямъ. Императоръ пріѣхалъ въ Гамбургъ послѣ того, какъ говорилъ въ Деберицѣ: «Пусть идутъ, мы готовы!» Гамбургъ, любя миръ, такъ же какъ императоръ, но и такъ же какъ онъ, ставя честь и престижъ германской имперіи выше всего, въ свою очередь отвѣчаетъ: «Если наступитъ часъ испытать силу Германіи, то пусть императоръ знаетъ, что Гамбургъ готовъ».

Говоря о пріемѣ, сдѣланномъ Вильгельму II, *Hamburger Nachrichten* пишутъ: «это не было раболѣпіе, это была манифестація сотни тысячъ свободныхъ саксонцевъ. Ты можешь быть спокойна, дорогая родина,—говорится дальше,—и здѣсь, на границѣ Сѣвернаго моря, стража вѣрна и сильна. Они могутъ итти, мы готовы».

2 дня спустя въ *Brunsbuttelkoog* Вильгельмъ въ отвѣтъ на рѣчь бургомистра Гамбурга, Бургарта, сказалъ:

«Здѣсь, гдѣ собралось столько жителей Гамбурга, мнѣ хотѣлось еще разъ сказать о томъ, какъ глубоко я былъ тронутъ отношеніемъ населенія и всѣмъ этимъ вечеромъ на Alster. Я спрашивалъ себя тогда, что могло вызвать

такой взрывъ энтузіазма; и вдругъ, точно въ отвѣтъ, послышались звуки одной изъ нашихъ старыхъ нѣмецкихъ пѣсенъ, сначала тихіе, потомъ разрастаясь все шире и могучѣй. Больше мнѣ ничего не было нужно. Я понялъ васъ, господа; и я благодарю васъ. Это было пожатіе руки человѣку, который рѣшилъ итти своей дорогой и знаетъ, что за нимъ стоятъ тѣ, кто его понимаетъ и хочетъ ему помочь. Гамбуржцы и я, мы понимаемъ другъ друга».

Вотъ сценки, надъ которыми французамъ не мѣшаетъ призадуматься, потому что онѣ завтра же повторятся, если представится хотя малѣйшій случай.

Величайшая ошибка — не разсчитать силъ своего противника.

XVII.

Заключеніе.

Намъ остается только вкратцѣ повторить главныя черты физіономіи кайзера, которыя выявляются изъ его рѣчей.

Для характеристики Вильгельма, прежде всего слѣдуетъ, пожалуй, выдѣлить его историческую концепцію, его, по существу, совершенно *эпическое* представленіе о развитіи человѣческой цивилизаціи. Богъ правитъ всѣмъ: Онъ дѣйствуетъ черезъ посредство тѣхъ человѣческихъ существъ, въ которыхъ вдохнулъ свое Божественное дыханіе: черезъ пророковъ, полководцевъ, королей, великихъ мыслителей. Исторію дѣлаютъ герои, являющіеся орудіями Бога: это эпопея, подобная *пѣсни Нибелунговъ*, гдѣ сцену занимаютъ одни вожди и боги. Вильгельмъ I—такого рода посланникъ Бога. Таковымъ же Вильгельмъ II считаетъ и себя.

Разберемся же въ различныхъ чертахъ личности кайзера, приложивъ къ нему самому его собственный методъ оцѣнки исторіи.

Прежде всего, въ немъ сказывается древній германецъ. Это Зигфридъ, который въ глазахъ ультра-цивилизованныхъ и извращенныхъ дегенератовъ—варваръ, а на са-

момъ дѣлѣ—герой непобѣдимой силы, врагъ несправедливости, защитникъ слабыхъ, человѣкъ съ чистымъ сердцемъ и религіозной душой, словомъ, Вагнеровскій языческій искупитель.

Вильгельмъ II—германецъ; онъ вѣритъ, что міръ спасетъ германская нація и требуетъ отъ своихъ подданныхъ, чтобы они сплотились вокругъ него такъ же тѣсно, какъ тѣсно смыкались когда-то ихъ предки вокругъ своихъ вождей. Въ этомъ образѣ мыслей Вильгельма есть нѣчто языческое.

Но надъ этимъ образомъ мысли берутъ верхъ христіанскія чувства. На образъ Зигфрида наслаиваются средневѣковые образы императора Карла Великаго и Барбароссы. Это уже католическій государь, получившій черезъ церковь свое божественное назначеніе. Здѣсь германецъ превращается въ нѣмца: онъ страдаетъ отъ раздробленности государства и начинаетъ сознавать то великое стремленіе, которое цѣлые вѣка будетъ главенствовать въ исторіи страны: стремленіе къ объединенію. Вильгельмъ I, Фридрихъ III и Вильгельмъ II—прямые послѣдователи Карла Великаго и Барбароссы.

Но не этимъ государямъ суждено осуществить мечту Германіи—создать имперію; не католическая церковь дастъ инвеституру ожидаемому герою.

Въ унылыхъ и печальныхъ маркахъ Бранденбурга нарождается протестантская династія; она создаетъ мало-по-малу королевство, вокругъ котораго объединяется вся Германія. Человѣкъ, переступившій рѣшающую грань и достигшій этого объединенія, былъ Великій Курфюрстъ. Вотъ тотъ, къ кому больше всего влечетъ кайзера и на кого онъ старается походить.

Пруссія выросла: остается выковать такое орудіе-шпагу, съ помощью котораго осуществится германское объединеніе. Богъ избралъ для осуществленія этой задачи

Вильгельма I, онъ создалъ прусскую армію и съ ея помощью утвердилъ имперію на поляхъ, залитыхъ кровью, въ сраженіяхъ 1870—71 года.

Вотъ люди, которымъ наслѣдуетъ кайзеръ. Таковы, если можно такъ выразиться, тѣ идейные пласты, которые мы находимъ въ мышленіи Вильгельма. Изслѣдуя его умъ, можно найти всѣ эти элементы, подобно тому, какъ какой-нибудь геологъ находитъ въ земной корѣ наслоенія слѣдующихъ другъ за другомъ періодовъ земного шара.

Но ко всѣмъ этимъ историческимъ традиціямъ, ожившимъ въ душѣ кайзера, не прибавилъ ли онъ чего-нибудь самъ? Послѣ этого анализа не окажется ли какой-нибудь остатокъ, составляющій его личную принадлежность?

Внѣ всякаго сомнѣнія: Вильгельмъ I создалъ объединеніе Германіи и тѣмъ утвердилъ имперію въ Европѣ: нужно было создать ей міровое положеніе. Орудіемъ для выполненія задачи дѣда послужила армія: внуку для осуществленія его задачи потребовался флотъ. Первому нужна была война: второму понадобится миръ, необходимый для экономическихъ завоеваній имперіи.

Кромѣ элементовъ прошлаго въ душѣ Вильгельма очень живо и чувство современности, ея требованій и возможностей.

Поэтому среди тѣхъ, кто служилъ ему предметомъ подражанія, на ряду съ германскими героями, съ императорами среднихъ вѣковъ, съ Великимъ Курфюрстомъ и Вильгельмомъ Великимъ, фигурируютъ такіе люди, какъ Рузвельтъ, Чемберленъ, Сесиль-Родсъ, Киплингъ и Морганъ. Кайзеръ считаетъ себя не только королемъ Пруссіи, который опирается на свое дворянство и армію, но и императоромъ ганзейскаго союза и торговыхъ городовъ Рейна; онъ думаетъ о развитіи линіи Гамбургъ-Америка и Norddeutscher Lloyd, хлопочетъ о прорытіи каналовъ.

о торговыхъ договорахъ. Вотъ что принадлежитъ лично Вильгельму II. Онъ считалъ, что военная сила его страны поможетъ ему *предписать всѣмъ миръ*; такова формула кайзера, точно резюмирующая его мысли, потому что въ ней мы находимъ его стремленіе къ гегемоніи германской имперіи и желаніе, чтобы никакая война не препятствовала ея экономическому развитію.

Итакъ, Вильгельмъ во внѣ—*повелѣвающій блюститель мира;* внутри—добрый монархъ, абсолютный и патріархальный. Онъ хочетъ руководить своими подданными на пути прогресса; это вовсе не реакціонеръ, онъ смотритъ впередъ, но онъ считаетъ, что *руководить—это значитъ самому* выбирать дорогу и быть для всѣхъ вождемъ и пастыремъ. И онъ ведетъ ввѣренное ему Господомъ Богомъ стадо какъ абсолютный повелитель, какъ средневѣковый король.

Съ логической точки зрѣнія, здѣсь много неразрѣшимыхъ противорѣчій, но жизнь углубила, примирила эти противорѣчія и создала изъ нихъ синтезъ творческой, активой личности.

Никогда не теряя изъ виду своей цѣли, не задумываясь надъ выборомъ средствъ, кайзеръ часто производитъ впечатлѣніе человѣка непостояннаго, идущаго зигзагами. Его непосредственность и безудержная экспансивность еще ярче подчеркиваютъ противорѣчивость его дѣйствій. Но единство мысли кайзера и полная опредѣленность его стремленій остается все-таки внѣ сомнѣнія. Настоящая книга имѣла своей цѣлью выдѣлить все самое главное и существенное въ мысляхъ, желаніяхъ и цѣляхъ кайзера. Надѣемся, что это достигнуто нами.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

ПРИНЦЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

27 *января* 1859.—Рожденіе принца Фридриха Вильгельма, перваго ребенка кронпринца Фридриха Вильгельма (позднѣе Фридриха III) и кронпринцессы Викторіи.

27 *января* 1871.—Этой датой помѣчены въ «дневникѣ» кронпринца Фридриха слѣдующія слова: «Сегодня день рожденія моего сына Вильгельма. Пусть изъ него выйдетъ сильный, прямой, искренній и правдивый человѣкъ, настоящій нѣмецъ, который продолжитъ начатое дѣло. Да будетъ благословенъ Богъ! Между нами и нашимъ сыномъ простыя сердечныя отношенія и мы постараемся, чтобы они навсегда остались такими и чтобы нашъ сынъ всегда смотрѣлъ на насъ какъ на своихъ лучшихъ и вѣрныхъ друзей. Страшно становится, когда подумаешь, какія надежды возлагаются на этого ребенка и какая громадная отвѣтственность передъ родиной лежитъ на насъ за направленіе его воспитанія, да еще при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя создаются жизнью при берлинскомъ дворѣ, и различными обязанностями связанными съ семьей и рангомъ».

1 *сентября* 1873.—Конфирмація въ Потсдамской церкви Мира. Принцъ Вильгельмъ поступаетъ въ Кассельскій

лицей. Онъ живетъ со своимъ наставникомъ Гинцепетеромъ въ сосѣднемъ съ городомъ замкѣ, Wilhelmshoehe.

Январь 1877.—Принцъ Вильгельмъ успѣшно выдерживаетъ въ Касселѣ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости десятымъ и получаетъ дипломъ съ свидѣтельствомъ: «удовлетворительно».

27 *января* 1877.—Торжественное богослуженіе въ старомъ потсдамскомъ дворцѣ по случаю совершеннолѣтія принца Вильгельма и его пожалованія въ рыцари ордена Чернаго Орла.

7 *февраля* 1877.—Представленіе принца его отцомъ первому гвардейскому полку въ Потсдамѣ, гдѣ принцъ и начинаетъ въ чинѣ лейтенанта свою дѣйствительную службу.

Октябрь 1877.—Отъѣздъ принца въ Боннскій университетъ, гдѣ онъ остается два года. Онъ принимаетъ участіе въ корпораціи Borussia.

1877—79. Принцъ Вильгельмъ въ продолженіе семестра 1877—78 г. проходитъ римское право, исторію философіи, экспериментальную физику и исторію девятнадцатаго вѣка; во время лѣтняго семестра 1878 г.—исторію народнаго нѣмецкаго права, политическую экономію, исторію древняго искусства и исторію нѣмецкой литературы; въ теченіе лѣтняго семестра 1878—79—уголовное право, финансовое, исторію искусства, исторіи реформаціи; во время лѣтняго семестра 1879 г.—народное право, гражданское право, химію и административное прусское право.

Сентябрь 1878.—Путешествіе въ Англію и Шотландію, посѣщеніе бабушки, королевы Викторіи. У принца Христіана, младшаго брата герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, встрѣчается съ дочерью герцога, принцессой Августой-Викторіей, родившейся 22 октября 1858 г. въ замкѣ Дольцигъ около Зоммерфельда, въ Силезіи.

Январь 1879.—Поѣздка Вильгельма II на охоту въ Силезію къ герцогу Фридриху Шлезвигъ-Голштинскому въ его замокъ Примкенау. Онъ ближе знакомится съ принцессой Августой-Викторіей и рѣшаетъ просить ея руки. Бисмаркъ противится этому браку и императоръ даетъ свое согласіе только на условіи предварительнаго устраненія всѣхъ несогласій между обѣими семьями. Объясненіями герцога, въ январѣ 1880 г., эти несогласія устраняются.

2 *іюня* 1879.—Офиціальная помолвка въ замкѣ Бабельсбергѣ, около Потсдама.

Октябрь 1879.—Принцъ Вильгельмъ, окончивъ университетскій курсъ, возвращается въ Потсдамъ и продолжаетъ прерванную службу въ гвардейскомъ полку.

27 *февраля* 1881.—Брачная церемонія.

1881.—Принцъ Вильгельмъ получаетъ чинъ майора въ гусарскомъ полку, затѣмъ переходитъ въ первый гвардейскій артиллерійскій.

6 *мая* 1882.—Рожденіе у принца Вильгельма перваго сына.

7 *іюля* 1883.—Рожденіе принца Эйтель-Фридриха.

14 *іюля* 1884.—Рожденіе принца Адальберта.

16 *сентября* 1885.—Вильгельмъ, въ чинѣ полковника, получаетъ командованіе гусарскимъ гвардейскимъ полкомъ.

26 *января* 1887.—Рожденіе принца Августа-Вильгельма.

5 *ноября* 1887.—Кронпринцъ Фридрихъ, отецъ принца Вильгельма, вслѣдствіе горловой болѣзни, уѣзжаетъ въ Санъ-Ремо.

8 *ноября* 1887.—Императоръ Вильгельмъ I поручаетъ принцу Вильгельму отправиться въ Санъ-Ремо и сообщить

ему о состоянiи здоровья его отца, весьма осложнившемся. Изъ донесенiя молодого принца видно, что не остается никакой надежды.

17 *ноября* 1887.—Императоръ отдаетъ приказъ, въ силу котораго принцъ Вильгельмъ долженъ замѣнить его въ текущихъ правительственныхъ дѣлахъ и особенно въ тѣхъ, которыя требуютъ императорской подписи.

2 *марта* 1888.—Вторая поѣздка принца Вильгельма въ Санъ-Ремо.

6 *марта* 1888.—Опубликованiе свидѣтельства англiйскихъ и нѣмецкихъ врачей о состоянiи здоровья кронпринца. Солидарность врачей, подписавшихъ бумагу, во взглядѣ на характеръ болѣзни и на способъ ея лѣченiя; они констатируютъ улучшенiе, удовлетворительное общее состоянiе, улучшенiе аппетита и хорошiй сонъ.

7 *марта* 1888.—Возвращенiе принца Вильгельма въ Берлинъ. Свиданiе его съ императоромъ, сильно ослабѣвшимъ.

9 *марта* 1888.—Смерть Вильгельма I.

10 *марта* 1888.—Императоръ Фридрихъ III прiѣзжаетъ изъ Санъ-Ремо въ Берлинъ.

Май 1888.—Визитъ англiйской королевы Викторiи въ Берлинъ.

1 *iюня* 1888.—Перенесенiе тѣла императора изъ Шарлоттенбурга въ потсдамскiй дворецъ.

15 *iюня* 1888.—Смерть Фридриха III.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II ИМПЕРАТОРЪ.

1888.

15 *іюня.*—Кронпринцъ Вильгельмъ вступаетъ на престолъ и становится Императоромъ Вильгельмомъ II. Рескриптъ къ арміи и флоту.

18 *іюня.*—Рескриптъ къ народу.

25 *іюня.*—Открытіе рейхстага. Императоръ самъ произноситъ тронную рѣчь.

26 *іюня.*—Рескриптъ къ князю Бисмарку.

27 *іюня.*—Открытіе прусскаго ландтага: «Я всегда держу въ памяти слова Великаго Фридриха: «въ Пруссіи король—первый слуга государства».

13 *іюля.*—Посѣщеніе въ Берлинѣ художественной выставки:

«Для малокультурной публики и въ особенности для молодежи панорамы имѣютъ большое воспитательное значеніе». Всѣмъ большимъ городамъ слѣдовало бы имѣть панораму.

14 *іюля.*—Смотръ флоту въ Килѣ. Въ первый разъ императоръ Германіи и король Пруссіи появляется тамъ въ формѣ адмирала.

19 *іюля.*—Пріѣздъ въ Кронштадтъ на яхтѣ *Гогенцоллернъ.* Пребываніе въ Петергофѣ.

24 *іюля.*—Отъѣздъ изъ Кронштадта.

26 *іюля.*—Пріѣздъ въ Стокгольмъ. Свиданіе съ Оскаромъ II.

27 *іюля.*—Императоръ узнаетъ въ Стокгольмѣ о рожденіи своего пятаго сына и приглашаетъ короля Швеціи быть крестнымъ отцомъ новорожденнаго.

30 *іюля.*—Прибытіе *Гогенцоллерна* въ Копенгагенъ. Посѣщеніе датскаго короля Христіана IX.

31 *іюля.*—Возвращеніе въ Киль.

16 *августа.*—Открытіе памятника принцу Фридриху Карлу во Франкфуртѣ на Одерѣ.

23 *августа.*—Въ Зонненбургѣ императоръ принимаетъ орденскій знакъ покровителя рыцарскаго ордена іоаннитовъ. По этому случаю онъ говоритъ слѣдующее:

«Я не могу справиться со своей высокой обязанностью—способствовать внутреннему развитію моего народа, *съ помощью однихъ только государственныхъ учрежденій.* Для того, чтобы поднять моральный и религіозный уровень націи, чтобы увеличить и развить ея силы, мнѣ необходима помощь наиболѣе благородныхъ людей націи, иначе говоря, *моего дворянства:* а я вижу многихъ его представителей среди іоаннитовъ. Изъ глубины моего сердца я надѣюсь, что мнѣ удастся съ помощью преданныхъ рыцарей вашего ордена поднять въ народѣ религіозное чувство, развить въ немъ пониманіе нравственной, христіанской жизни и такимъ образомъ достигнуть той высокой цѣли, которую я поставилъ себѣ, какъ идеалъ».

24 *августа.*—Посѣщеніе Берлина датскимъ королемъ.

27 *сентября.*—Визитъ вюртембергскому королю въ Штутгартѣ.

1 *октября.*—Посѣщеніе Мюнхена.

4 *октября.*—Пріѣздъ въ Вѣну. Визитъ императору Францу-Іосифу.

11 *октября.*—Пріѣздъ въ Римъ. Визитъ королю Италіи.

26 *октября.*—Возвращеніе въ Потсдамъ.

29 *октября.*—Вильгельмъ кладетъ первый камень порто-франко въ Гамбургѣ.

22 *декабря.*—Осмотръ верфей «Вулканъ» въ Штеттинѣ. Старѣйшій рабочій подноситъ императору лавровый вѣнокъ. «Вотъ мои первые лавры; радуюсь, что эти лавры мирные».

31 *декабря.*—Телеграмма князю Бисмарку: «Мысль, что вы вѣрны мнѣ и на моей сторонѣ, утѣшаетъ меня и наполняетъ мою душу радостью».

1889.

14 *мая.*—Пріемъ забастовщиковъ Рура.

21 *мая.*—Пріѣздъ въ Берлинъ короля Италіи. Гумберта I.

2 *августа.*—Пріѣздъ въ Cowes. Пребываніе въ Англіи.

3 *августа.*—Въ Альдершотѣ. Императоръ получаетъ почетный чинъ адмирала англійскаго флота.

9 *августа.*—Императоръ покидаетъ Дувръ и возвращается въ Германію.

12 *августа.*—Посѣщеніе Берлина императоромъ Францемъ-Іосифомъ.

21 *августа.*—Пріѣздъ императора и императрицы въ Страсбургъ.

23 *августа.*—Въ Мецѣ.

15 *сентября.*—Отвѣтъ делегаціи Геттингена:

«Я думаю, что знаніе исторіи дастъ народу возможность понять, на какихъ основахъ строится его существованіе и сила. Чѣмъ больше народъ получитъ живыхъ историческихъ свѣдѣній, тѣмъ лучше онъ пойметъ свое положеніе, тѣмъ единодушнѣе будетъ дѣйствовать и возвышеннѣе мыслить».

11 *октября.*—Визитъ царя въ Берлинъ.

19 *октября.*—Свиданіе въ Монцѣ съ королемъ Италіи.

26 *октября.*—Пріѣздъ въ Аѳины. Помолвка прусской принцессы Софіи, сестры императора, съ греческимъ наслѣдникомъ.

28 *октября.*—Телеграмма изъ Аѳинъ князю Бисмарку:

«Мое первое слово — привѣтъ отечеству изъ города Перикла, привѣтъ съ портика Пароенона! Волшебное зрѣлище его колоннъ произвело на меня глубокое впечатлѣніе».

2 *ноября.*—Пріѣздъ въ Константинополь.

3 *ноября.*—На островѣ Корфу. Телеграмма князю Бисмарку:

«Прекрасное путешествіе отъ самаго Стамбула. Погода чудесная. Воздухъ вчера былъ такъ прозраченъ, что мы могли видѣть всѣ три точки Пелопонеса и все пространство между ними, чего еще никогда не бывало».

13 *ноября.*- Встрѣча въ Монцѣ съ королемъ Италіи.

14 *ноября.* Свиданіе въ Иннсбрукѣ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ; въ Мюнхенѣ—съ принцемъ-регентомъ баварскимъ.

15 *ноября.*- Возвращеніе въ Потсдамъ.

30 *декабря.*— Рескриптъ князю Бисмарку:

«Да сохранитъ мнѣ Господь еще на долгіе годы ваши испытанные и вѣрные совѣты для моей тяжелой профессіи короля».

1890.

7 *января.*— Смерть императрицы Августы, бабушки императора Вильгельма II.

28 *января.*—Рѣчь къ кадетамъ въ Лихтерфельдѣ:

«Въ эпоху, когда монархія подвергается со всѣхъ сторонъ нападкамъ, долгъ каждаго офицера поддерживать ее не только во время службы, но всю свою жизнь».

31 *января.*—Управленіе министерствомъ торговли и промышленности передается отъ князя Бисмарка Берлепшу.

5 *февраля.*—Рескриптъ канцлеру имперіи и министру общественныхъ работъ объ улучшеніи положенія рабочихъ:

«Разумное правительство не можетъ допустить мысли, чтобы ему можно было оставаться совершенно пассивнымъ во время большихъ забастовокъ и предоставлять предпринимателямъ самимъ разбираться въ своихъ недоразумѣніяхъ съ рабочими. Оно не можетъ спокойно присутствовать на этихъ пробахъ вивисекціи государственнаго организма.

Долгъ государства урегулировать время и условія работы такимъ образомъ, чтобы была возможность охранять здоровье и нравственность рабочихъ и удовлетворять ихъ нуждамъ и ихъ стремленію къ равенству передъ закономъ».

15 *марта*.—Послѣднее офиціальное свиданіе съ княземъ Бисмаркомъ. Конференція въ Берлинѣ по вопросу о покровительствѣ рабочимъ.

20 *марта*.—Князь Бисмаркъ, по его прошенію, освобождается отъ обязанностей канцлера. Назначеніе канцлеромъ командира 10-го корпуса, генерала Каприви. Письмо Вильгельма II князю Бисмарку:

«Дорогой князь, съ глубокимъ волненіемъ прочелъ я въ вашемъ письмѣ отъ 18-го числа этого мѣсяца, что вы рѣшили покинуть постъ, такъ давно вами занимаемый съ такимъ неподражаемымъ успѣхомъ. Я всегда старался гнать отъ себя мысль, чтобы мы съ вами, пока мы живы, могли разстаться. Теперь же, вынужденный свыкаться съ этой мыслью, вполнѣ сознавая громадное значеніе вашей отставки, я даю вамъ ее съ тяжелымъ сердцемъ. Но я надѣюсь, что, идя навстрѣчу вашему желанію, я тѣмъ самымъ буду способствовать сохраненію на болѣе долгій срокъ вашихъ силъ и вашей жизни, незамѣнимыхъ для страны.

«Мотивы вашего рѣшенія показываютъ мнѣ, что всякія попытки убѣдить васъ измѣнить это рѣшеніе—ни къ чему не приведутъ. Уступая вашему желанію, я освобождаю васъ, какъ вы просите, отъ вашихъ обязанностей, но я *убѣжденъ, однако, что въ будущемъ вы не оставите меня и страну своими совѣтами, своею дѣятельностью, вѣрностью и преданностью*.

«Я смотрю, какъ на одно изъ величайшихъ благодѣяній Провидѣнія, что оно дало мнѣ васъ, какъ моего перваго

совѣтника, когда я вступилъ на престолъ. То, что вы сдѣлали, то чего вы добились для Пруссіи и Германіи, чѣмъ вы были для моего дома, моихъ предковъ и для меня—этого я никогда не забуду, такъ же какъ не забудетъ этого и народъ, который навсегда сохранитъ о васъ благодарную память.

«Но и за границей ваша мудрая, мирная и энергичная политика, которой я рѣшилъ всегда и во всемъ слѣдовать, ибо убѣдился въ ея превосходствѣ,—эта политика навсегда оставитъ и тамъ по себѣ славную память.

«Вознаградить васъ вполнѣ по вашимъ заслугамъ не въ моихъ силахъ. Мнѣ приходится ограничиться увѣреніями въ вѣчной признательности какъ моей, такъ и вашей родины.

«Въ знакъ этой признательности, я даю вамъ титулъ герцога лауенбургскаго. Пришлю вамъ также свой портретъ въ натуральную величину».

21 *марта*.—Визитъ въ Берлинъ принца уэльскаго.

22 *марта*.—Телеграмма Вильгельма II въ Веймаръ графу Горцъ-Шлицъ, по поводу отъѣзда Бисмарка.

«Я страдаю такъ, какъ будто бы еще разъ потерялъ своего дѣда. Но такова воля Божья; я долженъ перенести испытаніе и не упасть духомъ. У меня постъ вахтеннаго офицера на мостикѣ государственнаго корабля. Курсъ тотъ же: впередъ! на всѣхъ парахъ!»

26 *марта*.—Прощальная аудіенція князю Бисмарку.

27 *марта*.—Освобожденіе графа Герберта Бисмарка отъ обязанностей министра иностранныхъ дѣлъ.

29 *марта*.—Бисмаркъ уѣзжаетъ изъ Берлина въ Фридрихсруэ.

14 *мая.*—Торжественный въѣздъ въ Кенигсбергъ: «Лучшихъ солдатъ, чѣмъ восточные пруссаки, я нигдѣ не видѣлъ; нигдѣ не находилъ и болѣе замѣчательныхъ людей изъ лицъ высокопоставленныхъ. Восточная Пруссія—это—столпъ отечества, источникъ развитія прусскаго государства».

15 *мая.*—Рѣчь на банкетѣ ландтага.

23 *мая.*—Всѣмъ представителямъ Германіи за границей разсылается слѣдующій циркуляръ, хотя и подписанный канцлеромъ, но обнаружившій недовольство императора той позиціей, какую занялъ Бисмаркъ въ Фридрихсруэ:

«Ваше... (титулъ), конечно, замѣтили, что нынѣшніе взгляды и чувства князя Бисмарка, герцога лауенбургскаго, не разъ отмѣчались въ послѣднее время газетами.

«Правительство Его Величества, безконечно благодарное этому великому государственному человѣку за его безсмертныя заслуги, молчало до тѣхъ поръ, пока заявленія князя Бисмарка касались только личныхъ вопросовъ и внутренней политики; но съ того времени, какъ они стали затрагивать и внѣшнюю политику, пришлось поставить вопросъ: не пора ли нарушить это молчаніе, пока оно не вызвало за границей нежелательныхъ недоразумѣній?

«Императоръ убѣжденъ, однако, что спокойствіе водворится или само собой, или же, что истинное значеніе словъ Бисмарка, проникшихъ въ печать, будетъ оцѣнено за границей по справедливости. Нечего бояться, чтобы Германія могла особенно пострадать отъ распространенія этихъ декларацій, весьма субъективнаго значенія; всѣ онѣ болѣе или менѣе понятны, нѣкоторыя же—съ явною

преднамѣренностью искажены и довѣрены завѣдомымъ врагамъ Германіи.

«Его Величество дѣлаетъ различіе между прежнимъ Бисмаркомъ и нынѣшнимъ, но желаетъ, чтобы правительство избѣгало всего, что только можетъ нарушить народное представленіе о князѣ Бисмаркѣ, какъ о величайшемъ государственномъ человѣкѣ.

«Сообщаю вамъ эту точку зрѣнія для того, чтобы вы знали, чего вамъ держаться, если придется говорить, и надѣюсь, что правительство, при которомъ вы состоите уполномоченнымъ, не будетъ придавать никакого значенія тому, что говоритъ печать по поводу взглядовъ князя Бисмарка.

Каприви».

9 *іюня.*—Телеграмма канцлера Каприви нѣмецкому посланнику въ Вѣнѣ:

«Относительно предполагающагося въ Вѣнѣ бракосочетанія графа Герберта Бисмарка имѣю честь, послѣ доклада Его Величеству, сообщить вамъ слѣдующее:

«Для того, чтобы слухи о сближеніи князя Бисмарка съ Его Величествомъ оправдались, нужно, чтобы было выполнено одно необходимое условіе, а именно: первый шагъ долженъ сдѣлать бывшій канцлеръ. Но даже если бы это и произошло, сближеніе никогда не будетъ настолько полнымъ, чтобы общественное мнѣніе имѣло право предполагать, что князь Бисмаркъ можетъ опять пріобрѣсти какое-нибудь вліяніе на ходъ дѣлъ.

«Въ случаѣ, если князь, или его семья войдутъ съ вами въ сношенія, прошу васъ ограничиться строгимъ соблюденіемъ формальностей и отказаться отъ приглашенія на свадьбу, если таковое послѣдуетъ. Это предписаніе касается всего состава посольства. Прибавлю, что Его

Величество эту свадьбу будетъ игнорировать. Затѣмъ прошу, Ваше превосходительство, сообщить содержаніе этой депеши, въ формѣ наиболѣе для васъ удобной, графу Кальноки.

Графъ Каприви».

17 *іюня.*—Англо-германское соглашеніе: полученіе Германіей Гельголанда въ обмѣнъ на протекторатъ Занзибара.

21 *іюня.*—Рѣчь къ кадетамъ въ Лихтерфельдѣ:

«Воздерживайтесь отъ роскоши и сохраняйте простоту нравовъ».

28 *іюня.*—Путешествіе въ Данію: свиданіе съ королемъ Христіаномъ IX.

29 *іюня.*—Въ Христіаніи; банкетъ въ королевскомъ дворцѣ:

«Я считаю, что монарху необходимо лично знакомиться со всѣмъ и создавать свое мнѣніе по собственному впечатлѣнію, изъ первыхъ рукъ. Онъ долженъ знакомиться съ своими сосѣдями для того, чтобы завязывать съ ними добрыя сношенія и поддерживать ихъ. Такова цѣль моихъ заграничныхъ поѣздокъ».

2 *августа.*—Слова Вильгельма II брюггскому епископу въ Остенде:

«Пользуюсь случаемъ заявить вамъ, что я совершенно согласенъ со взглядами и принципами Его Святѣйшества папы Льва XIII относительно рабочаго вопроса».

4 *августа.*—Пріѣздъ въ Cowes; королева Англіи встрѣчаетъ его словами: «Welcome William».

10 *августа.*— Вильгельмъ вступаетъ во владѣніе островомъ Гельголандомъ.

18—27 *августа.*—Путешествіе въ Россію, въ Нарву и Мемель: свиданіе съ царемъ.

1—3 *октября.*—Путешествіе въ Австрію.

28—31 *октября.*—Визитъ бельгійскаго короля въ Берлинъ.

17 *декабря.*—Рожденіе у императора шестого ребенка.

1891.

13 *февраля.*—Завтракъ у канцлера Каприви:

«Я признаю только двѣ партіи: одну, желающую сохраненія государства, и другую, желающую его разрушенія».

20 *февраля.*—Банкетъ ландтага въ Бранденбургѣ.

18 *апрѣля.*—Банкетъ въ замкѣ послѣ врученія новыхъ знаменъ.

24 *апрѣля.*—Смерть Мольтке.

4 *мая.*—Банкетъ ландтага рейнскихъ провинцій:

«Есть только одинъ хозяинъ въ странѣ: это я, и другого я не потерплю».

1—3 *іюля.*—Пребываніе въ Амстердамѣ.

4—10 *іюля.*—Пребываніе въ Англіи.

24 *августа.*—Въ Мерзебургѣ. Банкетъ ландтага:

«Какъ христіане, мы должны безропотно принимать то, что намъ посылаетъ небо. Мы всѣ надѣемся, что миръ будетъ сохраненъ: если же случится иное, то это будетъ не по нашей винѣ».

8 *сентября.*—Въ Мюнхенѣ. Кайзеръ записываетъ въ золотую городскую книгу:

SUPREMA LEX REGIS VOLUNTAS.

14 *сентября.*—Въ Эрфуртѣ. Банкетъ послѣ смотра 4-му армейскому корпусу:

«Въ этой мѣстности корсиканскій выскочка [1]) оскорбилъ насъ особенно глубоко и обошелся съ нами самымъ постыднымъ образомъ; но отсюда же сверкнула молнія мести и поразила его...»

18 *октября.*—Телеграмма Гельмгольцу:

«Въ своемъ постоянномъ исканіи высшаго и свѣтлаго идеала вы оставили позади себя всѣ партійные и политическіе маневры, какъ стоящіе безконечно ниже этого идеала».

1892.

13 *сентября.*—Рожденіе дочери императора Вильгельма II.

31 *октября.*—Въ Виттенбергѣ, на освященіи реставрированной церкви Лютера:

---

[1]) Текстъ неофиціальный.

«Въ вопросахъ вѣры не можетъ быть принужденія. Только свободная вѣра можетъ рѣшать, и то убѣжденіе, что въ ней все значеніе, есть счастливый результатъ реформаціи. Мы, протестанты, мы никого не безпокоимъ въ его вѣрѣ. Мы остаемся вѣрны евангельскому ученію до самой смерти. Вотъ мое убѣжденіе, моя молитва и надежда».

1893.

30 *января.*—Вильгельмъ жалуетъ бывшему министру юстиціи, фонъ-Фридбергъ, свой портретъ съ надписью: Nemo me impune lacessit.

20—27 *апрѣля.* Поѣздка съ императрицей въ Римъ.

23 *апрѣля.*—Императорская чета принята папой.

31 *мая.*—Въ Данцигѣ, рѣчь на завтракѣ въ собраніи 1-го гусарскаго полка:

«Лучшее слово, это—поражать..... Армія и флотъ столпы государства».

3 *сентября.*—Въ Мецѣ.

9 *сентября.*—Въ Страсбургѣ.

19 *сентября.*—Телеграмма князю Бисмарку:

«Очень былъ огорченъ, что вашему сіятельству пришлось перенести довольно серьезное нездоровье. Но слава Богу, я получилъ одновременно извѣстіе о томъ, что состояніе ваше съ каждымъ днемъ улучшается, и выражаю вамъ по этому поводу самую искреннюю радость. Желая вашего полнаго выздоровленія, я прошу ваше сіятельство оставить Фридрихсруэ и Варцинъ съ ихъ неблаго-

пріятнымъ климатомъ и поселиться въ одномъ изъ моихъ замковъ въ южной Германіи».

Князь Бисмаркъ, изъявляя императору свою благодарность, не счелъ тѣмъ не менѣе удобнымъ принять его предложеніе. Такъ какъ болѣзнь его была на нервной почвѣ, то доктора рѣшили, что онъ скорѣе поправится въ привычной для него обстановкѣ.

16 *ноября.*—Принесеніе присяги рекрутовъ.

«Мнѣ нужны солдаты-христіане, которые читали бы «Отче нашъ». Солдатъ не долженъ имѣть своей воли, но у всѣхъ васъ должна быть только одна воля—и это моя: есть только одинъ законъ—и это мой».

1894.

26 *января.*—Князь Бисмаркъ пріѣзжаетъ въ Берлинъ въ первый разъ за четыре года и дѣлаетъ визитъ императору.

19 *февраля.*—Визитъ Кайзера въ Фридрихсруэ. Онъ демонстрируетъ передъ княземъ двухъ солдатъ, одѣтыхъ въ новую походную форму.

1 *апрѣля.*—Въ Аббаціи. Телеграмма Бисмарку ко дню 79-лѣтія его рожденія.

«Моему адъютанту, графу Мольтке, я поручилъ передать вамъ отъ моего имени панцырь. Твердая сталь, которая должна покрыть вашу грудь, есть символъ благодарности Германіи, которую она васъ облекаетъ».

25 *іюня.*—Телеграмма г-жѣ Карно: «Онъ заслужилъ свое громкое имя и умеръ, подобно солдату, на полѣ чести».

6 *сентября.* — Рѣчь къ представителямъ восточной Пруссіи.

22 *сентября.*—Рѣчь къ бургомистру Торна:

«Я могу быть очень непріятенъ и буду таковымъ, если понадобится».

18 *октября.*—Освященіе знаменъ.

27 *октября.* — Канцлеръ Каприви смѣненъ княземъ Гогенлоэ.

1895.

23 *февраля.*—Телеграмма князю Бисмарку:

«Выражаю вашему сіятельству мое глубочайшее негодованіе по поводу резолюціи, которую только что вынесъ рейхстагъ. Она глубоко противорѣчитъ чувствамъ всѣхъ нѣмецкихъ государей и ихъ народа».

Рейхстагъ отказалъ послать поздравительный адресъ Бисмарку къ 80-лѣтію дня его рожденія.

26 *марта.*—По случаю восьмидесятилѣтія князя Бисмарка, государь прошелъ передъ нимъ въ Фридрихсруэ церемоніальнымъ маршемъ во главѣ полковъ всѣхъ родовъ оружія, специально командированныхъ для этой церемоніи:

«Передъ этими войсками, я хочу передать вашему сіятельству мой подарокъ. Я не могъ найти для васъ лучшаго, чѣмъ мечъ; оружіе германцевъ—символъ того орудія, которое ваше сіятельство помогли ковать, оттачивать и носить моему дѣду, символъ того могучаго періода строи-

тельства, когда цементъ былъ сдѣланъ изъ крови и стали; это орудіе, которое никогда не обманываетъ, которое въ рукахъ королей и принцевъ помогаетъ, если нужно, сохранить внутреннее единство въ отечествѣ, какъ оно однажды укрѣпило его и во внѣ».

19 *іюня.*—Начало празднествъ по случаю открытія кильскаго канала. Банкетъ въ Гамбургѣ:

«Мы соединяемъ два моря: къ морю направлены наши мысли, къ морю, какъ образу вѣчности. Моря не раздѣляютъ, моря связуютъ, моря сами соединены этой новой связью для счастья и мира народовъ».

1896.

2 *января.*—Телеграмма президенту Крюгеру.

17 *января.*—Пріемъ делегаціи студентовъ:

«Благодарю васъ за тотъ идеализмъ, которымъ проникнуты были только что произнесенныя вами слова. Господа, вы на пути къ общественной жизни; сохраните этотъ идеализмъ, потому что именно въ данное время въ народѣ есть элементы, которые хотятъ его лишить идеала».

5—7 *сентября.*—Посѣщеніе царемъ и царицею Бреславля.

7 *сентября.*—На банкетѣ послѣ смотра 5-му корпусу въ Горлицѣ, Вильгельмъ II говоритъ по поводу проекта мирной конференціи, предложенной царемъ:

«Онъ, вождь самой могучей арміи, хочетъ отдать свои войска на службу цивилизаціи и на содѣйствія миру. Я вполнѣ согласенъ съ его желаніемъ собрать народы Европы и соединить ихъ на почвѣ общихъ интересовъ для защиты нашихъ самыхъ священныхъ благъ».

1897.

7 *августа*.—Пріѣздъ въ Петергофъ. Банкетъ во дворцѣ Вильгельмъ II отвѣчаетъ на тостъ царя:

«Непоколебимое рѣшеніе Вашего Величества сохранить миръ для вашего народа находитъ въ моемъ сердцѣ самый радостный откликъ: такимъ образомъ, идя по одному пути и связанные одной идеей, мы будемъ стараться руководить развитіемъ нашихъ народовъ подъ благословеніемъ мира. Полный надеждъ, я могу еще разъ обѣщать Вашему Величеству, а со мною, я знаю, весь мой народъ, что всѣми своими силами я примкну къ этому великому дѣянію охраненія мира и что Ваше Величество будетъ имѣть во мнѣ самую энергичную поддержку противъ всякаго, кто только попробуетъ нарушить этотъ миръ».

7—12 *августа*.—Пребываніе въ Россіи.

31 *августа*.—Освященіе памятника Вильгельму въ Кобленцѣ.

1898.

15 *іюня*.—Десятилѣтіе со дня восшествія на престолъ Вильгельма II.

15 *іюня.*—Телеграмма профессору Слаби:

«Въ ознаменованіе того громаднаго значенія, какое получила техника въ концѣ нашего столѣтія, и чувствуя глубокое уваженіе къ математическимъ наукамъ вообще, я дарую высшему техническому училищу въ Шарлоттенбургѣ мѣсто въ Палатѣ, а васъ, какъ достойнѣйшаго, назначаю занять это мѣсто».

15 *іюня.*—Рѣчь къ гвардейскимъ полкамъ, собраннымъ въ Потсдамѣ по случаю его юбилея.

Кончина Бисмарка.

17 *іюня.*—Регентъ княжества Липпе-Детмольдъ, занявъ свой постъ, далъ титулъ Высочества членамъ своей семьи и приказалъ отдавать имъ военную честь.

Генералъ, командовавшій седьмымъ корпусомъ, увѣдомилъ принца-регента, что императоръ противъ отдаванія чести. Регентъ тотчасъ же послалъ императору письмо, въ которомъ взывалъ къ его чувству справедливости и просилъ вообще прекратить «эти покушенія на права принцевъ-регентовъ». Онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Берлинъ, дворецъ, 17 іюня.

«Получилъ ваше письмо. Рѣшеніе корпуснаго командира послѣдовало съ моего согласія послѣ совѣщанія со мною. Регентъ получилъ то, что полагается регенту, и ничего больше. Кромѣ того, я не допускаю тона, въ которомъ вы сочли умѣстнымъ мнѣ написать и прошу васъ разъ навсегда отъ него отказаться.

W. R.»

13 *октября*.—Императорская чета отправляется изъ Венеціи, въ путешествіе въ Палестину.

18 *октября*.—Въ Константинополѣ.

23 *октября*.—Прибытіе въ Іерусалимъ.

8 *ноября*.—Въ Дамаскѣ:

«Чувствуя себя растроганнымъ при мысли, что въ этой мѣстности жилъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ властителей міра, великій султанъ Саладинъ, рыцарь безъ страха и упрека, который часто училъ своихъ противниковъ тому, что такое настоящее рыцарство, я съ радостью пользуюсь случаемъ прежде всего поблагодарить султана Абдулъ Гамида за его гостепріимство.

«Пусть султанъ, а также и 300 милліоновъ мусульманъ, разсѣянныхъ по всей землѣ и почитающихъ въ немъ своего халифа, будутъ увѣрены, что нѣмецкій императоръ всегда будетъ ихъ другомъ».

1 *декабря*.—Возвращеніе въ Берлинъ.

13 *декабря*.—Пятидесятилѣтняя годовщина существованія берлинской полиціи. Пріемъ депутаціи:

«Настанетъ время, когда Берлинъ будетъ прекраснѣйшимъ городомъ міра».

1899.

3 *февраля*.—Къ бранденбуржцамъ (послѣ путешествія въ Палестину).

«Во время моего пребыванія въ чужой странѣ, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ такъ великъ недостатокъ въ водѣ и лѣсахъ,

столь дорогихъ для насъ, германцевъ, я думалъ о нашихъ озерахъ съ ихъ черными и прозрачными водами, о нашихъ дубовыхъ и еловыхъ лѣсахъ и мысленно говорилъ себѣ, насколько лучше въ нашей Маркѣ, чѣмъ за-границей, хотя на насъ и смотрятъ иногда въ Европѣ съ пренебреженіемъ».

6 *марта*.—Телеграмма женѣ Редіарда Киплинга, заболѣвшаго въ Нью-Іоркѣ.

«Восторженный поклонникъ несравненныхъ произведеній вашего супруга, я съ безпокойствомъ жду извѣстій о состояніи его здоровья. Пусть Господь Богъ сохранитъ его для васъ и для насъ, благодарныхъ ему за тотъ бодрящій тонъ, которымъ онъ воспѣваетъ подвиги нашего великаго общаго племени».

11 *мая*.—Посѣщеніе поля сраженій въ Сенъ-Прива.

13 *мая*.—Погребеніе Бисмарка въ Фридрихсруэ.

18 *августа*.—Открытіе памятника гвардейскому полку въ Сенъ-Прива.

19 *ноября*.—Императоръ пишетъ въ «Золотой книгѣ нѣмецкаго народа конца вѣка», изданной однимъ иллюстрированнымъ журналомъ:

«Король получаетъ свою власть Божіей милостью, а потому и отвѣтственъ онъ только передъ Господомъ. Онъ выбираетъ свои пути и принимаетъ рѣшенія только съ этой точки зрѣнія.

«Эта страшная отвѣтственность, которую императоръ несетъ за свой народъ, даетъ ему право ждать вѣрнаго сотрудничества его подданныхъ. Поэтому, каждый въ народѣ долженъ быть проникнутъ убѣжденіемъ, что онъ отвѣтственъ за благосостояніе своего отечества».

1900.

1 *января.*—Рескриптъ арміи:

«Кончился вѣкъ, начало котораго застало наше отечество въ самомъ глубокомъ упадкѣ; зато конецъ его увѣнчанъ возрожденіемъ имперіи и ея императора... Съ сердцемъ, полнымъ благодарности, на рубежѣ новаго столѣтія я обращаю свой взоръ къ трону Всемогущаго, который даровалъ намъ столь великія милости; молю его съ моимъ вооруженнымъ народомъ, чтобы онъ и въ будущемъ насъ не покинулъ».

13 *февраля.*—Банкетъ въ честь принца Генриха, вернувшагося изъ Китая:

«Нѣмецкій народъ, вмѣстѣ со своими государями и со своимъ императоромъ, радъ отмѣтить новый этапъ въ могучемъ развитіи страны, выразившійся созданіемъ флота, отвѣчающаго ея нуждамъ. Какъ императоръ Вильгельмъ Великій создалъ для насъ оружіе, которое объединило насъ подъ нашимъ трехцвѣтнымъ черно-бѣло-краснымъ флагомъ, такъ и нѣмецкій народъ готовится создать щитъ, который дастъ намъ возможность, съ Божьей помощью, навѣки остаться подъ этимъ трехцвѣтнымъ флагомъ и внутри, и во внѣ».

6 *мая.*—Совершеннолѣтіе кронпринца.

13 *мая.*—Телеграмма въ Norddeutscher Lloyd:

«Я радуюсь тому, чего мнѣ удалось достигнуть, въ особенности, когда я вижу, какъ цѣнятъ мой трудъ, направленный на благо отечества. Но будемъ продолжать безъ передышки, чтобы скорѣе окончить начатую работу, и мы заставимъ соблюдать миръ также и на морѣ».

27 *іюля.*—Въ Бреммергафенѣ: Отъѣздъ войскъ, отправляющихся на Востокъ съ карательной цѣлью за убійство барона Кеттлера, нѣмецкаго посланника въ Пекинѣ, и за возстаніе боксеровъ.

29 *іюля.*—Проповѣдь на борту *Гогенцоллерна.*

30 *сентября.*—Телеграмма китайскому императору:

...«Я также хочу мира, но мира, который былъ бы искупленіемъ допущенной вами ошибки, которой бы вполнѣ загладилъ содѣянное зло и во всѣхъ смыслахъ гарантировалъ иностранцамъ въ Китаѣ полную безопасность для ихъ жизни и имуществъ, а въ особенности свободу ихъ вѣроисповѣданія».

16 *декабря.*—Торжественное возвращеніе войскъ изъ Китая.

1901.

19 *января.*—Отъѣздъ въ Англію по случаю болѣзни королевы.

22 *января.*—Смерть королевы Викторіи.

6 *марта.*—Въ Бременѣ рабочій-слесарь, девятнадцати лѣтъ, бросаетъ кускомъ желѣза въ императора и ранитъ его въ лицо.

24 *марта.* — Телеграмма компаніи «Hamburg - Amerika»:

«Печальное покушеніе среди хорошо расположеннаго ко мнѣ населенія Бремена не сокрушитъ моего довѣрія къ преданности моего народа и не помѣшаетъ мнѣ выполнять мой долгъ, возложенный на меня Господомъ».

18 *іюня*.—По окончаніи гонокъ на Эльбѣ, обѣдъ на палубѣ парохода компаніи «Hamburg-Amerika». Въ отвѣтъ на адресъ гамбургскаго бургомистра Вильгельмъ II говоритъ:

«Хотя у насъ еще нѣтъ такого флота, какой бы намъ слѣдовало имѣть, мы все-таки завоевали себѣ мѣсто подъ солнцемъ. Моей задачей будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы у насъ не отняли этого мѣста, чтобы солнечные лучи могли распространять свое тепло на нашу торговлю, нашъ вывозъ товаровъ, на наше земледѣленіе и мореплаваніе, такъ какъ будущность наша на водѣ. Чѣмъ больше мы, нѣмцы, будемъ стремиться къ морю, на гонкахъ ли, въ переправѣ ли черезъ океанъ, или же на службѣ въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ, тѣмъ лучше будетъ для насъ. Какъ только нѣмецъ научится смотрѣть вдаль и устремлять свой взоръ на все великое, жизненныя мелочи потеряютъ для него значеніе. Кто хочетъ имѣть этотъ широкій горизонтъ, пусть изберетъ себѣ наблюдательнымъ пунктомъ одинъ изъ ганзейскихъ городовъ. Исторія нашего развитія уясняетъ намъ то, о чемъ я уже разъ говорилъ, отправляя моего брата въ Китай: мы воспользовались тѣмъ, что началъ и оставилъ намъ въ наслѣдство императоръ Вильгельмъ Великій, мой незабвенный дѣдъ, и тотъ великій человѣкъ, которому мы только-что открывали памятникъ. Теперь мы можемъ начать тамъ, гдѣ Ганзейскій союзъ долженъ былъ когда-то остановиться, потому что ему не хватало покровительства и поощренія государства.

«Задачей моего дома будетъ стремленіе способствовать развитію мирной торговли и навигаціи на долгіе годы».

5-го *августа*.—Кончина императрицы Фредерики, матери императора.

23-го *августа.*—Визитъ англійскаго короля Эдуарда VII въ Wilhelmshoehe.

11-го *сентября.* Встрѣча съ царемъ Николаемъ II передъ Данцигомъ.

14-го *декабря.*—Императоръ принимаетъ маркиза Ито, котораго именуетъ «японскимъ Бисмаркомъ».

18-го *декабря.*—Окончаніе работъ въ Аллеѣ побѣдъ въ Берлинѣ. Рѣчь къ артистамъ.

1902.

25-го *января.* — Освященіе въ музеѣ декоративныхъ искусствъ въ Берлинѣ витро, дарованнаго Вильгельмомъ II, и изображающаго его отца и мать:

«Отъ идеальнаго облика моего отца, возлѣ моей покойной матери, вознесенной любовью народа, сошло на насъ благословеніе неба: это было чудесное видѣніе; пыль земли не достигала края его одеждъ. А вотъ прекрасный, чистый образъ моей матери, этой женщины съ горячимъ сердцемъ, всѣ мысли которой были полны художественныхъ стремленій, ея, желавшей, чтобы все въ жизни носило печать красоты. Ее окружало дыханіе поэзіи. Передъ вами ихъ сынъ и наслѣдникъ. И я считаю своимъ долгомъ продолжать то, что началъ, простирая руку надъ моимъ народомъ, поддерживать въ немъ культъ красоты и развивать искусство, но въ строгихъ границахъ, которыя ему ставятъ чувство прекраснаго и гармоніи».

27 *января.*—Увѣдомленіе Вильгельма римскому синдику, что онъ даруетъ городу памятникъ Гете.

30 января.—Въ рейхстагѣ вывѣшиваютъ три таблицы работы императора, изображающія прогрессъ морского дѣла въ Россіи, Японіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Февраль—мартъ.—Поѣздка принца Генриха, брата императора, въ Соединенные Штаты.

5 августа.—Свиданіе въ Ревелѣ съ царемъ.

7 августа.—Католическое большинство баварскаго ландтага, въ конфликтѣ съ правительствомъ, мститъ за насильственный уходъ министра вѣроисповѣданій, фонъ-Ландмана и отказываетъ во всѣхъ кредитахъ, внесенныхъ въ бюджетъ для поощренія искусствъ. Они дважды вычеркнули кредитъ въ 100,000 марокъ, предназначенный въ распоряженіе принца-регента для пріобрѣтенія произведеній искусствъ.

Въ это время императоръ былъ въ Ревелѣ, гдѣ у него было свиданіе съ русскимъ государемъ. По возвращеніи въ Германію онъ узналъ о томъ, что произошло, и тотчасъ же телеграфировалъ принцу-регенту:

«Вернувшись изъ путешествія, я прочелъ съ глубокимъ негодованіемъ извѣстіе объ отказѣ въ той суммѣ, которую ты испрашивалъ для художественныхъ цѣлей. Спѣшу тебѣ выразить, какой гнѣвъ во мнѣ вызвала эта низкая неблагодарность! Она вылилась въ этомъ поступкѣ не только вообще по отношенію къ дому Виттельсбахъ, но и противъ твоей благородной личности, слишкомъ извѣстной своимъ покровительствомъ и поощреніемъ искусствъ. Одновременно прошу тебя разрѣшить мнѣ доставить въ твое распоряженіе сумму, необходимую тебѣ для выполненія той задачи, которую ты себѣ намѣтилъ въ области искусства».

«*27 августа.*—Пріѣздъ итальянской королевской четы въ Потсдамъ.

8 *ноября.*—Пріѣздъ Вильгельма II въ Англію. Онъ ѣдетъ въ замокъ Сандрингамъ, какъ гость Эдуарда VII.

15 *ноября.*—Кайзеръ лично показываетъ королю и его гостямъ приведеніе въ дѣйствіе аппаратовъ спиртовой топки и освѣщенія нѣмецкаго производства, специально доставленныхъ по его приказанію. Вильгельмъ переводитъ нѣмецкія примѣчанія и говоритъ, что у него самого въ Sans-Souci и въ новомъ замкѣ въ Потсдамѣ спирто-калильныя лампы.

1903.

20 *февраля.*—*Grenzboten* публикуютъ письмо Вильгельма по поводу *Babel und Bibel*.

2 *апрѣля.*—Поѣздка въ Копенгагенъ. Вильгельмъ II получаетъ чинъ датскаго адмирала отъ короля Христіана; онъ отвѣчаетъ на тостъ короля на банкетѣ въ его честь, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я, одинъ изъ самыхъ молодыхъ государей Европы, преклоняюсь съ глубокимъ почтеніемъ передъ старѣйшимъ изъ насъ и говорю изъ глубины моего сердца, съ согласія, я знаю это, всего моего народа, соединеннаго расовыми узами съ храбрымъ датскимъ народомъ: да сохранитъ и да благословитъ Богъ Ваше Величество, васъ, кого мы глубоко чтимъ какъ лучшаго изъ государей, какъ самаго чуткаго и самаго добросовѣстнаго, могущаго служить примѣромъ какъ государя, такъ и отца и мужа».

2 *мая.*—Посѣщеніе кайзеромъ короля Виктора Эммануила въ Римѣ.

3 *мая.* — Императоръ посѣщаетъ Ватиканъ и въ теченіе 20 минутъ бесѣдуетъ съ папой Львомъ XIII.

5 *мая.*—Онъ посѣщаетъ аббатство Монте-Кассино.

14 *мая.*—Освященіе новаго портала въ Мецскомъ соборѣ, дарованнаго императоромъ.

20 *іюня.*—Освященіе памятника Вильгельму I въ Гамбургѣ:

«Не забудемъ, что въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ уже понимаетъ и чувствуютъ, онъ видѣлъ Іену и Тильзитъ и все-таки не потерялъ вѣру въ будущность отечества. Послѣ Тильзита пришелъ Версаль. Такъ будетъ и въ дальнѣйшемъ, и наша эпоха тоже имѣетъ свои обязанности».

20 *іюля.*—Телеграмма кардиналу Ореглія по случаю кончины Льва XIII:

«Я останусь вѣренъ памяти благороднаго старца, который былъ моимъ личнымъ другомъ; еще нѣсколько недѣль тому назадъ, во время моей послѣдней поѣздки въ Римъ, я восхищался богатствами его ума и сердца».

28 *августа.*—Банкетъ въ Касселѣ:

«Я думаю, что никто среди насъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, какая громадная работа и подавляющая отвѣтственность ложится на того, кто отвѣчаетъ за пятьдесятъ восемь милліоновъ нѣмцевъ».

18 *сентября.*—Вильгельмъ II принятъ въ Вѣнѣ императоромъ Францемъ Іосифомъ.

21 *сентября.*—Открытіе памятника въ Данцигѣ императору Вильгельму I.

4 *ноября.*—Вильгельмъ II принимаетъ въ Висбаденѣ государя Николая II.

7 *ноября.*—Вильгельму II дѣлаютъ въ Потсдамѣ операцію—вырѣзаютъ полипъ въ горлѣ: операція вполнѣ удачна.

17 *декабря.* — Пріемъ въ Берлинѣ датскаго короля и принца Вальдемара.

1904.

12 *марта.*—Императоръ уѣзжаетъ въ крейсированіе въ Средиземное море.

26 *марта.*— Вильгельмъ II принимаетъ на борту *Гогенцоллерна* итальянскаго короля.

8 *апрѣля.*—Заключеніе франко-англійскаго дружескаго соглашенія по поводу Марокко и Египта.

28 *апрѣля.*—Въ Карлсруэ; отвѣтъ на адресъ бургомистра:

«Нѣмецкому народу предстоитъ тяжелая задача. Но вспомнимъ великую эпоху, создавшую единство имперіи, вспомнимъ сраженія при Вертѣ, Виссембургѣ и Седанѣ и то восклицаніе, которымъ великій герцогъ баденскій привѣтствовалъ перваго германскаго императора. Это укрѣпитъ въ насъ вѣру въ то, что Богъ поможетъ намъ побѣдить ненависть партій. Событія, волнующія свѣтъ, должны были бы заставить позабыть внутреннія распри. Я надѣюсь, что миръ не будетъ нарушенъ и что событія, которыя развертываются передъ нами, сумѣютъ соединить умы, просвѣтлить ихъ, разбудить храбрость и объединять насъ всѣхъ, если бы явилась необходимость вмѣшаться въ міровую политику».

14 *мая*.—Освященіе памятника Вильгельму I въ Саррбрюкѣ:

«Я молю Бога, чтобы онъ поддержалъ меня въ моихъ стараніяхъ сохранить миръ моей странѣ, для того, чтобы трудолюбивое населеніе этихъ городовъ могло работать и развиваться подъ защитой мира и государственнаго щита; потому что я болѣе, чѣмъ увѣренъ, я знаю, что наша совѣсть чиста, что мы ни съ кѣмъ не ищемъ ссоры и что Богъ будетъ съ нами, если бы кто-либо захотѣлъ силой нарушить нашу мирную работу».

25 *іюня*.—Прибытіе англійскаго короля, Эдуарда VII въ Киль. На парадномъ обѣдѣ Вильгельмъ II произноситъ слѣдующее:

«Ваше Величество были встрѣчены салютомъ громовыхъ пушечныхъ выстрѣловъ нѣмецкаго флота. Это самый юный флотъ въ мірѣ и онъ служитъ доказательствомъ того возрастающаго значенія, какое вновь пріобрѣтаетъ на морѣ германская имперія, возсозданная моимъ покойнымъ дѣдомъ. Этотъ флотъ имѣетъ своимъ назначеніемъ покровительство нашей торговлѣ и нашей территоріи, и служитъ, какъ и германская армія, для поддержанія мира».

6 *сентября*.—Тостъ на большомъ обѣдѣ въ ратушѣ въ Гамбургѣ:

«Германская имперія вправѣ имѣть армію и флотъ, которые нужны ей для защиты своихъ интересовъ, и никто не помѣшаетъ ей организовать ихъ по своему усмотрѣнію».

19 *ноября*.—Открытіе въ Вашингтонѣ памятника Фридриху Великому, дарованнаго императоромъ американскому народу.

Вильгельмъ II телеграфируетъ президенту Рузвельту:

«Дружба между Германіей и Соединенными Штатами, первый камень которой заложенъ Фридрихомъ Великимъ, покоится на непоколебимыхъ гранитныхъ устояхъ».

1905.

10 *января*.—Вильгельмъ II присуждаетъ орденъ «За заслугу» генераламъ Стесселю и Ноги. Онъ телеграфируетъ русскому государю:

«Защита Портъ-Артура навсегда останется примѣромъ для солдатъ всѣхъ временъ. Весь міръ, а больше всѣхъ мое войско и я, восхищаемся героемъ, командовавшимъ своими доблестными полками. Желая выразить нашу симпатію и наше восхищеніе генералу Стесселю и его храбрымъ войскамъ, я награждаю его, съ твоего согласія, конечно,—нашимъ высшимъ знакомъ отличія, орденомъ «За заслугу», основаннымъ Фридрихомъ Великимъ. Я назначаю ту же награду его храброму противнику, генералу Ноги».

16-го *февраля*. — Открытіе памятника генералу Колиньи.

22-го *марта*.—Открытіе памятника Императору Фридриху въ Бременѣ.

27-го *марта*. — Вильгельмъ II прибываетъ въ Лиссабонъ на пароходѣ *Гамбургъ*.

31 *марта*.—Вильгельмъ сходитъ на берегъ въ Танжерѣ. Отвѣтъ Абдель-Малеку, дядѣ Абдель-Азиза, посланному его встрѣтить:

«Мое пребываніе въ Танжерѣ имѣло цѣлью освѣдомить кого слѣдуетъ, что я рѣшилъ сдѣлать все отъ меня зависящее для защиты интересовъ Германіи въ Марокко. Считая султана вполнѣ свободнымъ властителемъ, я съ нимъ однимъ и желалъ бы притти къ соглашенію относительно мѣръ, способствующихъ охраненію этихъ интересовъ. Что касается реформъ, которыя султанъ намѣренъ произвести, мнѣ кажется, ему необходимо дѣйствовать съ большой осторожностью, считаясь съ религіозными чувствами населенія, для того чтобы общественный порядокъ не былъ нарушенъ».

5 *апрѣля*.—Пріѣздъ въ Неаполь. Вильгельмъ II принимаетъ итальянскаго короля на *Гогенцоллернъ*.

11 *апрѣля*.—Императоръ сходитъ на берегъ въ Корфу и принимаетъ на своей яхтѣ греческаго короля.

2 *мая*.—Пріѣздъ въ Венецію и отъѣздъ въ Германію.

8 *мая*.—Какъ видно изъ газеты *Strassburger Post*, императоръ во время завтрака въ офицерскомъ собраніи произноситъ слѣдующую рѣчь (текстъ ея не былъ опубликованъ офиціально, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ достовѣрности содержанія, переданнаго въ *Strassburger Post*, нѣмецкомъ офиціозномъ органѣ Эльзасъ-Лотарингіи):

«Молодыхъ людей надо вести болѣе сурово. Необходимо заставлять ихъ работать днемъ настолько, чтобы они уставали къ вечеру и предпочитали постель разслабляющимъ удовольствіямъ. Физическое состояніе офицеровъ—это сердце арміи, и оно должно быть безукоризненно, иначе страдаетъ вся армія.

«Настоящая война служитъ этому лучшимъ доказательствомъ: японскіе офицеры, здоровые и крѣпкіе физически, выдержали испытаніе наравнѣ съ солдатами.

Русскіе же офицеры, наоборотъ, оказались гораздо слабѣе, тогда какъ солдаты вели себя отлично и дрались храбро. Мой сынъ (принцъ Адальбертъ) разсказывалъ мнѣ, что всѣ русскіе офицеры покупали шампанское въ Кіао-Чіао. Въ походѣ надо жить воздержанно, и не думать о подобныхъ вещахъ.

«Что касается военной тактики этой кампаніи, то она только подтвердила опытъ бурской войны. Нельзя дѣлать себя мишенью врагу, при атакѣ же или оборонѣ позиціи—не ждать сапера, а браться за лопату самимъ. Русскіе возвели замѣчательныя укрѣпленія, трудно себѣ представить лучшія даже въ мирное время. Старинныя формы защиты теперь опять въ почетѣ. Но наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ нужно признать проволоку; умѣло употребляемая русскими, она нанесла японцамъ большой ущербъ.

Что касается хода операцій, то тутъ мы часто видѣли полное пренебреженіе къ вѣрнымъ стариннымъ правиламъ: главнокомандующій, когда опредѣлился фронтъ соприкосновенія съ непріятелемъ, не долженъ находиться на передовыхъ позиціяхъ. Тамъ онъ видитъ только окружающую его мѣстность и совершенно теряетъ изъ виду цѣлое.

«Въ битвѣ подъ Мукденомъ русскій главнокомандующій, генералъ Куропаткинъ, сдѣлалъ ту ошибку, что находился впереди. Японскій главнокомандующій, маршалъ Ойяма, находился въ тылу и наблюдалъ оттуда общую картину сраженія. Онъ получалъ извѣстія по телеграфу и дѣлалъ по телеграфу же распоряженія. Онъ былъ спокоенъ какъ шахматный игрокъ, который двигаетъ свои фигуры».

По отчету *Strassburger Burgerzeitung*, императоръ прибавилъ:

«Теперь, когда Россія обнаружила свою слабость передъ желтой опасностью, Германія обязана эту опасность отразить. Офицеры и солдаты германской арміи должны быть настороже, чтобы не впасть въ распутство и пьянство».

11 *мая.*—Открытіе на Гравелотскомъ кладбищѣ памятника, воздвигнутаго солдатамъ, павшимъ въ бою.

15 *мая.*—Кайзеръ принимаетъ въ Мецѣ кардинала Коппа, который, отъ имени папы, передаетъ ему орденъ гроба Господня. Вильгельмъ благодаритъ его и говоритъ:

«Два года назадъ въ Мецѣ, ваше преосвященство присутствовали при освященіи соборнаго портала, пожертвованнаго мною, вы были тамъ, какъ легатъ Е. С. папы Льва XIII, досточтимаго старца, котораго я имѣлъ счастье знать лично. Сегодня вы исполняете миссію его преемника нынѣшняго папы, всѣми своими дѣйствіями внушающаго мнѣ глубокое уваженіе».

6 *іюня.*—Вѣнчаніе кронпринца съ принцессой Цециліей Мекленбургской.

23 *іюля.*—Свиданіе въ Бьеркэ царя съ Вильгельмомъ. Яхты обоихъ монарховъ, *Сѣверная Звѣзда* и *Гогенцоллернъ*, стоятъ рядомъ: Вильгельмъ II дѣлаетъ визитъ Николаю II на его яхтѣ, затѣмъ оба возвращаются на *Гогенцоллернъ*.

24 *іюля.*—*Гогенцоллернъ* покидаетъ бухту Бьеркэ.

29 *іюля.*—Вильгельмъ II дѣлаетъ смотръ флоту въ Данцигѣ.

31 *іюля.*—Въ Копенгагенѣ. Обѣдъ въ замкѣ Бернсторфъ, на которомъ присутствуетъ король Христіанъ.

3 *августа.*—Въ Гнѣзнѣ (Польша). Городъ, послѣ

проѣзда императора Оттона въ 1000 году не видалъ ни одного германскаго императора въ своихъ стѣнахъ:

«Мнѣ кажется, что многіе изъ моихъ польскихъ подданныхъ не совсѣмъ еще увѣрены въ томъ, что найдутъ справедливость и покровительство подъ флагомъ Гогенцоллерновъ; воображеніе, легко возбуждаемое культомъ нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній, можетъ привести пылкій умъ къ лживымъ заключеніямъ. Повторяю, каждый католикъ долженъ знать, что его вѣра почитается мною и что онъ никогда не будетъ потревоженъ въ ея испо вѣданіи; но и онъ, въ свою очередь, тоже долженъ уважать чужія религіи...»

«Всѣмъ католикамъ, и нѣмцамъ и полякамъ, я бы хотѣлъ разсказать слѣдующее: во время моего послѣдняго посѣщенія Ватикана, папа Левъ XIII, прощаясь со мною, схватилъ меня за обѣ руки—и хотя я и протестантъ, благословилъ меня, и далъ слѣдующее обѣщаніе: «Я обѣщаю и клянусь Вашему Величеству именемъ всѣхъ католиковъ, вашихъ подданныхъ, къ какому бы племени или классу они ни принадлежали, что они всегда будутъ вѣрными подданными германскаго императора и прусскаго короля».

20 *августа.—Norddeutsche Zeitung* печатаетъ слѣдующую замѣтку:

«Его Императорское Величество государь и король выражаетъ желаніе, чтобы по случаю серебряной свадьбы Императорской четы, имѣющей быть въ текущемъ году, Ихъ Величествамъ не дѣлали бы никакихъ подарковъ. Вмѣсто этого Его Величество былъ бы очень доволенъ, если бы частныя общества и корпораціи создали фонды по случаю этого семейнаго празднества съ патріотической или благотворительной цѣлью».

12 *сентября.* Рѣчь, произнесенная на банкетѣ въ Кобленцѣ:

«Какая могучая жизнь кипитъ въ этой рейнской провинціи, въ ея торговлѣ, дѣятельности, промышленности, наукѣ. Даже развалины, печальный свидѣтель стыда и упадка нашей страны въ тѣ дни, когда чужеземные завоеватели проникли въ нее, развалины, которыя были пустынны и заброшены въ то время, когда я учился здѣсь—отстраиваются и заселяются людьми.

«Кому мы всѣмъ этимъ обязаны? По волѣ Божіей, Его Величеству Императору Вильгельму Великому, тому, который объединилъ наше отечество, его сыну и его вѣрнымъ сподвижникамъ. Да, этотъ великій императоръ, создавъ германскую имперію, оставилъ намъ превосходное жилище, великолѣпное и достославное зданіе; оно напоминаетъ мнѣ высокій укрѣпленный *Burg* моихъ предковъ, который я посѣтилъ недавно.

«Германскій замокъ высится въ воздушномъ пространствѣ, высокъ и побѣдоносенъ, крѣпокъ и непоколебимъ, какъ мой Burg; онъ раздѣленъ на покои, на небольшія комнаты и огромныя залы, смотря по надобности; всѣ онѣ выкрашены въ разные цвѣта, зеленый и бѣлый, красный и черный, синій и бѣлый, черный и бѣлый. Въ этомъ замкѣ, какъ въ нашемъ Burg'ѣ, двѣ часовни одна подлѣ другой, одна для протестантовъ, другая для католиковъ, чтобы тѣ и другіе могли мирно совершать свои службы.

«Надъ крѣпостной стѣной развѣвается имперскій флагъ, старый германскій орелъ, на котораго всѣ нѣмцы съ гордостью обращаютъ свои взоры. А въ замкѣ живетъ работящій германскій народъ, радостный, дружно идущій впередъ, вѣрный своимъ государямъ одной съ нимъ расы, и въ первомъ ряду—мои подданные рейнской провинціи.

«Отъ всего сердца желаю этому народу, чтобы онъ продолжалъ жить въ радостной гармоніи съ этимъ домомъ. Прежде всего, я хочу, чтобы уважали личность въ человѣкѣ, чтобы уважали его, когда онъ подымаетъ глаза къ небу, раскинувшему свой куполъ надъ нашимъ домомъ, когда онъ взываетъ къ Спасителю и Искупителю всѣхъ насъ, къ Тому, на Кого мы надѣемся и Кому вѣримъ, что Онъ проститъ намъ наши грѣхи.

«Если германскій народъ вступитъ такимъ образомъ въ міръ съ надеждой на Бога, онъ сумѣетъ выполнить великое дѣло цивилизаціи, къ которому предназначенъ Провидѣніемъ».

25 *октября*—посѣщеніе Вильгельмомъ Дрездена. Въ Дрезденскомъ дворцѣ дается парадный обѣдъ; саксонскій король произноситъ тостъ, въ которомъ говоритъ:

«Я считаю, что первый долгъ союзныхъ, германскихъ государей оставаться всегда тѣсно связанными старой, германской лойяльностью. Это лучшія и самыя прочныя узы, которыя укрѣпляютъ единство нашего германскаго отечества; оно можетъ тогда лишь погибнуть, когда ни одно изъ насъ не останется въ живыхъ».

Императоръ отвѣчаетъ:

«Ваше Величество, можете быть увѣрены, что во мнѣ вы всегда найдете вѣрнаго, дѣятельнаго друга. Если всѣ германскіе государи исполнены тѣхъ же чувствъ, какія были только что выражены Его Величествомъ саксонскимъ королемъ, легко будетъ побѣдить всѣ препятствія міра. При довѣріи нашихъ государей, при поддержкѣ свободнаго содѣйствія нашего народа, можно спокойно смотрѣть въ лицо будущаго. Отрадно слышать такія слова послѣ тя-

желыхъ трудовъ этого лѣта. Если германская имперія будетъ развиваться такъ, какъ я только что говорилъ, то мы можемъ смѣло, поднявъ забрало нашего шлема, съ той нѣмецкой отвагой, какую даетъ чистая совѣсть, смотрѣть въ глаза тѣмъ, кому захотѣлось бы преградить намъ путь и помѣшать законной защитѣ нашихъ интересовъ».

26-го *октября.* — Открытіе въ Берлинѣ памятника-статуи генералу Мольтке; вечеромъ, на парадномъ обѣдѣ, императоръ произноситъ слѣдующій тостъ:

«Осушимъ сегодня два стакана: первый изъ нихъ за прошлое и за воспоминанія!

«Выпьемъ нашъ первый стаканъ молча, воздавая благодарность Провидѣнію, которое дало намъ въ столь великую эпоху великаго императора и его сподвижниковъ: пусть наше воспоминаніе благоговѣйно обратится къ величайшему генералу Его Величества, Императора Вильгельма I.

«Второй стаканъ осушимъ за будущее и за настоящее! Мы видѣли, господа, каково наше положеніе въ мірѣ. А потому, да здравствуетъ порохъ и заостренный мечъ! да здравствуетъ намѣченная цѣль и силы наготовѣ! да здравствуетъ нѣмецкая армія и главный штабъ! Ура!!!».

6-го *ноября.* — Пріѣздъ испанскаго короля въ Берлинъ.

12-го *ноября.* — Принесеніе присяги рекрутовъ въ Потсдамѣ:

«Я хочу имѣть благочестивыхъ и храбрыхъ солдатъ въ моемъ войскѣ, а не насмѣшниковъ».

28-го *ноября.* — Открытіе рейхстага. Императоръ произноситъ тронную рѣчь.

«Германская имперія находится въ корректныхъ отношеніяхъ со всѣми державами, а со многими даже въ добрыхъ и дружескихъ... Если бросить взглядъ на міровое положеніе Германіи, нельзя не признать, что намъ приходится считаться съ постояннымъ непониманіемъ нѣмецкаго характера и съ предразсудками противъ успѣховъ нѣмецкой дѣятельности. Затрудненія, возникшія между Франціей и нами по поводу дѣла въ Марокко, имѣютъ своимъ происхожденіемъ одну лишь тенденцію урегулировать безъ нашего участія тѣ вопросы, въ которыхъ затронуты нѣмецкіе интересы; подавленныя съ одного конца, подобныя тенденціи всегда могутъ вынырнуть съ другого.

«Я смотрю на миролюбіе нѣмецкаго народа какъ на нѣчто священное, но знаменія времени вынуждаютъ нѣмецкій народъ усилить свою защиту противъ всякаго рода покушеній».

1906.

25—27-го *февраля*.—Императоръ празднуетъ свою серебряную свадьбу. Отвѣчая на привѣтствія графа Бюлова, Вильгельмъ говоритъ:

«Первая женщина Германіи, прусская королева, должна такъ же, какъ и всѣ остальныя, вліять на наши мысли, умѣрять ихъ и направлять».

27-го *февраля*.—Вѣнчаніе принца Эйтель-Фридриха, второго сына императора, съ герцогиней Софіей-Шарлоттой Ольденбургской.

2-го *апрѣля*.—Вильгельмъ II принимаетъ нѣмецкихъ рудокоповъ, которые ѣздили въ Куррьеры со спасательными аппаратами послѣ катастрофы, и говоритъ имъ:

«Вы доказали, что есть нѣчто, для чего не существуетъ границъ и что соединяетъ народы, къ какой бы народности они ни принадлежали: это любовь къ ближнему. Вы послѣдовали этому завѣту нашего Спасителя».

13-го *апрѣля.* Императоръ телеграфируетъ графу Голуховскому, австрійскому канцлеру:

«Отправляя, съ милостиваго разрѣшенія вашего государя, большой крестъ ордена Краснаго Орла графу Вельзерсхеймбъ, въ благодарность за его старанія, увѣнчавшіяся успѣхомъ на конференціи въ Альжезирасѣ, я чувствую потребность поблагодарить васъ отъ всего сердца за твердую поддержку, которую вы оказали моимъ уполномоченнымъ, что служитъ прекраснымъ образцомъ вѣрности надежнаго союзника. Вы проявили себя блестящимъ помощникомъ и всегда можете ждать и отъ меня такихъ же услугъ въ подобномъ случаѣ».

18-го *мая.*—Въ Тіонвиллѣ, отвѣтъ на адресъ бургомистра:

«Само собою разумѣется, что вашъ городъ и его промышленность могутъ лишь тогда процвѣтать, когда обезпеченъ миръ; Богу было угодно сохранить намъ его въ минувшемъ году и я твердо увѣренъ, что мнѣ и въ будущемъ удастся, опираясь на нашу армію, сохранить и обезпечить миръ для германской имперіи».

6—7-го *іюня.*—Посѣщеніе Вильгельмомъ II Франца-Іосифа въ Вѣнѣ. Обмѣнъ телеграммъ съ итальянскимъ королемъ.

19-го *іюня.*—Въ Куксгафенѣ, за обѣдомъ въ морскомъ Яхтъ-Клубѣ императоръ говоритъ:

«Германская имперія достигла на морѣ такихъ успѣховъ, которые не могутъ не вызвать изумленія. Нашъ военный флотъ неизмѣнно слѣдуетъ за торговымъ, который идетъ гигантскими шагами. Первое условіе для того, чтобы это движеніе на морѣ, связующемъ народы, продолжалось—есть поддержаніе мира. Богъ далъ намъ миръ, почетный миръ. Да сохранитъ онъ его намъ и впредь!»

4-го *іюня*.—Супруга наслѣднаго принца Цецилія рождаетъ сына: Вильгельмъ II становится дѣдушкой; онъ въ это время крейсируетъ у норвежскаго побережья и узнаетъ о совершившемся изъ телеграммы Абдула-Гамида. Онъ тотчасъ же телеграфируетъ своему сыну:

«Узналъ отъ турецкаго султана о рожденіи твоего сына и т. д.».

15—16-го *августа*.—Встрѣча Эдуарда VII съ Вильгельмомъ II въ Кронбергѣ, въ Таунусѣ.

8-го *сентября*.—Парадный обѣдъ въ Бреславлѣ. Тостъ императора:

«Міръ принадлежитъ живымъ, и живые правы. Я не желаю пессимистовъ: тотъ, кто не хочетъ работать, пусть уходитъ и ищетъ себѣ, если ему угодно, лучшую родину».

1907.

15—19-го *января*.—День выборовъ въ рейхстагѣ. Вечеромъ, когда стало извѣстно пораженіе соціалистовъ, бурныя манифестаціи были устроены передъ дворцомъ канцлера и передъ императорскимъ дворцомъ: кайзеръ благодаритъ толпу.

3—6-го *іюля*.—Посѣщеніе императоромъ и императрицей датской королевской четы въ Копенгагенѣ.

3—6-го *августа*.—Свиданіе кайзера съ царемъ въ Свинемюнде.

14-го *августа*.—Свиданіе съ Эдуардомъ VII въ замкѣ Wilhelmshoehe.

27-го *августа*.—Въ Ганноверѣ, отвѣчая на рѣчь бургомистра, Вильгельмъ говоритъ:

«Если миръ могъ удержаться столь долгое время, то этимъ мы обязаны какъ волѣ Всевышняго, такъ и нашей испытанной арміи.. Дай, Господи, чтобы мнѣ было ниспослано сохранить и въ будущемъ эту драгоцѣнную гарантію, безъ которой самая горячая работа горожанъ и крестьянъ ни къ чему не приведетъ».

24-го *сентября*.—Вильгельмъ открываетъ «національный памятникъ» въ Мемелѣ. Этотъ памятникъ изображаетъ «Пруссію», облеченную въ броню, въ каскѣ, увѣнчанной орломъ съ распростертыми крыльями, держащую обнаженную шпагу въ правой рукѣ, а въ лѣвой—щитъ, на которомъ написано слово «Borussia».

По обѣ стороны памятника бюсты Іорка, Гнейзенау, Шарнгорста, Дона, Штейна, Гарденберга, Шона и Шоттера.

Памятная доска изъ силезскаго гранита, помѣщенная въ ратушѣ, носитъ слѣдующую надпись:

«*Въ этомъ домѣ жили король Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза Прусская съ 8 января 1807 года по 15 января 1809 года*».

Памятникъ долженъ напоминать о томъ, какъ вынужденные къ бѣгству король и королева Пруссіи скрыва-

лись въ теченіе года въ Мемелѣ, гдѣ они вырабатывали мѣры къ возрожденію Пруссіи.

Послѣ церемоніи освященія, императору былъ устроенъ пріемъ въ ратушѣ. Принимая почетный кубокъ, Вильгельмъ произноситъ слѣдующія слова:

«1807 годъ показалъ, что національное движеніе было рождено и мотивировано тѣмъ представленіемъ въ сознаніи народа, какое онъ имѣлъ о самомъ себѣ.

«На какой точкѣ зрѣнія, въ этомъ смыслѣ, стоитъ народъ въ 1907 году?

«Мемель больше уже не пограничный городъ Пруссіи, а пограничный городъ германской имперіи.

«Мы также переживаемъ великую эпоху. Прогрессъ объединеннаго отечества есть слѣдствіе единенія нѣмецкихъ народовъ. Повсюду мы должны извлекать опытъ, который училъ бы насъ пользоваться старыми источниками, даже сейчасъ, въ нашу цвѣтущую эпоху. Нужно дѣйствовать энергично пока свѣтитъ солнце».

10-го *ноября.*—Вильгельмъ II, въ сопровожденіи императрицы, пріѣзжаетъ въ портсмутскій рейдъ на *Гогенцоллернъ.* Ихъ принимаетъ принцъ уэльскій, послѣ чего они въ экстренномъ поѣздѣ отправляются въ Виндзоръ.

11-го *ноября.*—На парадномъ банкетѣ, который былъ данъ въ Виндзорѣ англійскимъ королемъ германской императорской четѣ, императоръ произноситъ слѣдующій тостъ:

«Ласковый пріемъ и милостивыя слова, съ которыми Ваше Величество обратилось къ императрицѣ и ко мнѣ, меня глубоко тронули. Узы близкаго родства, многочисленныя и дорогія воспоминанія прошлыхъ дней единятъ меня съ семействомъ Вашего Величества. Между этими

воспоминаніями, на первомъ планѣ обликъ моей высокочтимой бабки, великой королевы, чей образъ неизгладимо запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ, мысль же о моей горячо любимой матери переноситъ меня къ первымъ днямъ моего счастливаго дѣтства, проведеннымъ подъ кровомъ этого большого, стараго виндзорскаго замка».

13-го *ноября.*— Банкетъ, предложенный лордомъ-меромъ въ лондонскомъ Guildhall'ѣ императору и императрицѣ. Отвѣчая на тостъ лорда-мера, императоръ указываетъ на то, что онъ не чужой въ Лондонѣ, такъ какъ городъ его уже принималъ весьма сердечно въ Guildhall'ѣ, въ 1891 году.

«Тогда я сказалъ,—заявляетъ онъ,—что мое единственное стремленіе—это поддержаніе мира. Исторія, смѣю надѣяться, воздастъ мнѣ должное за то, что я всегда преслѣдовалъ эту цѣль. Такъ какъ всеобщій миръ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ поддержанія добрыхъ отношеній, между вашей страной и моей, то я употребляю всѣ свои силы, чтобы закрѣпить эти отношенія. Желанія нѣмецкой націи соотвѣтствуютъ моимъ. Тогда міръ увидитъ, какая блестящая будущность коммерческаго благосостоянія открывается народамъ, научившимся довѣрять другъ другу».

15-го *ноября.*—Делегація оксфордскаго университета, съ лордомъ Керзономъ во главѣ, вручаетъ императору званіе доктора гражданскаго права; императоръ, облеченный поверхъ мундира въ докторскую красную мантію, отвѣчаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Мнѣ трудно найти слова, которыя могли бы передать чувство удовлетворенія, испытываемое мною при полученіи изъ рукъ вашихъ степени доктора гражданскаго права оксфордскаго университета. Я очень жалѣлъ, что недоста-

токъ времени не далъ мнѣ возможности побывать въ Оксфордѣ и повидать еще разъ этотъ историческій очагъ, столь знаменитый своей литературой и искусствами. Помню, какъ я восхищался имъ въ былыя времена, сопровождая туда моихъ родителей. Когда я вспоминаю, что мой любимый отецъ, мой уважаемый дѣдъ и большое число знаменитостей моей страны удостоились въ началѣ прошлаго столѣтія той же чести, то начинаю еще больше цѣнить сегодняшнее торжество.

«Во всѣ времена, а, въ особенности, въ наше, на степень культуры и образованія, которой достигла страна, нужно смотрѣть какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ нравственнаго и моральнаго развитія народа.

«Оксфордскій университетъ можетъ гордиться тѣмъ, что, изъ вѣка въ вѣкъ, онъ преслѣдовалъ свою высокую цѣль и выполнялъ ее столь блестящимъ образомъ.

«Вліяніе такого учрежденія, какъ оксфордскій университетъ несомнѣнно должно давать себя чувствовать на очень большомъ разстояніи, далеко за предѣлами отчизны. Вотъ почему я чувствую такое глубокое удовлетвореніе при пожалованіи мнѣ вашимъ университетомъ этой степени.

«Но еще другія узы связываютъ меня съ оксфордскимъ университетомъ: вашъ великій согражданинъ, Сесиль Родъ, внесъ разрѣшеніе не только студентамъ британскихъ колоній, но и студентамъ Германіи и Соединенныхъ-Штатовъ, пользоваться образованіемъ въ оксфордскомъ университетѣ. Я былъ особенно счастливъ, когда выбиралъ нѣмецкихъ студентовъ, согласно желанію сэра Сесиля Рода, великодушіе котораго дало имъ возможность пользоваться такимъ огромнымъ преимуществомъ, какъ полученіе образованія въ Оксфордѣ. Эта возможность для молодыхъ нѣмцевъ присоединиться къ молодымъ англичанамъ во время ихъ занятій,—счастливый результатъ широты взглядовъ сэра

Сесиля Рода. Порученные попеченію Оксфордской alma mater, молодые люди, будутъ имѣть возможность изучить характеръ и свойства обѣихъ націй. Результатомъ этого явится духъ товарищества, который не можетъ не послужить созданію между нашими странами атмосферы дружбы и взаимнаго уваженія.

«Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ, господинъ канцлеръ, и васъ господа, за отличіе, которое вы мнѣ сегодня оказали».

16-го *ноября*.—Императоръ принимаетъ въ нѣмецкомъ посольствѣ въ Лондонѣ, делегацію англійскихъ журналистовъ, которые вручаютъ ему адресъ; онъ отвѣчаетъ на него въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я безконечно счастливъ, господа, и очень цѣню ваше привѣтствіе. Очень радъ, что ваше посѣщеніе Германіи прошлымъ лѣтомъ, увѣнчалось успѣхомъ и что вы остались довольны пріемомъ, который вамъ былъ оказанъ моими соотечественниками. Вы располагаете огромной силой. И дѣйствіе этой силы въ высшей степени благотворно, если она направлена на развитіе чувства дружбы между націями. Текстъ вашего адреса показываетъ, что вы лелѣете эту задачу въ вашихъ сердцахъ. Я очень вамъ благодаренъ за ваше сегодняшнее посѣщеніе. Я въ восторгѣ, что видѣлся съ вами и надѣюсь, что вы будете продолжать работать на пользу развитія между обѣими націями дружественныхъ чувствъ, столь необходимыхъ для поддержанія европейскаго мира.

«Мы принадлежимъ къ одной и той же народности и исповѣдуемъ одну религію. Это узы—достаточно прочныя, чтобы поддержать гармонію и дружбу между нами».

17-го *ноября*.—Завтракъ въ Виндзорѣ, на которомъ присутствуютъ король и королева Англіи, король Аль-

фонсъ XIII, Вильгельмъ II и германская императрица, королевы Испаніи и Португаліи.

18-го *ноября.*—Вильгельмъ II покидаетъ Виндзоръ и ѣдетъ въ Кристчеръ, около Бернемогутъ, гдѣ остается жить въ замкѣ High Cliff. Императрица уѣзжаетъ въ Голландію.

11-го *декабря.*—Вильгельмъ II уѣзжаетъ изъ Англіи въ Голландію.

13-го *декабря.*—Банкетъ въ Амстердамѣ. Императоръ произноситъ слѣдующій тостъ:

«Прошу Ваше Величество разрѣшить мнѣ выразить самую искреннюю благодарность за милостивыя слова, произнесенныя вами и за тотъ теплый пріемъ, который оказала намъ эта великая торговая метрополія, прекрасный и старый Амстердамъ, а также и ея населеніе. Я видѣлъ въ глазахъ народа не только радушіе, но и радостную вѣрность своей любимой королевѣ. Вы, Ваше Величество, заставили дрогнуть въ моемъ сердцѣ струну, которая вибрируетъ въ унисонъ съ сердцемъ моего дома и моего народа, струну отношеній между домами Оранскимъ и Гогенцоллерновъ.

Ваше Величество можете быть увѣрены, что каждый разъ, какъ я ступаю на Нидерландскую землю, я смотрю съ сердцемъ, полнымъ благодарности, на страну, въ которой, когда-то, мои предки учились исполнять свой долгъ передъ отечествомъ. Отсюда Великій Курфюрстъ взялъ себѣ супругу; здѣсь онъ научился работать для своего народа. Благородная супруга Курфюрста оставила въ нашей памяти образъ, который до сихъ поръ еще живъ въ сердцахъ моего народа, какъ и въ духовныхъ пѣсняхъ, которыя мы поемъ въ нашихъ церквахъ по воскресеньямъ. Колонизаторскій духъ и радостная бодрость въ работѣ

Фридриха-Вильгельма I, зародились также въ этой странѣ Вотъ почему мой домъ чувствуетъ самую искреннюю благодарность къ дому Оранскихъ.

«Къ этому долгу благодарности я присоединяю искреннія пожеланія, чтобы ваша страна процвѣтала среди благодѣяній мира.

«Я вполнѣ увѣренъ также, что сегодняшній день еще болѣе укрѣпитъ узы, соединяющія оба наши дома и наши страны.

«Я знаю, что моя страна идетъ за мною, когда я молю Бога, чтобы Онъ не оставилъ своимъ покровительствомъ Ваше Величество и его уважаемое правительство, и чтобы подъ вашимъ правленіемъ прекрасныя Нидерланды процвѣтали попрежнему. Осушаю бокалъ за ваше здоровье и за Нидерланды».

1908.

25-го *марта.*—Свиданіе Вильгельма II съ итальянскимъ королемъ въ Венеціи.

10-го *апрѣля.*—Вильгельмъ II сходитъ на берегъ въ Корфу и остается на своей виллѣ Ахилейонъ.

21-го *апрѣля.*—Онъ принимаетъ тамъ турецкую миссію, которая привѣтствуетъ его отъ имени Абдулъ-Гамида.

4-го *мая.*—Императоръ на *Гогенцоллернѣ* уѣзжаетъ изъ Корфу.

7-го *мая.*—По случаю шестидесятилѣтія царствованія Франца-Іосифа, въ Шенбруннѣ дается большой праздникъ. Вильгельмъ II отъ имени всѣхъ собравшихся нѣмецкихъ государей, произноситъ слѣдующую рѣчь:

«Милосердіе Промысла Божія благословило насъ собраться сегодня здѣсь вокругъ августѣйшей особы Вашего Величества. Два поколѣнія видѣли Ваше Величество, посвятившимъ свою жизнь на благо своихъ народовъ и преслѣдовавшимъ эту цѣль съ рвеніемъ самымъ благороднымъ и неутомимымъ. Поэтому сердце Вашего Величества должно быть преисполнено справедливой гордости и чувствомъ самаго полнаго удовлетворенія, при видѣ того, какъ всѣ ваши подданные, со всѣхъ сторонъ, спѣшатъ признать съ любовью и благодарностью отеческую заботливость ихъ обожаемаго монарха.

«Не только ваши собственные подданные восторженно привѣтствуютъ васъ, но и далеко за предѣлами имперіи народъ съ уваженіемъ и восхищеніемъ склоняется передъ глубокочтимой особой Вашего Величества. Здѣсь, государь, вы видите три поколѣнія германскихъ государей, собравшихся вокругъ васъ, и среди нихъ нѣтъ ни одного, который не видѣлъ бы въ васъ для себя примѣра, еще раньше даже, чѣмъ былъ призванъ къ исполненію своихъ высокихъ обязанностей. За весь этотъ періодъ своей шестидесятилѣтней работы вы были для всѣхъ насъ высшимъ примѣромъ, который послужитъ назиданіемъ и для нашихъ дѣтей и для внуковъ младшихъ изъ насъ.

«Всѣ мы явились сюда, какъ вѣрные друзья и союзники Вашего Императорскаго, Королевскаго и Апостолическаго Величества, съ нами и Ея Величество императрица и королева, моя супруга, съ тѣмъ, чтобы выразить тѣ сердечныя чувства дружбы и привязанности, которыя насъ воодушевляютъ.

«Изъ глубины сердца мы приносимъ наши почтительныя привѣтствія благородному монарху, вѣрному союзнику, могучему блюстителю мира, на главу котораго мы призываемъ всѣ благословенія неба».

13-го *мая.*—Императоръ присутствуетъ на освященіи перестроеннаго замка Hochkoenigsburg возлѣ Шлестштадта.

31-го *мая.*—Пріѣздъ шведской королевской четы въ Берлинъ.

14-го *іюня*—Свиданіе въ Ревелѣ между королемъ Эдуардомъ VII и императоромъ Николаемъ II, свидѣтельствующее о существованіи англо-русскаго соглашенія, дополняющаго соглашенія англо-французское, что вызываетъ въ Европѣ многочисленные толки по поводу «окруженія» (*encerclement*) Германіи.

14-го *іюня*, провинціальная газета Dortmunder Zeitung передаетъ пессимистическія слова, произнесенныя самимъ императоромъ въ Деберицѣ къ концу смотра кавалеріи: «Дѣйствительно, насъ, кажется, хотятъ окружить и провоцировать. Мы сумѣемъ это выдержать. Никогда германецъ не сражался лучше, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось защищаться со всѣхъ сторонъ. Пусть же они идутъ на насъ. Мы будемъ готовы». Эти слова произвели въ Германіи огромную сенсацію. Общій смыслъ ихъ никѣмъ не былъ опровергнутъ. Официальные журналы пытались только умѣрить ихъ значеніе.

3-го *августа.*—Кайзеръ отдаетъ визитъ шведскому королю въ Стокгольмѣ.

11-го *августа.*—Свиданіе Вильгельма II съ Эдуардомъ VII въ Кронбергѣ, въ Таунусѣ.

26-го *августа.*—Вильгельмъ II въ Мецѣ.

27-го *августа.*—Смотръ 40.000-му войску на маневрахъ въ Фраскати.

29-го *августа.* — Послѣ смотра войскамъ страсбургскаго гарнизона, дается парадный обѣдъ, на которомъ кайзеръ произноситъ слѣдующій тостъ:

«Парадъ 15-го армейскаго корпуса, на которомъ присутствовали Его Величество король саксонскій, многочисленные нѣмецкіе государи и я, прошелъ блестяще. Я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу выразить лишній разъ Вашему Сіятельству мою благодарность и передать мои поздравленія всему армейскому корпусу здѣсь, на этой исторической почвѣ, передъ вратами Страсбурга, этого великолѣпнаго города.

«Но какое бодрящее впечатлѣніе производилъ такъ же видъ старыхъ участниковъ борьбы временъ моего дѣда, столпившихся рядами въ штатскомъ платьѣ, какъ въ Мецѣ, передъ войсками. И не менѣе обрадовало меня то обстоятельство, что я увидѣлъ среди нихъ множество старыхъ французскихъ солдатъ. Они собрались здѣсь и всѣ стояли рядомъ, тѣ кто сражался при Сольферино, при Маджентѣ, Инкерманѣ, Севастополѣ, тутъ же отставные солдаты изъ Боскэ, сенъ-Арно, Пелиссье, Форей, а рядомъ съ ними, украшенные желѣзнымъ крестомъ, бойцы принца Фридриха-Карла, генерала Штейнметца и многихъ другихъ нѣмецкихъ генераловъ.

«Такъ и должно быть.

«Тамъ, гдѣ живетъ, дѣйствительно, военный духъ, сердца солдатъ бьются въ унисонъ.

«Пусть же 15-ый корпусъ сохранитъ и въ будущемъ то блестящее состояніе, въ которомъ онъ мнѣ показалъ себя сегодня; пусть постоянными занятіями пополняетъ и дальше для большаго моего удовлетворенія, свое военное образованіе.

«Я пью за процвѣтаніе 15-го армейскаго корпуса.

«Ура! ура! ура!»

30-го *августа*.—Парадный обѣдъ въ Страсбургѣ, императоръ произноситъ слѣдующій тостъ:

«Отъ всего сердца привѣтствую васъ, господа и выражаю вамъ, вмѣстѣ съ императрицей, мою самую горячую благодарность за прекрасный пріемъ, которымъ населеніе Эльзасъ-Лотарингіи какъ здѣсь, такъ и въ Мецѣ, краснорѣчиво выразило мнѣ свою любовь и привязанность. Мнѣ хочется еще разъ поблагодарить васъ за то дѣятельное участіе, которое вы приняли въ перестройкѣ стариннаго и почитаемаго Hochkoenigsburg'а и я благодарю также лотарингцевъ за ихъ патріотическое отношеніе. Въ продолженіе тридцати семи лѣтъ вы могли спокойно отдаваться вашимъ разнообразнымъ работамъ. Прекрасная Эльзасъ-Лотарингія за этотъ срокъ развилась поразительно, сверхъ всякаго ожиданія, наравнѣ съ нѣмецкой имперіей, и не перестаетъ процвѣтать.

«Какъ жители пограничной страны, вы, конечно, особенно заинтересованы въ сохраненіи мира.

«Радуюсь, что могу вамъ выразить мое искреннее убѣжденіе, что европейскому миру не грозитъ никакая опасность; онъ покоится на слишкомъ прочномъ фундаментѣ, чтобы можно было такъ легко его опрокинуть постоянными придирками и клеветою, внушенными ревнивымъ и завистливымъ отношеніемъ нѣкоторыхъ людей. Прочную гарантію мира даетъ, прежде всего, сознательное отношеніе къ нему монарховъ и государственныхъ людей; эти люди сознаютъ и чувствуютъ себя отвѣтственными передъ Богомъ за жизнь и благосостояніе народовъ, управленіе надъ которыми имъ довѣрено. Затѣмъ—сами народы желаютъ принять участіе въ благородныхъ завоеваніяхъ цивилизаціи въ области прогресса и помѣряться своими силами въ мирномъ турнирѣ. Наконецъ, миръ укрѣпляется и обезпечивается еще и нашими военными силами на сушѣ и на морѣ, и вооруженнымъ германскимъ народомъ.

«Гордясь несравненной дисциплиной и лойяльностью своей арміи, Германія приняла рѣшеніе, никому этимъ

не угрожая, держать эту армію на высотѣ и совершенствовать ее, поскольку этого требуютъ наши интересы.

«Съ Божьей помощью и подъ покровительствомъ германскаго орла вы можете продолжать заниматься вашими мирными работами и собирать плоды вашихъ трудовъ. Да будетъ благословеніе Божіе всегда надъ вашей работой. Да здравствуетъ германская имперія! Да здравствуетъ Эльзасъ-Лотарингія!»

11-го *сентября.*—Кайзеръ совершаетъ поѣздку въ ущелье Шлюхтъ и останавливается въ chalet г-жи Гартманъ, въ одномъ километрѣ отъ французской границы. Этотъ домикъ былъ построенъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ для пріема Наполеона III, при открытіи дороги Шлюхта.

Вслѣдствіе распространившагося слуха, что Вильгельмъ долженъ былъ перейти на французскую территорію, чтобы подняться на Хонекъ, на французской сторонѣ былъ назначенъ нарядъ для соблюденія порядка.

Узнавъ объ этомъ, Вильгельмъ призвалъ Коше, комиссара въ Эпиналѣ, который назначилъ этотъ нарядъ, и обратился къ нему со слѣдующими словами:

«Я очень благодаренъ французскимъ властямъ за ихъ любезную предусмотрительность. Прошу передать вашему начальству нашу горячую благодарность.

Жалѣю, что не могу воспользоваться французскимъ гостепріимствомъ, чтобы подняться на Хонекъ, такъ какъ меня ждутъ въ Кольмарѣ. Можетъ быть, въ другой разъ представится случай».

28-го *октября.* — *Daily Telegraph* печатаетъ интервью Императора Вильгельма.

30-го *сентября.*—Прошеніе объ отставкѣ князя Бюлова не принято императоромъ.

4—7-го *ноября.*—Императоръ на охотѣ у наслѣднаго австрійскаго принца въ Экартзау. Ихъ свиданіе очень сердечное въ разгаръ балканскаго кризиса, привлекаетъ всеобщее вниманіе. Вильгельмъ въ Шенбруннѣ бесѣдуетъ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ.

7—16-го *ноября.*—Императоръ на охотѣ у князя Фюрстенберга въ Донауэшингенѣ. Онъ присутствуетъ на представленіи артистовъ, типа *Chat Noir*, и это развлеченіе въ «темные дни» монархіи комментируется всячески.

10-го *ноября.*—Вильгельмъ II посѣщаетъ въ Манзелѣ ангаръ *цеппелиновъ.* Онъ жалуетъ графу Цеппелину орденъ «Чернаго Орла», трижды цѣлуетъ его и говоритъ слѣдующее:

«Монархія и отечество могутъ гордиться такимъ сыномъ, величайшемъ нѣмцемъ двадцатаго столѣтія, тѣмъ самымъ, который своимъ изобрѣтеніемъ, привелъ человѣчество къ новому повороту въ исторіи. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что мы пережили одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ человѣческой цивилизаціи. Дай Богъ, чтобы и мы къ концу нашихъ дней могли сказать, что служили нашей дорогой родинѣ такъ же успѣшно, какъ и вы».

10-го *ноября.*—Запросъ въ рейхстагѣ по поводу интервью опубликовано въ *Daily Telegraph.*

17-го *ноября.*—Свиданіе кайзера съ Бюловымъ.

1909.

5-го *января.*—Принимая корпусныхъ командировъ съ новогодними поздравленіями, Вильгельмъ читаетъ имъ

извлеченія изъ статьи генерала Шлиффенъ въ *Deutsche Revue*, подъ заглавіемъ: «Война настоящаго». Императоръ вполнѣ согласенъ съ авторомъ. Такъ какъ эти деклараціи стали случайно извѣстны, печать спрашиваетъ, не нарушилъ ли императоръ обязательства, принятаго имъ 17 ноября 1908 года.

9-го *февраля*.—Пріѣздъ англійской королевской четы въ Берлинъ. Вечеромъ дается большой обѣдъ въ королевскомъ замкѣ. Вильгельмъ II произноситъ по-нѣмецки слѣдующій тостъ:

«Для меня, для императрицы и для всей моей семьи особая радость и искреннее удовольствіе сердечно привѣтствовать здѣсь, въ Берлинѣ, моей столицѣ и резиденціи, въ этомъ древнемъ замкѣ моихъ предковъ, Ваше Величество и Ея Величество королеву. Старинныя традиціи и тѣсныя узы родства соединяютъ насъ, и наши частыя встрѣчи были всегда для меня источникомъ чувства особаго удовлетворенія. Годъ тому назадъ мы имѣли удовольствіе, императрица и я, провести незабвенные дни въ старомъ и почитаемомъ Виндзорскомъ замкѣ. Мы надѣемся, что и ваше пребываніе здѣсь, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременное, оставитъ у васъ пріятное воспоминаніе. Императрица и я особенно радуемся присутствію на этомъ праздникѣ Ея Величества королевы, нашей обожаемой тетки; мы ей безгранично благодарны за то, что она не побоялась путешествія на холодный сѣверъ, чтобы доказать намъ теплоту ея родственныхъ чувствъ.

«Ваше Величество можете быть увѣрены, что вмѣстѣ со мною моя столица, резиденція и вся нѣмецкая имперія, видятъ въ вашемъ пребываніи здѣсь—знакъ вашихъ дружескихъ чувствъ. Германскій народъ привѣтствуетъ монарха могучей британской имперіи, воздавая ему должный почетъ и видитъ въ его посѣщеніи новую гарантію продолженія

и развитія дружескихъ и миролюбивыхъ отношеній, которыя связуютъ обѣ наши страны. Я знаю, насколько наши желанія въ вопросахъ сохраненія и закрѣпленія мира совпадаютъ. Какъ лучшее привѣтствіе Вашему Императорскому Величеству, высказываю свое твердое убѣжденіе, что ваше посѣщеніе будетъ способствовать исполненію нашихъ общихъ намѣреній и желаній. Еще разъ желаю обширной имперіи, въ которой царствуетъ Ваше Величество, процвѣтанія на многія лѣта и поднимаю бокалъ за здоровье Вашего Величества и Ея Величества королевы.

1-го *марта*.—По случаю столѣтія со дня основанія прусскаго военнаго министерства, императоръ произноситъ слѣдующую рѣчь:

«Судьба Пруссіи свершилась на поляхъ сраженія Ауэрштадта и Іены; въ Тильзитѣ договоръ о мирѣ съ его жестокими условіями завершилъ пораженіе; въ концѣ 1808 года ярмо побѣдителя угнетало расчлененное государство тяжелѣе, чѣмъ когда-либо.

«Въ этотъ періодъ глубокихъ униженій, мой прадѣдъ, упокой, Господи, его душу—король Фридрихъ Вильгельмъ, создалъ военное министерство, передавъ въ его вѣдѣніе все, что касалось арміи, оборудованія ея и содержанія. Это постановленіе имѣло неоцѣнимое значеніе, такъ какъ арміи до тѣхъ поръ не хватало единства въ ея дѣлопроизводствѣ и администраціи.

«Съ чувствомъ невыразимаго удовлетворенія я могу сегодня, сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ военное министерство начало свою столь плодотворную дѣятельность, засвидѣтельствовать съ гордостью, что министерство это всегда и вполнѣ оправдывало довѣріе тѣхъ, кто мнѣ предшествовалъ на тронѣ, а также и мое собственное.

«Я ему благодаренъ за это отъ всего сердца, и если эта

благодарность относится ко всѣмъ, кто положилъ свои силы на службу отечеству для ея славы и могущества, то взглядъ мой отличаетъ все-таки съ особеннымъ чувствомъ двухъ самыхъ выдающихся между ними: Шарнгорста и Роона, участниковъ освобожденія Пруссіи и объединенія Германіи.

«Пусть эпоха созданія военнаго министерства послужитъ вѣчнымъ примѣромъ тому, что въ работѣ на пользу родины не можетъ быть отдыха и что для нея, для ея процвѣтанія и славы, нѣтъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ тяжелой жертвы.

«Тогда всемогущая милость Творца не оставитъ дѣйствій военнаго министерства своимъ благословеніемъ; тогда Германія восторжествуетъ надъ всѣми бурями, какія бы ни были ниспосланы на нее велѣніемъ Провидѣнія. Да будетъ воля Божья!»

13 *апрѣля.*—Императоръ, императрица и принцъ Оскаръ отправляются въ Венецію.

15 *апрѣля.*—Изъ Венеціи, на *Гогенцоллернѣ*, они отправляются на островъ Корфу.

6 *мая.*—Визитъ греческихъ короля и королевы въ Ахилейонъ.

10 *мая.*—Отъѣздъ нѣмецкой императорской семьи на Мальту.

12 *мая.*—Въ Бриндизи; пріемъ итальянскихъ короля и королевы на *Гогенцоллернѣ.*

13 *мая.* — Въ Вѣнѣ; Францъ-Іосифъ даетъ парадный обѣдъ въ Hofburg'ѣ, на которомъ Вильгельмъ произноситъ слѣдующій тостъ:

«Цѣлое поколѣніе выросло и отжило съ той поры, какъ Ваше Величество положило вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ

основу дружескому союзу, который вскорѣ былъ расширенъ, къ нашей большой радости, присоединеніемъ къ нему Италіи. Исторія разскажетъ когда-нибудь, какое благословеніе почило надъ этимъ союзомъ, но всѣ уже и въ наши дни знають, насколько этотъ союзъ способствовалъ, именно въ послѣдніе мѣсяцы,—поддержанію мира во всей Европѣ. То, что было тогда посѣяно, теперь пустило корни и дало ростки въ сердцахъ нашихъ народовъ. Вашему Величеству извѣстно, насколько добровольна была связь между Австро-Венгріей и Германіей, связь, которая давала себя чувствовать каждый разъ, когда нашъ вѣрный и тѣсный союзъ долженъ былъ показать себя во внѣ; и, когда императрица и я вступали сегодня въ высокочтимый Burg, шумная радость, съ которой насъ приняли жители Вѣны, встрѣтила могучій откликъ въ нашемъ сердцѣ.

«Могу похвастаться, что здѣсь я не чужой; съ того самаго дня, когда я молодымъ принцемъ имѣлъ случай въ первый разъ представиться Вашему Величеству, я чувствовалъ постоянную потребность сблизиться съ высокоуважаемой особой Вашего Величества, всегда встрѣчая въ васъ неизмѣнную доброту и дружбу. Воспоминаніе о пріемѣ, который я встрѣчалъ въ имперіи Вашего Величества здѣсь и среди храбраго народа мадьяровъ, останется для меня навсегда незабвеннымъ.

«Пусть же эти чувства и вѣрное, дружеское расположеніе останутся живы подъ славнымъ скипетромъ Вашего Величества вплоть до самаго отдаленнаго будущаго, пусть они навсегда образують нерушимую связь между нами и нашими государствами на благоденствіе нашихъ народовъ и на сохраненіе мира!

«Вмѣстѣ съ этимъ пожеланіемъ, я пью за здоровье Вашего Величества, и Богъ да сохранитъ и да благословитъ прославленный императорскій домъ и Его Величество Франца-Іосифа. Ура! ура! ура!»

17 *іюня.*—Свиданіе съ царемъ въ Ревелѣ. За обѣдомъ, состоявшемся вечеромъ на борту яхты *Штандартъ*, германскій императоръ отвѣтилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ на тостъ царя:

«Любезныя слова, съ которыми Ваше Величество только что обратились ко мнѣ, глубоко тронули меня. Благодарю за нихъ Ваше Величество и выражаю въ то же время мою благодарность Вашему Величеству и Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ за сердечный пріемъ, еще разъ оказанный мнѣ на *Штандартѣ*.

«Какъ и Ваше Величество, я съ радостью вижу въ этомъ пріемѣ новое и драгоцѣнное подтвержденіе тѣсной и искренней дружбы, которая связываетъ насъ и наши дома.

«Я вижу въ этомъ, одновременно, новое выраженіе традиціонныхъ отношеній сердечной дружбы и довѣрія, существующихъ между нашими обоими правительствами, какъ и того, что отвѣчаетъ въ равной степени нашимъ общимъ интересамъ и глубоко миролюбивымъ чувствамъ нашихъ странъ.

«Пью за здоровье Вашего Величества, Ея Величества Государыни Императрицы и за всю Императорскую семью, и желаю, чтобы русское государство процвѣтало на пути, начертанномъ ей глубокой мудростію Вашего Величества».

14 *іюля.*—Бюловъ подаетъ въ отставку и его обязанности государственнаго канцлера передаются Бетманъ-Гольвегу.

15 *сентября.*—Рѣчь, произнесенная въ Карлсруэ, по возвращеніи войскъ съ маневровъ. Вотъ текстъ офиціознаго *Агентства Вольфа*:

«Мы, германцы, съ радостью носимъ оружіе, наше вооруженіе насъ не тяготитъ. Мы съ нимъ не разстаемся,

такъ какъ знаемъ, что оно сохраняетъ намъ миръ, при которомъ мы можемъ спокойно работать.

«До того времени, пока остается возможность войны, наша армія будетъ стоять какъ бронзовая скала, на которую опирается миръ».

Frankfurter Zeitung печатаетъ эту рѣчь въ нѣсколько иной редакціи:

«Мы, германцы, съ радостью носимъ оружіе, мы любимъ военныя игры. (Kriegspiel freudig). Наше вооруженіе насъ не тяготитъ и мы съ нимъ не разстаемся, такъ какъ знаемъ, что оно сохранитъ намъ миръ, при которомъ мы можемъ спокойно работать.

«Пока существуютъ люди, всегда будутъ завистники и враги и придется думать о способахъ защиты противъ ихъ нападеній. Поэтому война и конфликты всегда будутъ вѣроятны и мы должны быть ко всему готовы».

7 *августа.*—Второе свиданіе съ царемъ на яхтѣ *Штандартъ* въ кильскомъ каналѣ.

1910.

17 *мая.*—Вильгельмъ II даритъ бенедиктинской конгрегаціи въ Беронѣ бронзовую фигуру Христа. Эта конгрегація—отвѣтвленіе французской бенедиктинской вѣтви въ Солемѣ; она была основана въ 1863 г. При подаркѣ императоръ прилагаетъ письмо къ архимандриту:

«Ваше Преосвященство!

«Желая дать новое доказательства моего уваженія и моей благосклонности къ вамъ и къ бенедиктинской

конгрегаціи, я приношу въ даръ Беронскому аббатству художественную бронзу, *Христосъ на Крестѣ*.

«Я поручаю гофмейстеру моего двора, князю Фюрстенбергу, передать вамъ этотъ даръ. Думаю, что доставлю вамъ особенную радость, принося вамъ въ даръ изображеніе Того, къ Кому съ благоговѣніемъ обращены обѣ религіи, какъ къ источнику безпредѣльной благости для всего человѣческаго рода.

«Пусть этотъ крестъ принесетъ счастье вашему аббатству и всѣмъ вѣрующимъ, преклоняющимъ колѣна передъ Христомъ, ниспосылающимъ имъ съ неба силу и утѣшеніе. Остаюсь

Вильгельмъ *imperator et rex*.»

20 *мая*.—Вильгельмъ II присутствуетъ на похоронахъ Эдуарда VII въ Лондонѣ.

28 *мая*.—Императору вскрываютъ вередъ на рукѣ.

1 *іюня*.—Пріемъ бельгійской королевской четы въ Берлинѣ.

20 *іюня*.—Императоръ заболѣваетъ нагноеніемъ въ колѣнѣ.

22 *іюня*.—Выздоровѣвъ, онъ уѣзжаетъ въ Киль.

25 *августа*.—Пріѣздъ Вильгельма въ Кенигсбергъ. Онъ посѣщаетъ ратушу и произноситъ рѣчь, въ которой благодаритъ за оказанный ему пріемъ. Онъ намекаетъ на предстоящее снятіе нѣкоторыхъ укрѣпленій города и говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Съ военной точки зрѣнія, всегда нужна извѣстная рѣшимость, чтобы лишить укрѣпленный пограничный пунктъ части его стѣны; но я убѣжденъ, что прекрасныя качества моей арміи, въ которыхъ вы могли вчера убѣ-

диться, позволятъ намъ, съ Божьей помощью, сохранить миръ въ будущемъ; и если бы мы все-таки оказались когда-нибудь вынуждены сражаться за наше существованіе, то полковъ восточной Пруссіи будетъ вполнѣ достаточно, чтобы замѣнить стѣны и окопы».

25 *августа*.—Рѣчь, произнесенная императоромъ на обѣдѣ послѣ парада въ Кенигсбергѣ:

«Тридцать одинъ годъ истекъ съ того времени какъ я, еще молодымъ лейтенантомъ въ 1879 году, впервые участвовалъ въ большихъ императорскихъ маневрахъ въ царствованіе Вильгельма Великаго. Съ этимъ воспоминаніемъ у меня связанъ обликъ высокочтимаго великаго монарха, на челѣ котораго отразилась слава его многочисленныхъ побѣдъ. Имперія, еще молодая, только что начинала развиваться. Отецъ мой, прекрасно освѣдомленный во всѣхъ военныхъ традиціяхъ, ознакомилъ и меня съ исторіей этой части войскъ, откуда вышли великіе учителя, откуда выросли историческія, геройскія и легендарныя личности.

«Но тотъ духъ, который эти люди прусской арміи вселили въ вашу часть, не оставилъ ее и донынѣ. Вашъ корпусъ, который я поздравляю съ великолѣпно удавшимся парадомъ, показалъ мнѣ, что онъ относится вполнѣ сознательно къ своимъ традиціямъ. Когда я весной буду проѣзжать черезъ поля Меца, передо мной предстанутъ 14.000 человѣкъ запасныхъ и ветерановъ. Настоящее связалось съ прошедшимъ. И то и другое даетъ благородную перспективу будущаго.

«Я убѣжденъ, что, если потребуется, то армейскій корпусъ такъ же исполнитъ свой долгъ, какъ исполнилъ его въ царствованіе моего дѣда первый армейскій корпусъ. Ура! ура! ура!»

22 *сентября.*—Вильгельмъ II въ Вѣнѣ. Отвѣтъ на привѣтственный адресъ бургомистра:

«Сердечно благодарю васъ за пріемъ, который вы мнѣ оказали, и за слова дружескаго привѣтствія г-на бургомистра. Г. бургомистръ сказалъ мнѣ только что, что представители города Вѣны единогласно постановили назвать моимъ именемъ часть вашихъ бульваровъ въ Паркѣ. Это— честь совершенно исключительная для иностраннаго монарха. Я глубоко тронутъ, что представители города сочли мое имя достойнымъ, чтобы обезсмертить его на стѣнахъ вашего города.

«Я не знаю, вѣрно ли я понялъ эту исключительную дань уваженія, но я вижу въ ней, прежде всего, выраженіе дружбы и глубокой симпатіи, которая давно существуетъ между вѣнской буржуазіей и мною, вижу въ ней выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя проявляются въ каждомъ дружелюбномъ поклонѣ и въ дружески-сверкающемъ взорѣ прекрасныхъ вѣнокъ, когда я проѣзжаю по улицамъ вашего города. Въ этомъ есть что-то, что трогаетъ и беретъ человѣка за сердце.

«Прошу васъ передать всѣмъ гражданамъ и гражданкамъ этого города мою сердечную благодарность за эту исключительную честь. Это рѣшеніе тѣмъ болѣе священно для меня, что оно было принято—воспоминаніе объ этомъ будетъ для меня тѣмъ дороже и прекраснѣе—въ тотъ годъ, когда монархъ вашъ празднуетъ свою восьмидесятую годовщину, этотъ глубоко вами почитаемый и обожаемый монархъ, на котораго мой народъ смотритъ съ такимъ же почтеніемъ и на котораго я смотрю съ уваженіемъ, какъ на старшаго друга, какъ на олицетворенный символъ самоотверженности и чувства долга. Вотъ почему, выражая городу Вѣнѣ, мою благодарность, я естественно прихожу къ пожеланію, чтобы Господу угодно было даро-

вать благоденствіе на многія лѣта вашему любимому и глубоко чтимому монарху, чтобы городъ могъ мирно продолжать развиваться подъ его благословеніемъ и чтобы вамъ было дано еще надолго приносить ему ваши вѣрноподданническія чувства. Прошу васъ выразить всѣ эти чувства, которыя волнуютъ мое сердце и наполняютъ ваши сердца, воскликнувъ вмѣстѣ со мною, что всѣ мы желаемъ, чтобы благословеніе Божіе еще надолго почило надъ благороднымъ монархомъ этой страны, надъ этимъ обожаемымъ императоромъ, надъ государемъ этого прекраснаго города; что всѣ мы желаемъ, чтобы онъ, его домъ и его страна всегда оставались въ рукахъ Господа Бога и подъ его святымъ покровительствомъ.

«Да здравствуетъ Его Величество Императоръ король! Ура! ура! ура!»

11 *октября*.—Столѣтіе берлинскаго университета. Вильгельмъ II произноситъ на торжествѣ слѣдующую рѣчь:

«Моему вѣрному университету Фридриха Вильгельма приношу мое привѣтствіе и мои пожеланія долгаго процвѣтанія по случаю торжества его столѣтняго юбилея.

«Со дня основанія этого университета, судьба его тѣсно связана съ судьбой нашего прусскаго и германскаго отечества. Когда мой предшественникъ, нынѣ въ Бозѣ почившій король Фридрихъ-Вильгельмъ II, его основалъ, онъ имѣлъ въ виду замѣнить утраченныя физическія силы—духовными. Такимъ образомъ берлинскій университетъ возникъ силою того же творческаго духа, который стоялъ во главѣ возрожденія Пруссіи. И этотъ духъ, создавшій Пруссію-Германію, воплощенный въ лицѣ Фихте, Шлейермахера, Савиньи и ихъ друзей, въ нѣсколько лѣтъ обратилъ этотъ университетъ въ центръ интеллектуальной и научной дѣятельности отечества.

«Въ дѣйствительности берлинскій университетъ далеко не былъ *universitas litterarum* въ смыслѣ Вильгельма Гумбольдта, но онъ постепенно приближался къ этому идеалу. Какъ цитадель науки, онъ пріобрѣлъ въ настоящее время интернаціональное значеніе далеко за предѣлами Пруссіи и Германіи. Благодаря постоянному обмѣну профессоровъ и слушателей, эти отношенія стали очевидны. Въ сотрудничествѣ съ другими высшими учебными заведеніями страны, онъ сталъ нынѣ учрежденіемъ общеобразовательнымъ, что и имѣлось въ виду при его основаніи.

«Собственно говоря, программа Гумбольдта, требовавшая кромѣ университета еще и объединенія научныхъ центровъ, не совсѣмъ еще выполнена; великій часъ насталъ, и мнѣ кажется, что онъ болѣе чѣмъ созрѣлъ для окончательнаго завершенія намѣченной цѣли.

«Огромная научная программа Гумбольдта требовала, чтобы на ряду съ Академіей наукъ и съ университетомъ существовали еще независимые учебные центры, которые составляли бы нераздѣльную часть цѣльнаго научнаго организма. Созданіе такихъ учрежденій не шло въ Пруссіи на ряду съ развитіемъ университетовъ и этотъ пробѣлъ, который особенно даетъ себя чувствовать у насъ въ области естественныхъ наукъ, становится все болѣе замѣтнымъ благодаря грандіозному развитію науки. Намъ нужны учрежденія, которыя выходили бы изъ рамокъ высшихъ учебныхъ заведеній и которыя, не находясь въ зависимости отъ образовательныхъ цѣлей, но не порывая все-таки связи съ академіей и университетомъ, служили бы исключительно для научныхъ изысканій.

«Я вижу, какъ одну изъ священныхъ обязанностей нынѣшней эпохи,—необходимость создать возможно скорѣе такіе центры научныхъ изысканій, и считаю своимъ долгомъ главы государства привлечь общее вниманіе на это начинаніе. Такая высокая цѣль требуетъ громадныхъ средствъ,

она можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если всѣ заинтересованные круги выразятъ готовность принять участіе въ этой работѣ, столь важной, и принести для этой цѣли необходимыя жертвы.

«Вотъ почему я хотѣлъ бы сегодня выяснить и доказать всѣмъ необходимость этой новой задачи, подкрѣпивъ ее слѣдующимъ энергичнымъ предупрежденіемъ: *Tua res agitur*. Я надѣюсь и вѣрю въ успѣхъ этого дѣла; какъ только я изложилъ этотъ проектъ въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, въ мое распоряженіе сейчасъ же и со всѣхъ сторонъ стали стекаться крупныя суммы, въ общемъ отъ 9—10 милліоновъ, доставляемыя съ огромнымъ энтузіазмомъ. Я считаю своею обязанностью выразить здѣсь щедрымъ жертвователямъ мою самую горячую благодарность. Чтобы закрѣпить за этимъ начинаніемъ прочное развитіе, я хочу основать общество моего имени и подъ моимъ покровительствомъ, которое будетъ имѣть цѣлью основывать и содержать учрежденія для чисто научныхъ изысканій. Я готовъ уступить этому обществу денежныя средства, находящіяся въ моемъ распоряженіи. Мое правительство позаботится о томъ, чтобы, въ случаѣ надобности эти будущія учрежденія были бы имъ субсидированы.

«Пусть этотъ день будетъ не только юбилейнымъ торжествомъ берлинскаго университета, но пусть онъ отмѣтитъ также и новый этапъ въ духовномъ развитіи Германіи.

«Хочу выразить университету еще одно пожеланіе въ моментъ его вступленія во второе столѣтіе существованія: пусть онъ вѣрно хранитъ, въ память эпохи своего основанія, свой прусскій и нѣмецкій характеръ.

«Наука—общее достояніе цивилизованной вселенной и ея завоеванія не останавливаются болѣе ни передъ однимъ пограничнымъ столбомъ. И, тѣмъ не менѣе, какъ каждый народъ долженъ оберегать свои особенности, если онъ хочетъ сохранить свою независимость и свою

истинную цѣнность, такъ пусть Alma matrer Berolinensis никогда не забываетъ, что она нѣмецкій университетъ.

«Пусть и на будущее время онъ остается, какъ былъ до сего дня, колыбелью нѣмецкихъ нравовъ и нѣмецкаго характера и пусть каждый изъ тѣхъ, кто имѣетъ честь работать въ немъ, учить или учиться, посвятитъ себя весь этой задачѣ, пусть онъ будетъ проникнутъ духомъ правды и исполнительности и пусть вложитъ въ свою работу ту любовь и серьезность, которыя Гете считалъ украшеніемъ нашего народа.

«Пусть университетъ продолжаетъ такимъ образомъ пользоваться своимъ прекраснымъ правомъ культивировать настоящую науку, которая, по вѣрному выраженію Гумбольдта, исходитъ изнутри и вкореняется внутрь, пусть перерабатываетъ характеры и создаетъ ихъ. Пусть онъ такъ и дѣйствуетъ съ этой благородной свободой, которая сама себѣ устанавливаетъ законы, и въ томъ высокомъ убѣжденіи, что онъ поставленъ блюсти сокровищницу міра.

«*Communis hominum shesaur us situs est in magnis veritatibus*. Но всякая правда исходитъ отъ Бога и духъ его покоится на всякомъ произведеніи, исходящемъ изъ нея и живымъ въ ней. Пусть этотъ духъ правды проникнетъ и въ васъ, гг. студенты *(Commilitonen)*, пусть имъ проникнется каждое дѣйствіе моей дорогой высшей школы! Тогда ваша старость будетъ походить на ваши молодые годы; она будетъ подобна городу, построенному на горѣ, къ которой стекаются народы, она будетъ убѣжищемъ для свой родины».

25—27 *октября*. — Пребываніе нѣмецкаго императора съ императрицей въ Брюсселѣ.

11 *ноября*. — Пріѣздъ русскаго Царя въ Потсдамъ. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ имѣетъ свиданіе съ Бетманъ-Гольвегомъ и съ Кидерленъ-Вахтеромъ, во время бесѣды монарховъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Товарищество А. А. Левенсонъ.
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Vilgelm II : chto on govorit, c
923.143 W678BAR
D90397930/